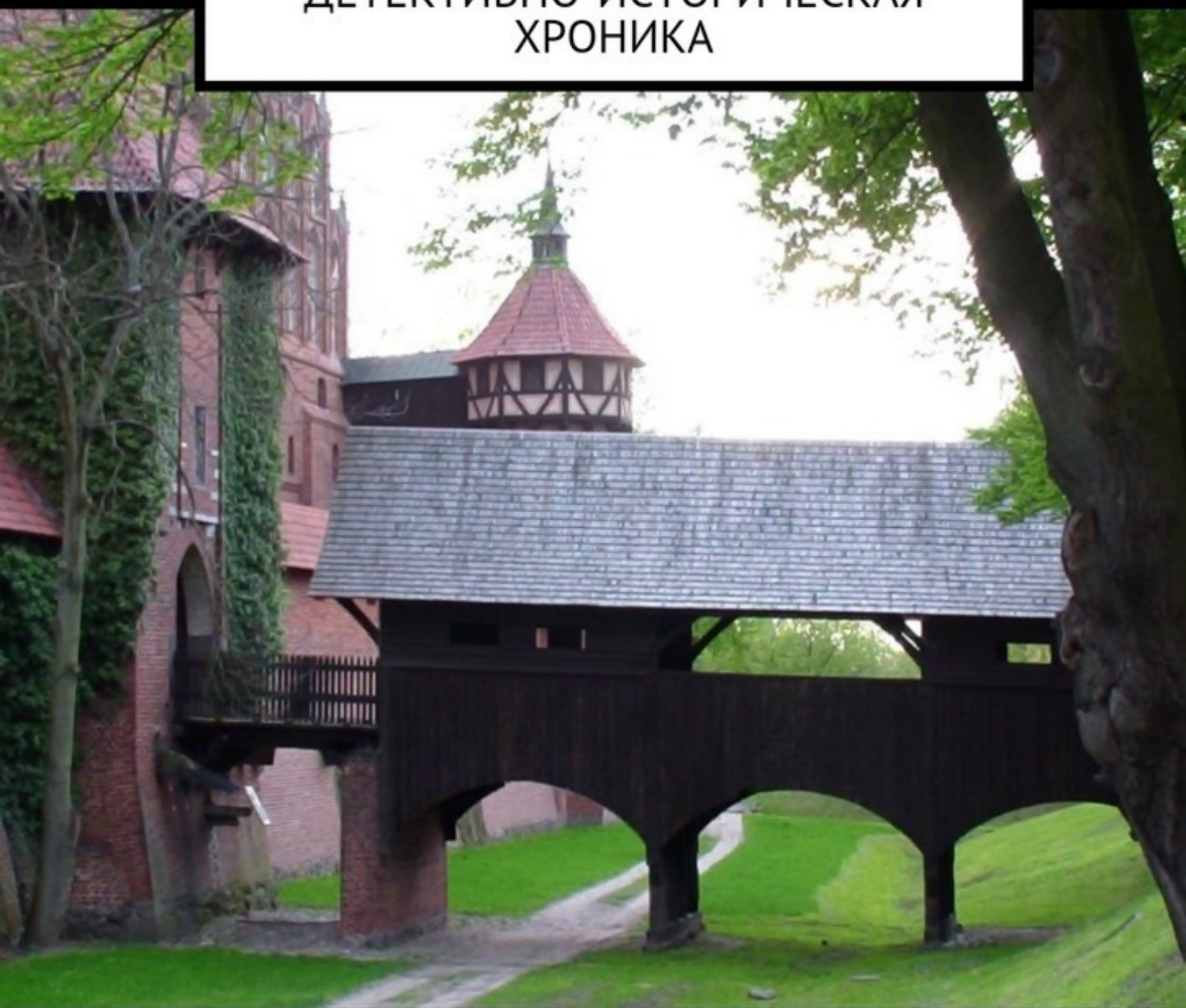

З. А. НУДА

От Аккона до Мальборка

ДЕТЕКТИВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРОНИКА

З. А. Нуда

**От Аккона до Мальборка.
Детективно-историческая хроника**

«Издательские решения»

Нуда З. А.

От Аккона до Мальборка. Детективно-историческая хроника /
З. А. Нуда — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838070-9

Для поклонников истории крестоносцев. Две захватывающие сюжетные линии — современная и историческая, — сливающиеся в единую. Стремительные погони, неожиданные убийства, дотошные расследования, находки и исчезновения... Тонкий юмор и новый — свежий — взгляд на историю крестовых походов. Тайные шифры и артефакты. Детальное представление рыцарского быта и летописное освещение истории Тевтонского Ордена. Топографическая точность в описании мест событий.

ISBN 978-5-44-838070-9

© Нуда З. А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо эпитафии, предисловия и пролога	6
Часть 1. Привет из не очень давнего прошлого...	8
Глава первая	8
1. День первый. Пятница	8
2. День первый. Пятница	10
3. День первый. Пятница	11
4. День первый. Пятница	13
5. День первый. Пятница	14
Глава первая (бис) Год 1303. Август	17
Глава вторая	21
1. День первый. Пятница	21
2. День первый. Пятница	23
3. День первый. Пятница	24
4. День первый. Пятница	25
5. День второй. Суббота	27
Глава вторая (бис)	29
Глава третья	33
1. День второй. Суббота	33
2. День второй. Суббота	34
3. День второй. Суббота	36
4. День второй. Суббота	39
Глава третья (бис)	41
Глава четвертая	47
1. День третий. Воскресенье	47
2. День третий. Воскресенье	49
3. День третий. Воскресенье	50
4. День третий. Воскресенье	52
Глава четвертая (бис)	55
Глава пятая	59
1. День третий. Воскресенье	59
2. День третий. Воскресенье	61
3. День третий. Воскресенье	62
4. День третий. Воскресенье	64
Глава пятая (бис)	67
Глава шестая	71
1. День четвертый. Понедельник	71
2. День четвертый. Понедельник	72
3. День четвертый. Понедельник	74
4. День четвертый. Понедельник	76
Глава шестая (бис)	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

От Аккона до Мальборка Детективно-историческая хроника

З. А. Нуда

© З. А. Нуда, 2017

ISBN 978-5-4483-8070-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо эпиграфа, предисловия и пролога

Монолог в телефонной трубке длится уже один час одиннадцать минут и... тринадцать секунд, судя по часам на мониторчике. Она говорит и говорит, захлебываясь собственными словами, мыслями, ассоциациями и воспоминаниями, выкладывая все новые и новые детали происходившего в ее жизни за последние месяцы семь-восемь – со дня ее последнего звонка к нам.

Она – подруга жены еще со студенческих лет. После гибели жены звонит изредка. Начинает со слезами, с «охами» и «ахами» по поводу того, какой отдушиной всегда была Лария в ее тускло-серой жизни, как она скучает без Ларии, каким для нее шоком стала ее гибель, и т. п. Потом переходит на свои текущие проблемы и переживания, пересказывает все коснувшиеся ее сплетни, ругает работу, коллег, третирующее ее начальство, жалуется на заливающих ее квартиру соседей и на шестнадцатилетних дочек-двойняшек, которые, оказывается, уже живут с мужчинами. Возмущается современной молодежью, недоступной ипотекой, жарой на улице, «собачниками», правительством. Чуть погодя, уже восхищается собой, собственными стихами, читает отрывки «из неопубликованного», которое, наверняка, так и не найдет никогда ни своего издателя, ни читателя; клянет очередного «знакового», исчезнувшего, как только ей захотелось поехать с ним в Шарм-эль-Шейх, нудит о тоске от одиночества...

Она говорит банальности. А я банальности не люблю, если только они не выворачиваются наизнанку. Лишь в таком, изнаноном, состоянии они становятся по-настоящему интересными. И вообще, кто-то же сказал, что жизнь только на десять процентов состоит из того, что с нами происходит, а на остальные девяносто – из того, как мы на это реагируем. Она реагирует словами.

Она относится к той категории людей, которым необходим слушатель, способный спокойно «загрузиться» ее проблемами, на которого – в отсутствие мужа как такового – можно безболезненно выплеснуть накопившийся психологический негатив и «подпитаться» от него же позитивной энергией. Эдакий энергетический вампир, с громким хлюпаньем сосущий энергию по телефонным проводам. Но я вампиров не боюсь, я не чувствую их вампиризма. Может быть, потому, что я сам вампир?

Сегодняшний монолог – не исключение. Хорошо иметь громкую связь на телефоне: «пламенную речь» доносит до всех комнат в квартире, а ты занимаешься своими делами. За час с... уже четвертью я успеваю сварить себе кофе, посмотреть новости по телевизору, сделать два звонка по мобильнику, предварительно нажав «mute» на «самоговорящей» трубке, сходить в туалет «по малой нужде» и сделать еще кучу всяких мелких дел. Только изредка прикладываюсь ухом к трубке и вставляю какие-нибудь междометия-восклицания. Большого от меня не требуется для поддержания разговора.

Приходит с работы старшая дочь Даша, останавливается в дверях кухни и, ехидно улыбаясь, с минуту слушает. Я прикладываю палец к губам, и она понимающе кивает головой: «Ну-ну!». Циник и скептик по натуре, несмотря на юный возраст, – она такого с собой не допускает: с ней «душу излить» не удастся, она не такая терпимая, как я. Сразу обрывает и решительно завершает разговор.

Нажимаю очередной раз «mute».

– Это Кострова.

– Я поняла. У нее снова «словесный понос»?

– Ну, зачем же так? Может быть, это «поток сознания»?

– Нет, это гибрид, – «словесный понос сознания»! – и подумав пару секунд, добавляет, – я бы даже сказала, «безудержный словесный понос на основе неконтролируемого потока сознания»!

– В любом случае, диарей. Но зато она – «блестящая собеседница», хоть и сплетница. –
Пытаюсь иронизировать.

– Нет, пап. Изучай определения! Если человек часами говорит с тобой *о тебе*, то это блестящий собеседник. Если же он часами говорит с тобой *о других* – это сплетник. А вот если человек часами говорит с тобой *о себе* – то это зануда!

Вот так вот! Ставит все по полочкам. Поучает отца! Именно поэтому-то она в свои 25 лет – директор фирмы, хоть и маленькой, а я в свои 50 – всего лишь зам. нач. отдела, хоть и большого. В Одессе это называют «двумя большими разницами»!

И ведь как права! Зануды терпеть не могут разговаривать с занудами. Не зануды – тоже. Как же мало в мире хороших собеседников, – людей, с которыми можно поговорить о себе.

Часть 1. Привет из не очень давнего прошлого...

Глава первая

1. День первый. Пятница

*«Призрак бродит по Европе...»
«Манифест...» К. Маркс, Ф. Энгельс*

Вандалы памятники оскверняют и разрушают. Потому что памятники – не им. Так, может быть, стоит открыть памятник вандалам? Они хотя бы на время растеряются, остановятся и прекратят памятники сквернить. А тех, кто из лифтов туалет делает, – может быть, по аналогии стоит поселить в лифтах? Тоже растеряются, хоть на время. Клин клином, так сказать.

Я не увлекаюсь дайвингом без акваланга и надолго задерживать дыхание не умею. Но секунд на сорок и даже чуть больше – научился. Больше мне и не надо. За это время я успеваю войти в лифт, нажать кнопку, спуститься с 13-го этажа и выйти из лифта.

Вот уже больше десяти лет ежедневно перед лифтом одно и то же: вдох, шаг вперед, кнопка, разворот, бездыханная пауза, щеки раздутые, глаза выпученные, зыркающие по похабным надписям на стенах или вперенные в пол, шаг вперед и выдох. А если бы этот путь занимал пару-тройку минут? Или если бы лифт застревал между этажами? Наверное, я бы умер. Или уехал бы в деревню жить. В крайнем случае, купил бы противогаз с чемоданом угольных фильтров про запас, носил бы его на ремне через плечо, как постоянное напоминание об армейской молодости, да еще о «товарище Корейко» из «Золотого теленка».

Но противогаса нет, живу в Москве, пока еще жив, мирюсь с «временными неудобствами», которые почему-то всегда оказываются постоянными и за которые никто мне не приносит своих извинений.

Открываю дверь подъезда в предвкушении яркого солнечного утреннего света, навстречу радости от свежего чуть бодрящего воздуха – и упираюсь носом в физиономию, помяту с похмелья, опухшую, посеревшую до полупрозрачности и фиолетового оттенка, от которой разит явно не благородным коньяком, и которая совсем не планирует уступить мне дорогу... Такой призрак или вампир...

– О, здорОво, сосед! – физиономия изображает подобие радостной, но болезненной улыбки, при этом мешки под и над глазами надуваются, наполняются чем-то (уж не «бормотухой» ли), чуть ли не взрываются.

Ну почему я не люблю такого «гегемона, могильщика империализма»? Ведь у самого родители – работяги. Всегда были работягами – до самой пенсии, хотя правильной их было бы считать колхозниками. Но отец строителем был, лучшим мастером-столяром во всей округе: и в своей казачьей станице, и в соседних селах. Не было такого дела, за которое бы он брался и не мог справиться. Порой уникальные вещи делал, а сколько домов односельчанам выстроил – не перечеть. Вот это рабочий! А тут... пьянь.

Лёха – забулдыга, хроник, не просыхающий алкаш... Тоже мне, сосед! Одно достоинство: всегда знает, что именно ему нужно.

Пытаюсь обойти и оторваться – мне на работу ехать давно пора... Нет, не отстаёт до самой машины, пьяно покачиваясь и шмурыгая сзади приросшими уже к ногам кирзовыми сапогами. Интересно, он в портянках или в носках? А может быть вообще на босу ногу?

– Хорошо, что эт... что ты мне попался. Если б баба вышла, все б.. эт... нах... пропало б. А мужик мужика поймет... Слуш, сосед, дай полтинник на опохмелку... Горю весь... Я отдам как-нть... Или отработаю... Слышь? Ну, пойми... Мужик же...

А что тут понимать? Я его каждый день у подъезда вижу по пути на работу в семь утра и по пути с работы в восемь вечера. В семь еще не протрезвел, а в восемь уже давно вдрызг... А если из гостей в два часа ночи возвращаешься домой – он у подъезда сидит или на скамейке спит под деревом. Чем занимается, на что пьет, куда смотрит родня и есть ли она вообще, – может он сирота – не знаю. Возраст тоже не определишь уже: от 35 до 75 где-то. Ходит, волоча ноги и отключив зад, отчего невольно напрашивается вывод, что у него либо хронический геморрой, либо не проходящее послабление желудка...

– Я не ношу с собой наличные, – пытаюсь как можно интеллигентней отговориться, отбиться от назойливого соседа и захлопнуть дверь машины. – У меня зарплату на карточку перечисляют. И потом, с какой такой стати я тебе должен деньги давать? Вас тут столько болтается, желающих выпить «нахаляву»! А у меня две дочки на содержании! Я их кормлю и одеваю-обуваю-обучаю! На свои кровные содержу. И заметь, на *заработанные* деньги! Своим горбом, потом и кровью, можно сказать, заработанные!

– Ну я ж говорю, отработаю... Может, это..., если с собой нету, эт... карточка если, мож... из дома? Сходи, а... Принеси... Я твою машину постерегу пока, а ты мне за это, эт..., полтинник, за охрану-то, а?

Ну и логика! «Давай я твои карманы проверю, а ты мне за это заплати!». И это называется «отработать»! Пора забывать про интеллигентность, вспоминать, что-нибудь из ненормативной лексики. Смотрю на Лёху и вдруг понимаю, что надо верить Дарвину, он прав: достаточно взглянуть на этот типичный образец...

– Я лучше какой-нибудь бабуле в магазине этот полтинник отдам, чем тебе! Им сейчас даже на хлеб не хватает! Копейки считают. – Но благородные аргументы на Лёху не действуют. Не привыкший он такое понимать. Зато «отвали» и «свободен» достаточно, чтобы кирзовые сапоги обиженно потопали обратно к подъезду поджидать очередную «жертву».

– Аукнется тебе еще... Не уважаешь... рабочего человека! Эт... аристократ!... Хренов! – Доносится после паузы уже от угла дома.

Ну, правильно, *такого* «гегемона» – не уважаю! И вообще избегаю. Я ж не свояк, которому алкаши за бутылку и огород вскапывают, и траншеи роют под водопровод, и стройматериалы ворованные тащат... Эх, все-таки мой отец был – да, настоящий рабочий класс! Руки – золотые! Мне от них по наследству только легкая-легкая позолота досталась, тонюсенький такой слой, микроны, можно сказать.

Разворачиваюсь на «пяточке» перед домом, в зеркало вижу выглядывающую из-за угла голову соседа Лёхи. Интересно, какие у него сейчас мысли в голове? Может быть, ему убить меня хочется? Ну, это ему слабо! Только если до потери пульса упьется и соображать не будет. Или колеса у машины порезать? Это запросто! Ночами бродит по двору, заняться нечем.

Хорошо хоть у меня гараж какой-никакой есть, жестянка-жестянкой, но все-таки железная крыша над железным конем! Или над лошадкой? Это только сегодня я совсем рано к машине выскакивал: вчера вечером забыл в ней пакет с бритвенными и туалетными принадлежностями. Ну, не ночевал я дома накануне, и что? Имею право.

А вообще всегда машину в гаражик ставлю: «ракушка» или «хлебница» в народе называется. У меня она на отшибе – крайняя в целом ряду таких же «сородичей». Последним ее ставил. Дальше уже забор идет, и ставить больше некуда не только машину, но даже и велосипед.

Но крайним быть мне не привыкать, у меня и фамилия на «Я» начинается. С детства из-за этого последним в списках значился, во всех очередях – от учебников в школе, до квартиры – всегда в хвосте был, привык. Но это же и подстегивало всю жизнь, *maid me jumpu*, заставляло

не только *стремиться быть, но и фактически быть* лучшим, первым, самым-самым во всем остальном. Борьба с собственным комплексом на букву «Я».

И успешная, как мне кажется, борьба.

2. День первый. Пятница

*Bit by bit, I've realized That he was here with me;
I looked into my father's eyes. My father's eyes.*

Eric Clapton

Дорога в офис в Москве – непредсказуема. Можно доехать за сорок минут, несмотря на «час-пик», а можно пару часов проторчать в пробке. До МКАД-а – километр, по МКАД-у – пятнадцать, потом по городу еще семь. Вечером обратно – то же самое. Когда я последний раз на Садовом был-то? Не припомнить уже! Дожил! А считается, что в столице живу! Надо в ближайшие же выходные куда-нибудь в кафе выбраться или просто прогуляться, посмотреть, что там в центре нового.

Как бы там ни было, а я люблю дорогу на работу и с работы. Утром она «заряжает», а вечером «разряжает», стресс снимает. За этот час-полтора успеваешь и «козлами» всех вокруг обозвать, и сам себя «козлом» почувствовать, утром – азарт ощутить, который на работе ожидается, вечером – быстро забыть про служебные дела и проблемы...

«В столице – 8 утра. Новости на «Серебряном дожде».

Ну вот, потом будет реклама, погода и пробки. Опять скажут, что от Варшавки до Ясенево затруднения, а я уже «вляпался» в это «болото» машин и вынужден тащиться черепашим шагом. Сообщали бы минут на 20 раньше, я успевал бы выбрать другой маршрут...

Эх, «если б да кабы...»! Сколько их было в жизни, этих «если б», – больших и крохотных совсем, серьезных и примитивных, – которые так и не пришлось или не удалось проверить: «а что же было бы, если бы...?». А если бы я, например, поддался бы на слезные мамины уговоры, как и положено прилежному сыну и пай-мальчику? Не уехал бы в свое время в Москву из своей казачьей станицы? А если бы я папуасом родился? Где-нибудь на островах Папуа-Новая Гвинея? А если бы я на москвичке женился, профессорской дочке какой-нибудь, – из-за прописки, по холодному расчету, а не по любви к провинциальной «тургеневской девушке» из общежития МГУ? А если бы я жил не на 13-м этаже, а на первом или максимум на втором?... Стоп, хватит... Про этажи не надо!!

«Нокиа» в кейсе на заднем сиденье надрывается. Ну кому я мог понадобиться в такое время? Я ж за рулем не треплюсь, – все знают! Тем более, всегда в левом крайнем ряду ездю, а тут не тормознешь, чтоб кейс открыть, найти там телефон, поговорить... Неужто что-то «экстра» у дочек случилось? Надо бы глянуть... А вообще-то, надо бы давно уже разные мелодии на номера телефонов установить – по песенке бы знал, кто меня домогается... Так, заткнулся... Отлично! Если что-то чрезвычайное – еще раз позвонят, не буду дергаться пока.

Все-таки хорошо, что уже пятница. Завтра можно спокойно отоспаться, собрать в кучу обрывки мыслей в голове, заглянуть вперед на пару-тройку недель, какие-то планы набросать себе... Опять трезвонит... Дотянуться до кейса, что ли, пока на месте без движения торчу? Тут еще долго придется стоять... Вот черт, зря изворачивался! Этот долбанный кодовый замок... Колесико какое-то из трех провернулось... И очки тоже в кейсе, а с моей дальновзоркостью – только на ощупь теперь колесики крутить, щелчки считать. Или кого-то – не такого старого и слепого, как я – просить в офисе. А мобильник зудит в который раз уже...

После очередного светофора не выдерживаю, протискиваюсь вправо, подрезаю экскаватор на резиновом ходу, – усатый мужик в кабине через опущенное стекло изливает в мой адрес красочный, в чем-то даже красивый, мат: умеют же люди! Пытаюсь ответить тем же, но полу-

чается блекло: фантазии не хватает, мысли о другом, да и не умею я не нормативно... Другому меня учили родители, и воспитывали по-другому.

Наконец, добираюсь до кейса, пытаюсь разглядеть, которое колесико не на цифре 9. Бесплезно! Без очков все расплывается. Все три прокручиваю в обратном направлении до упора, – до нуля, а потом по очереди кручу каждое и отсчитываю по девять щелчков. Есть! Открыто. Открываю очечник, напяливаю свои три с половиной диоптрии, смотрю, кто звонил. А звонил неизвестный. Даже очень неизвестный: судя по номеру, я и оператора такого не знаю. Не «Би-лайн» и не МТС. Что ж за срочняк такой? Может быть, просто ошиблись номером?...

Протиснуться обратно в поток машин удастся на удивление легко: миловидная девушка в очках и с хвостиком на затылке – раньше такие прически называли «я у мамы дурочка» – предусмотрительно притормаживает, увидев сигнал моего поворотника. Я же, со своей стороны, трижды подмигиваю ей аварийками в знак благодарности – уважаю девушек, понимающих без слов, чего от них хотят. Я бы и лично с такой не прочь пообщаться, не только мигалками. Теперь еще левее, в крайний ряд – мне потом на стрелку уходить. Главное, не царапнуться ни с кем в двухстах метрах от офиса прямо перед началом рабочего дня.

На перекрестке догоняю экскаватор. Завидую все же я этому усатому мужику: на работу – на экскаваторе!!! Скорость в пробках – как у всех, сидит высоко, – выше этих «джипов» и «ланд-роверов», всех и всё видит, за царапины не волнуется – у него, считай, броня! Ему б еще пулемет крупнокалиберный в кабину – цены бы такой технике не было. А тут тащишься на своих «жигулях», – иномарки с презрением «не замечают» и втискиваются даже туда, куда на «Оке» не втиснешься, наверное, «гегемоном» меня считают или просто «быдлом», а внедорожники вообще переехать или перепрыгнуть норовят! В принципе, мне плевать: меня пока «жигуль» устраивает в полной мере. Считай, уже лет 15 устраивает, хотя нынешней машине всего-то четыре года.

Последний поворот, разворот, парковка. А на «Серебряном дожде» – Эрик Клэптон. «My Father's eyes». Не могу *не* дослушать! Душевно! Только вот под эту песню у меня один и тот же дурацкий образ в голове: глаза – на ладошке. И это все портит. Самому за себя стыдно и обидно! С моим-то пиететом по отношению к нему! Перед отцом и его авторитетом всегда преклонялся и трепетал, уважал его безмерно, – а тут ничего поделаться с собой не могу. И нравится песня, и в то же время, – прямо кадр из фильма ужасов перед глазами крупным планом. Вот, чёрт!

С последними аккордами песни защелкиваю замки на дверях, снимаю панель магнитолы – с собой забираю всегда, на моей памяти уже штуки три умыкнули... «Нокиа» опять напоминает о себе. Смотрю на номер – «дом».

– Пап, тебе какая-то полька звонила, но кто именно, я не поняла. Говорила по-русски, но с сильным акцентом. – Это моя старшая дочь, Дашка, прозвонилась, говорит на ходу, видимо, к метро чапает. Да еще и жует что-то!

– А фамилию не говорила?

– Не-е, свою не назвала, но сказала, что наш телефон ей дал какой-то Адам. Мне пришлось твой мобильник ей продиктовать, иначе не могла отделаться... Очень настырная...

– Да уж, я это тоже понял. Трезвонила мне всю дорогу. Хорошо, я поговорю, если перезвонит.

А она перезвонит. Сомнений у меня в этом почему-то не было.

3. День первый. Пятница

«Всем вьйти из теш!»
«Ночной дозор»

Если б у меня было две жизни – одновременно-параллельных – я б одну в «зачеке» держал! Заныкивал бы! Приятно ведь иногда «руку запустить», когда переключиться хочется. Захотелось от рутины отвлечься, в авантюры пуститься, – раз, и переключился, ушел в тень... Поавантюрил и вернулся к обычной жизни. Захотелось покоя и одиночества, – сходил в тень, забыл обо всех проблемах, отдохнул и вернулся. Конечно, отпуск с выездом на теплые моря, в жаркие страны где-нибудь поздней осенью отдаленно напоминает такой «загашник». Но все равно не то... Уж очень короткая и скоротечная она – жизнь отпускная!

– Доброе утро... Доброе утро... С пятницей! – это тетенькам-коллегам-финансисткам. В одном кабинете сидим который год уже... Женский коллектив. «Розарий»! Но что интересно, чем дольше сидим, тем «двухмернее» они становятся. Как дешевые постеры на стенах. То ли «глаз замылился», то ли рутинная работа «трехмерность» уничтожила – не знаю.

Да... Параллельно и одновременно две жизни, конечно, не потянуть. А вот некий «запасец», «загашник» иметь, – что может быть приятней! Ощущение уверенности, оптимизма, спокойствия за всем этим. Всегда можно на альтернативный вариант перейти в случае чего... Натура у меня, видимо, такая. Раньше б назвали «кулацкой», а мне кажется – крестьянская, деревенская. Надо чтобы огурцов соленых кадушка полная была, капусточки квашеной на зиму, картохи мешков пять-десять в погребе, сала соленого... Не помешает.

Вот и с работой также: есть одна, хорошая, удовлетворяет пока, интересная... Но хорошо б еще чего-то, параллельного! Не обременительного! Но стабильного и всегда имеющегося в наличии, что б в любой момент... И не из-за денег – мне нормально платят, – а скорей для морального удовлетворения. Всю жизнь живешь и понимаешь, что мог бы заниматься чем-то другим так же профессионально, так же зарабатывать, и было б это также интересно. Но приходится выбирать: или—или, жертвовать одним в пользу другого... А правильно ли выбрал? Вдруг ошибся, и в чем-то другом было бы намного интересней? Хорошо бы и тем, и другим одновременно заниматься. Чтобы уж точно знать... Известно же, что неизвестность – хуже всего. Во, каламбурчик-с, однако...

Конечно, можно компенсировать за счет хобби. Я, к примеру, обожаю ковыряться в старинных часах. Да и не в старинных тоже. Понятное дело, что восстановить сломанное удастся реже, чем окончательно доломать. Но сам процесс! Вот было ведь время, когда безденежье одолевало, приходилось и извозом заниматься, и часы реставрировать, восстанавливать им ход и бой. Увлекательно. Но бесперспективно. Для души – нормально. А семью кормить надо иными навыками и на стабильной основе. Не могу я случайными заработками перебиваться. Дочкам стыдно в глаза смотреть и признаваться, что у мужика с тремя высшими образованиями в кармане эхо гулко и раскатисто-многократное, как «ура-а!!» на Красной площади во время военного парада!

...Пока компьютер загружается, завариваю себе кофе. Традиционную чашку, которой хватает на весь день. Не потому что большая, а потому что пью по чуть-чуть, но весь день. Где-то слышал, что характерная черта Козерогов – все есть маленькими кусочками, пить маленькими глоточками и т. п. Может быть и правда, есть и у меня такое. Ну, а что остывает за день – холодный кофе тоже свою прелесть имеет.

Поглядываю на мобильник, – все откладываю звонок: пусть сами еще раз прозвонятся! Не хотелось бы, что бы за этим стояли какие-то проблемы. Хорошо бы просто «привет из прошлого», теперь уже из прошлого века. Из командировки-то, из Польши, я вернулся в 91-м, активно общался с друзьями-поляками до 96-го. Потом пауза. Открытки на Новый год – максимум! И то не каждый год и не от всех. А ведь четыре года жизни там оставил! Очаровательных четыре года! Замечательных! Интересных! Хорошее положение – дипломат, консульский работник, служебная (халявная) машина, служебное (халявное) жилье, приличная, почти достойная зарплата, поездки дальше в Европу, практически полулегальные по тем временам. В центре политических событий – это вообще хлеб насущный для дипломата...

Столько лет уже прошло, – воспоминания остались лишь самые приятные, всякие «бьяки», неприятности и негатив вытерлись из памяти, а остались симпатия к стране, любовь к языку, хорошее отношение к друзьям-приятелям и дочка Саша – щецинянка! Старшей – Даше – тогда уже почти 9 лет было. А тут – сестра! Кроха крикливая! Она родилась на втором году командировки. Свидетельство о рождении выписывал ей собственноручно и храню по сей день. У кого еще такой документ, выписанный и подписанный отцом?! Раритет, однако!

...А между тем, мобильник молчит... зараза...

Нет, ну с какой стати я должен кому-то названивать? Да еще на неизвестный номер? Если я действительно кому-то нужен, – позвонят! Молчат – значит, ничего срочного. А может, вообще передумали, планы поменяли... Или заняты пока... Все, хватит ждать, пора работать!...

4. День первый. Пятница

«– А почему это Александр Васильевич у нас ничего не ест?»

Из рекламного ролика

У меня «мусульманская диета». Так на работе мои коллеги-тетеньки говорят. Это потому, что я не хожу в нашу столовку обедать. Вот и считают, что я «до первой звезды» ничего не ем. Хотя «до первой звезды» – это скорее по-христиански, чем по-мусульмански. Но если они так считают, – перечить не буду, не умею женщинам перечить, бесполезное и неблагодарное занятие.

Да, я не завтракаю дома. Еще пару лет назад, когда Лария была жива, было иначе. Но не потому, что она мне завтрак готовила, а потому, что я вставал раньше всех, брился-умывался, на всех варил сосиски или жарил глазунью, будил своих «спящих красавиц», быстро съедал свою порцию, выпивал кофе и уезжал на работу. А в офисе мне хватало короткого перерыва на кофе со слоеными пирожками в буфете часа в три дня. Ну а когда возвращался домой, – там уже был полноценный обед, с горячим борщом, котлетами по-деревенски, чаем из самоварчика... Детство в деревне все-таки сказывается: обожаю настоящий русский борщ!

Но после гибели Ларии в одночасье все поменялось. Утром готовить самому себе стало лениво. Дочки-девушки следят за фигурой, им не угодишь, да и встают они утром несколько позже меня, когда я уже ухожу из дома. Поэтому я теперь посещаю буфет часов в 11, чтобы позавтракать, и по-прежнему не хожу в столовку. А тетеньки, по-прежнему, уверены, что я только на ночь наедаюсь, как удав, и лишь удивляются, что не толстею при таком режиме. Завидуют, видать! Сами-то уже по десятку диет «отсидели», а «прирост» никак не остановят. Бесплезно и безнадежно!

...Кофе в буфете отличный варят. И творожники «Саксонские» со сметаной – горячие, поджаренные, пахнущие ванилью, с изюмом – это шедевр!!! А сегодня у них драники, тоже со сметаной! Ммммм... Вкусно!!! Не мог устоять! Так же как и перед профитролями с печенью трески!!

От звонка «Нокии» я чуть не захлебываюсь кофе! Ага. Тот же номер.

– Алло, это пан Анджей? Здравствуйете. – Приятный девичий голосок с очень заметным акцентом. Но скорее не польским, а каким-то прибалтийским...

– Добрый день. Да это я. Слушаю вас.

– Меня зовут Барбара. Я звоню вам по рекомендации пана Адама Вуйчика.

– Ээ... Очень приятно, конечно, только я в некотором затруднении... не удастся сразу вспомнить... Видимо, это было очень давно... Имя мне ничего не говорит... – Да если бы и говорило, я все равно сходу не признался бы: мало ли что там за ним стоит. В своих друзьях я его все равно не числил.

– Он когда-то пытался наладить бизнес в России, приезжал в Москву, и пан организовал ему несколько встреч с бизнесменами. Он жил в отеле «Россия», ездил в Воронеж, подписал контракт на поставку линии по производству йогуртов... – Девушка готова была и более подробно изложить программу его пребывания в Москве в тот раз. Но я предпочитаю остановить ее.

– Ах да, конечно. Теперь припоминаю. Но у нас уже лет 10—12 не было с ним никаких контактов. Чем же я могу вам помочь сейчас?

– Я сопровождаю одного австралийского бизнесмена в качестве переводчика. Он проездом в Москве, сегодня ночью мы улетаем. Но до этого ему необходимо встретиться с вами. Деталей я не знаю. – Категоричность и официозность тона настораживает, но это можно отнести и к сложностям общения на русском для иностранки.

– Но я на работе, и раньше 19 часов вряд ли смогу попасть куда-то в центр города.

– Нет-нет. Он бы предпочел не отнимать у вас много времени, приехать к вам домой, переговорить и уехать. Минимум неудобств для пана. – Чувствуется, что, произнося это, она вежливо – по-секретарски – улыбается заученной улыбкой. Почему-то меня это успокаивает, и я соглашаюсь.

– Ну если его и вас не смущает... ээ... визит в типичную московскую квартиру на окраинах города, – милости прошу! Надеюсь, вы уже знакомы с московскими подъездами и лифтами в многоэтажках, сталкивались? – пытаюсь хоть как-то предупредить возможный шок от вонючего лифта.

– Да-да. Мы хорошо знаем московские реалии. И это не принципиально.

– Тогда пишите адрес...

5. День первый. Пятница

«Такое скопление людей я видел только трижды в жизни: во время студенческих волнений в Гринвич Вилледж, на фресках Сикейруса и в фильмах Бондарчука»

из пародии Л. Филатова на Р. Рождественского

Мне было стыдно – по-настоящему стыдно, до потери пульса, безудержно, когда неделю не можешь спать ночами, мысли жгут и буравят мозг так, что хочется исчезнуть куда-то, рассыпаться на мелкие частицы, прекратить существовать – так стыдно было всего трижды в жизни.

Первый раз – лет в 12 – в своем деревенском отрочестве после купания в пруду. Хороший пруд был, большой, в виде огромной морковки, с высокой дамбой, с обратной стороны которой в реденьких кустах можно было снять мокрые трусы и выкрутить. Или, не снимая, спустить их ниже колен и сильно перекрутить, таким образом отжимая.

Вот за таким занятием на меня случайно (ли?) наткнулись две моих одноклассницы. Мы стояли, замерев, несколько секунд, глядя друг на друга, – я голый, открытый для обзора от макушки до пят, со скрученными, как половая тряпка, трусами в руках, а они с широко раскрытыми от неожиданности и нетипичности моего облика глазами и ртами, – пока я, наконец-то, не пришел в себя и не начал судорожно натягивать скрученные трусы. Потом ринулся в кусты и сидел там еще минут пять, провожая глазами уходящих обратно и бурно щебечущих друг с дружкой одноклассниц, сердце бешено колотилось, отдавалось в ушах, от которых, казалось, шла испарина, щеки горели, нос, лоб, затылок.

Но самое страшное было потом, когда приходилось встречаться с ними в школе, в клубе, на улице... Хотелось провалиться куда-нибудь под их взглядами, стать неузнаваемым, чтобы меня принимали за кого-нибудь другого, стать гипнотизером и заставить их забыть этот эпизод... Я краснел, отворачивался, начинал суетливо говорить что-нибудь приятелям... К счастью, время было на моей стороне.

Второй раз мне было безмерно стыдно, спустя 15 лет, когда я уже после окончания двух вузов только-только начал работать в суровой государственной структуре, которые теперь именуют «силовыми». Во время визита министра внутренних дел Польши меня заставили – в прямом смысле слова заставили – выступить переводчиком для жены министра во время экскурсии в Оружейной палате. У меня за плечами было всего лишь 2 года изучения польского языка в институте в качестве второго, дополнительного. Разговорной практики не было вообще. А в Оружейной палате даже не каждый профессиональный переводчик согласится переводить без предварительной подготовки. Меня же начальник отдела посадил в машину, привез и приказал: переводи! Остальные сотрудники отдела, свободно говорящие по-польски, были заняты на переговорах с самим министром. Я же, как военный человек в то время, не мог сказать «не могу»... Ну и мямлил жене министра невесть что, с трудом вспоминая даже обычную лексику... По сей день и вспоминать об этом не хочу...

Третий раз – еще спустя лет 15, когда в аналитической записке я «перестарался» в промежуточных арифметических подсчетах, «подправил» компьютер и в итоге дважды посчитал проценты. Естественно, конечная цифра у меня потеряла два ноля. Вроде бы мелочь, но если сопоставить 2 млн. и 200 млн. долларов, – то спать не хочется очень долго! Хорошо, что хоть из зарплаты не высчитывали... Но главное было в том, что шеф всегда безоговорочно верила моим расчетам, полагалась на них... А я подвел. До увольнения дело не дошло, пожурили. Но стыд жжет по сей день.

Ну а сегодняшний визит австралийца, судя по всему, мог бы стать четвертым в моей жизни эпизодом такого стыда. Мог бы, но не станет. За свою квартиру – то есть за себя – мне не будет стыдно. А вот за подъезд и лифты в нашем доме... Но это уже его проблема. Пусть видит реальную Россию! Обидно, конечно, за «обписанную» или «записанную» державу, но спать я потом все-таки буду.

Дорога с работы домой занимает у меня, как ни странно, вдвое меньше времени, чем на работу, даже несмотря на то, что заезжаю в «Перекресток», закупаю деликатесов к столу. И это правильно! Дорога домой должна быть легкой! Пробки легче переносятся, девушки за рулем – совсем не мегеры, как утром. И гаишники, – если даже тормознут, – не такие уж ненавистные...

Только вот подошвы горят: целый день в обуви. И спина, если зачесется, то именно в том месте, куда никак не достать! Особенно, если едешь за рулем. Скорей бы доехать, снять костюм, галстук, и все остальное, плюхнуться в ванну хоть на полчаса, переодеться, чтобы человеком себя почувствовать... Но до ванны дело не доходит, успеваю только мясо для гостей запихать в духовку.

Звонок домофона звучит неожиданно, хоть я и жду гостя в любой момент... Пару минут спустя встречаю гостей у лифта. Целую ручку даме, пожимаю крупную ладонь джентльмену:

– Андрей. Здравствуйте. – Первым представляюсь гостям.

– Ежи. Добрый день. – Говорит по-польски.

Приглашаю за собой в квартиру.

Она – маленькая, очаровательно полненькая, с короткой стрижкой, выкрашенными в каштановый цвет волосами, причесанными, видимо, рукой. Тонкие, но улыбочивые губы, аккуратные очки в дорогой оправе – я теперь спец по оправам, недавно дальнозорким стал! Костюмчик «гарсонка», – темно-зеленые юбка и пиджачок в веселый беленький горошек, платочек на шее в тон, – очень гармонирует.

Он огромного, по сравнению со мной, роста, – за 190 см точно будет! Такие обычно передо мной в кинотеатре сидят, экран закрывают. Если усы сбрить, – Горец из одноименного сериала. Руки большие, пожимает крепко. Почему-то в плаще, хотя жара на улице. Видимо, когда собирался в Россию, начитался всякого про нашу погоду... Типично для иностранца, судя по всему. Плащик-то – «макинтош», стального цвета, длинный, моднющий во все времена.

В руках букет из пяти роз со всякими зелеными украшениями и в цветастом целлофане. Рублей 700, думаю, отвалил за него. Только кому эти розы-то? И широкополая шляпа а-ля Америка 30-х годов. Ну, прямо, из «Крестного отца»! Того и гляди, сейчас бросит букет, выхватит из-под «макинтоша» скорострельный автомат и начнет здесь все решетить!!! Полный разгром, лужи крови.... Потом равнодушно наступит на розы и шагнет к выходу....

В коридоре предлагаю снять плащ и шляпу, пристраиваю их на вешалку.

– Цветы для вашей жены... – По-польски говорит чисто, – поляк, однозначно, хоть и австралиец. Цветы придерживает, выжидает пока, а мне протягивает свою визитку.

Мнусь, не зная, как объяснить. И надо ли вообще объяснять.

– Спасибо. Очень мило... К сожалению, жены... с нами нет... Знаете... В общем, ...она умерла два года назад... – Визитку гостя верчу в руке, даже не читая, – очки на кухне где-то, – и пытаюсь пристроить ее к зажиму на зеркале в коридоре, – все-таки способ замаять неловкость.

– ...Извините. Не знал... – Виноватое оправдывание меня совсем не трогает.

– Ничего. Это жизнь... А цветы сейчас определим.

Зову Дашку, представляю гостям и прошу ее разобраться с цветами: поставить на кухне в вазу. Гостей приглашаю в свою комнату. Стол пока не готов, не все созрело в духовке, дочка еще накрывает, поэтому надо потянуть время, потрепаться.

– Вот, это наше обиталище. Скромное, типичное для столицы.

Рассматривают картинки на стенах, – букет сирени, лютики в вазочке, деревенский двор, зимняя дорога, – все это работы неизвестных или малоизвестных и спившихся художников, купленные в комиссионном магазине рублей по 50—100 за штуку. Обращают внимание на написанный маслом портрет жены, спрашивают, когда писался портрет, удивляются, что современный, а на дилетантский взгляд – старинный; всматриваются в часы – 19 век все-таки... На аукционе купил когда-то, сам отреставрировал. Наконец, усаживаемся: они на диване, я – на стул напротив.

– Ну-с, какими судьбами к нам? Ко мне? – вопросительно смотрю то на него, то на нее. Начинает она. По-русски.

– Видите ли, в чем дело. Мой коллега и шеф, – пан Ежи – уже много лет живет и ведет бизнес в Австралии. У него там на южном побережье имеется сеть небольших пивоварен и пивных ресторанов в нескольких городах: Сиднее, Мельбурне, Перте, Тредбо...

Глава первая (бис) Год 1303. Август

В чужой стране, в чужом лесу, без еды и без единой монеты в кармане, среди чужих лишь изредка встречающихся людей, которых в любом случае приходится избегать, прятаться от них в густых зарослях, – что может быть обидней и неприятней. Как бы человек ни любил одиночество, каким бы ни был самостоятельным и независимым, ограждать себя от общения с людьми в течение многих недель и даже месяцев – крайне непросто.

Инна почти потерял счет дням и ночам, пробираясь строго на север, как ему и было сказано в самом начале его пути. Он шел давно, с тех пор, как сбежал с галеры в Тергесте¹, куда хозяин-судовладелец причалил за очередной партией товаров. До этого был спокойный переход вдоль греческих берегов через Средиземное море, были заходы в Леуко², где крикливые и неприятно самоуверенные римские подданные отказали им в питьевой воде, затем Пезаро³, откуда хозяин хотел повернуть обратно, столкнувшись с такой же неприязнью венецианцев, потом Пула⁴, где, наконец, удалось получить часть товаров и провиант...

Но Инна терпеливо ждал Тергеста, потому что это была самая северная точка долгого путешествия галеры, которой потом предстоял обратный путь сначала на Кипр, а потом в Сирию. А ему нужно было пробираться дальше, только уже по суше. Идти и идти без усталости. Если и плыть, то только по реке. Поперек, а если повезет, то и вдоль по течению.

Он был терпеливый. Даже очень терпеливый и терпимый. Мог быть исполнительным, стиснув зубы. Мог быть заискивающим и льстивым, если нужно было; твердым и жестким, если требовали обстоятельства. На галере он прослужил больше года и был на хорошем счету у хозяина галеры, но воспользовался его расположением. Сбежал. Он не мог не сбежать. Ему нужно было уходить. На судно он попал не для этого, а лишь для того, чтобы добраться как можно дальше на север. Он не мог оставаться в этих трюмах, быть почти рабом, месяцами не чувствовать твердую землю под ногами.

Вообще-то судно ему нравилось: разоруженная трехмачтовая галера, когда-то построенная в венецианской верфи как боевой корабль. Но потом ее перестроили: расширили палубы, достроили каюты и хозяйственные помещения – все, необходимое для доставки рыцарей в Византию и Аккон. Это было великое паломничество христиан в Святую землю. «На крыльях веры и с мечом в руках». Транспортные корабли были нужны больше, чем боевые. После разрушения Аккона галера попала на Кипр, где ее выкупили у обнищавшего капитана и еще раз перестроили под перевозку товаров, дополнительно оснастили современными парусами: треугольным латинским и косым гафельным, которые ловили малейшее дуновение ветра.

В свои 23 года Инне пришлось походить всего на двух почти одинаковых галерах. Первая была на пути из Венеции в Аккон много лет назад, куда он десятилетним подростком добирался вместе с разнородной толпой рыцарей, спешащих на помощь сражающемуся Аккону. Это было запоминающееся путешествие и впечатляющее зрелище. Ему удалось напроситься в помощники к одному из богатых рыцарей, не скупившемуся на плату за черную работу. За время погрузки на корабль, которая длилась около недели, Инна закупил и доставил рыцарю на борт кровать, матрац, две перовые и одну кожаную подушки, набор простыней, наволочек и полотенец, ковер, сундук, большую клеть с дюжиной кур и гусей, запас корма для них, четыре копченых свиных окорока, мешок вяленых шук, мешок сухарей двойной и тройной заправки, чтобы не портились, несколько бутылей вина и запас питьевой воды.

---

¹ ныне Триест – север Италии,

² южная оконечность Италии

³ порт, ныне курорт в Италии

⁴ порт и курорт в Хорватии

Благовония для себя рыцарь выбирал сам у приведенного Инной торговца парфюмами. Впрочем, ни благовония, ни отдельная каюта не спасали от безмерно злого смрада, который стоял на судне все 10 недель пути до Аккона: жара и морская влага разлагали гниющие пищевые отходы, экскременты, рвоту страдающих морской болезнью, конский навоз и мочу. Ведь три-четыре десятка лошадей фактически висело в стойлах на лямках, едва касаясь подковами дощатого настила главной палубы. Они ржали и раскачивались на волнах. Изнутри судна, с внутренней палубы, которая была практически трюмом и находилась ниже ватерлинии, вверх на главную палубу поднимался чад от двух сотен галиотов-невольников, прикованных к веслам. Гребная банка и усыпанный слоем песчаника настил палубы-твиндека были для них и рабочим, и спальным, и отхожим местом. Все эти «ароматы» смешивались, и никакой морской бриз не мог вытравить удушливое зловоние.

Нос и корма галеры на уровне главной палубы были нагромождением деревянных построек, укрываемых навесами в виде палаток и шатров. По бортам над главной палубой возвышалась палуба-помост, на которой располагались каюты для важных особ. Лишь середина главной палубы была свободна от застроек и создавала впечатление большого прямоугольного двора, над которым в дождь или в сильный зной натягивали парусину в виде шатра.

Вторая же галера, на которой Инна несколько лет спустя не раз ходил в море и на которой прибыл в Тергест, была и похужей, и не похужей одновременно. Размеры палуб и трюмов такие же, места для гребцов – те же самые, лишь в меньшем количестве. Но никакого нагромождения на палубе. Только то, что необходимо для безопасной перевозки груза.

Среди гребцов—наемников на торговой галере Инна оказался чуть ли не единственным, не просто знающим письменную грамоту, а имеющим достойное образование, которое ему дал в монастыре на Кипре приютивший его на целых пять лет священник. Поэтому хозяин частенько привлекал его, – когда возникала необходимость, – и к работе с картами, и к парусным «эволюциям». Он быстро освоил все премудрости, разобрался в реях, форштевнях, шкапторинах, вантах и пр., стал заправским моряком, и хозяин-капитан освободил его от обязанностей гребца. Хотя весла использовали не часто, а лишь при штиле и прибрежных маневрах, но команда гребцов была постоянной и находилась в смрадных трюмах на положении простолюдинов – практически невольников.

И вот он не выполнил незатейливое поручение хозяина в городке. Просто не вернулся на корабль. Просто сбежал. Затаился сначала в запутанных галереях романского форума на холме, прямо у подножия городской крепости Тергеста. Но это было небезопасно: слишком многолюдно и близко к порту. Поэтому под покровом ночи он перебрался ближе к окраине, укрылся на несколько дней в маленькой землянке, вырытой в овраге. Дождался ухода галеры, чтобы спокойно подготовиться к дороге, запастись едой на первое время.

В Тергесте тогда была весна, только начали появляться листья на акациях. Все складывалось удачно. Долгий путь, начинавшийся весной, должен был закончиться до наступления холодов. Зима там, на севере, куда он шел, снежная и суровая. Дойти нужно было до первых холодов. Летом намного проще: не надо искать кров на ночлег, не нужна теплая одежда, легче найти пищу в пути.

Инне в первый же дни в Тергесте удалось раздобыть – украсть в мясной лавке – два ножа, случайно оказавшиеся без присмотра. Без ножа пускаться в долгий путь было безрассудно. Нож – это оружие, защита от врагов, будь то зверь или человек, это пища, кров от ненастья, уверенность в себе и чувство защищенности. Нож – это жизнь. Если он в умелых и добрых руках. Удивительно, как много заключал в себе этот небольшой кусок металла, приятной тяжестью ощущаемый под поясом. Второй нож он обменял на базаре под крепостной стеной на кресало – два небольших камешка. Огонь можно разжечь разными способами, но этот представлялся ему самым простым.

В такой дальний путь пускаться нужно было налегке, не обременять себя запасами и поклажей, которая только замедляла бы движение и отбирала силы. Провизией и водой на все лето не запасешься. Это все можно найти в лесу или в поле. Надо лишь знать и уметь это делать. Инна знал и умел. Ему достаточно было ножа, чтобы добывать пищу. Правда, в первый же день пути он сделал себе копье, срезав и заострив подходящую ветку карагача. Уже который день копье служило ему и оружием, и посохом, и шестом для поиска брода в речках, и календарем – Инна отмечал ножом каждый свой ночлег, чтобы окончательно не запутаться в днях.

Он шел почти без перерывов, от восхода до заката. Но несколько вынужденных и достаточно длительных остановок сделать все-таки пришлось.

Первый раз на исходе третьего дня пути он понял, что ему не обойтись без приличного лука. Небольшой запас еды практически иссяк, длительный голод мог даже свалить с ног, а вокруг испуганно шныряла из-под ног всякая живность: и зайцы, и куропатки, и другие птицы, не говоря уже о крупном звере, – кабане или лосе, – встреч с которыми Инна, правда, совсем не желал.

Лук он смастерил за полдня, подобрав две упругие ветки все того же карагача и связав их вместе, а тетиву скрутил из коры молодых побегов ивы и акации. Размоченная в воде, туго сплетенная, а потом не спеша высушенная у костра в скрученном состоянии кора становилась прочной, не растягивалась и сохраняла натяжение лука несколько дней. Можно было уверенно выпустить дюжину стрел, и если хотя бы половина из них попадет в цель, – голод Инне не грозил. А лучником он был неплохим. Со стрелами все решалось намного проще: два десятка прутьев, обработанных ножом, да оперение из прошлогодних листьев папоротника, – и стрелы готовы!

Остаток дня Инна посвятил охоте. И здесь ему повезло: на небольшой речке наткнулся на стаю уток. Четыре стрелы, из них две потеряны, а еще две принесли добычу из двух уток. Разделать и запечь их в огне – дело простое. Несколько ближайших дней были обеспечены пищей, причем вкусной и полноценной.

Вторая остановка выпала на семнадцатый день, когда он с большим трудом преодолел гряду крутых скал и каменистых сопок. Выручила седловина, издаലെка показавшаяся довольно низкой по сравнению с серыми отвесными утесами, но измотавшая Инну уже к полудню. Оказавшись на вершине перехода и осмотрев открывшийся горизонт, Инна мысленно улыбнулся, порадовавшись красивому лесистому ландшафту, широкой долиной раскинувшемуся внизу: в лесу идти легче, чем в горах, пищу раздобыть легче, кров устроить легче. Однако спуск в долину оказался сложнее, чем подъем: он дважды срывался, изранил плечо, локти и колени. В довершение всего от его башмаков сохранилась только верхняя часть и веревки. Подошва осталась на склоне, стершись полностью о камни, а ступни кровоточили. Земля австрийского королевства оказалась не очень гостеприимной.

Радужного настроения уже не было, и Инна в очередной раз для себя с грустью сделал вывод, что нельзя радоваться предстоящему, оно непредсказуемо. Можно радоваться только минувшему, уже пережитому. Так же и с его миссией: никто не знает, как все сложится в конце пути, каким будет финал, принесет ли он радость, оправдает ли ожидания. Нужно быть готовым к любому исходу дела.

К вечеру он нашел укромное место в небольшом овраге, нарезал ножом елового лапника, на поляне неподалеку нарвал охапку травы и устроил себе мягкую лежанку: ему хотелось отоспаться, немного залечить кровоточащие раны и починить башмаки – это было главное.

И здесь ему повезло: на следующий день он обнаружил звериную тропу, ведущую к речушке, и отлежавшись довольно долго в засаде в высокой траве, ранил из лука молодую козулю, которая, хотя и пыталась убежать со стрелой в шее, но падала, с трудом поднималась, опять бежала. Инна, преодолевая боль, все-таки сумел ее догнать и завершить охоту ножом.

Следующие два дня он готовил на костре запасы мяса в дорогу, выделал шкуру косули и сшил себе довольно сносные кожаные башмаки. Сшил – это, конечно, слишком громко сказано. Просто выкроил ножом два подходящих лоскута кожи, обматывал ими ступни ног и обвязывал бечевками, сохранившимися от прежних. Несколько недель пути ему было обеспечено, да и запас кожи он прихватил с собой, на случай нужды.

Третья задержка – на исходе шестой недели пути – едва не стоила Инне жизни или, как минимум, свободы и ставила под угрозу всю его миссию. С помощью бревна он переправлялся через очередную довольно бурную речку, и течением его отнесло далеко в сторону. С трудом выбравшись на противоположный берег, он отдышался, поднялся по склону в лесную чащу и направился в сторону просвета между деревьями, чтобы определить, куда двигаться дальше. Несмотря на всю свою осторожность и постоянную настороженность, все-таки чего-то не заметил: на опушке леса едва он отодвинул сосновую ветку, чтобы осмотреться, как рядом с головой в ствол дерева вонзилась короткая стрела арбалета. Он отлично знал эти стрелы по Аккону, когда подростком-паломником оказался в числе последних защитников города от наседавших сарацинов.

Все, что произошло в следующие мгновения, он смог осознанно прочувствовать лишь некоторое время спустя.

Глава вторая

1. День первый. Пятница

*Конек – горбунок... петушок – гребешок...
крошечка – хаврошечка
Сказки все это...*

Я начинаю смутно себе припоминать, что про Австралию уже что-то встречалось у меня в жизни с десяток лет назад... И про пивные заводики тоже...

– Так вот, сейчас возникла необходимость активизации в этой нише, надо развивать бизнес и привлекать новых клиентов. Поскольку пан Ежи хорошо знает вкусы своих клиентов, знает, чего они хотят, он готов любыми путями эти вкусы удовлетворять.

У меня в мозгу постепенно уже начинает шелкать какой-то счетчик: было, было, было... Ощущение де жа вю: сейчас речь должна зайти о каких-нибудь морских тварях, типа осьминогов или морских коньков, и о Дальнем Востоке! Это точно уже было!

– Мы сегодня ночью улетаем в Южно-Сахалинск, где пан Ежи собирается заключать контракт на поставки морепродуктов в Австралию...

– А что, разве в Австралии ощущается нехватка морепродуктов? Мне всегда казалось, что для нашей страны более типична селедка, чем какой-нибудь кальмар или омар...

Речь идет о морских гребешках, а не о кальмарах.

Барбара пытается параллельно переводить на польский мои реплики, а свои, судя по всему, ей нет смысла переводить, поскольку он знает, о чем она рассказывает. Или знает русский в такой степени, чтобы улавливать смысл. Тут он решает вмешаться и обращается непосредственно ко мне.

– Насколько я понимаю, с вами можно говорить по-польски. Если позволите, я объясню, в чем дело.

Да, конечно, – подтверждаю, – можно по-польски. Так даже проще.

Видите ли, морские гребешки – это специфический, один из самых изысканных морских деликатесов, который пользуется у нас в Австралии просто огромным спросом. Это все из-за того, что он обладает невероятными полезными свойствами, особенно для мужчин. Вы понимаете, да?

Ежи говорит типично по-польски: каждое предложение без пауз, на одном дыхании «выстреливает».

Речь идет о потенции. Это высокобелковый, низкокалорийный, нежирный продукт с низким содержанием углеводов и холестерина, очень большим количеством минералов, таких как йод, фосфор, магний, железо, медь, марганец, цинк, кобальт. В морском гребешке содержится в 150 раз больше йода, чем в говядине, при том, что это не мясо и во много раз быстрее и легче усваивается организмом.

Во «шпарит»! Прямо цитата из рекламного буклета. Или сам его писал, или очень долго заучивал. Интересно, он изучал это как кулинар или как мужчина с нарушением потенции? Может ему не для бизнеса надо, а для личной жизни?

– А как он выглядит? Это что-то вроде устриц? «Склизкий, но сытный?» – Пытаюсь прикрыть шуткой не только свою осведомленность даже без его рассказа, но и какое-то тревожное ощущение оттого, что с гребешками я уже переживал похожую историю. Но одновременное желание дослушать, что ж ему нужно в России и что нужно от меня, заставляет слушать внимательно.

– Да, многие смутно представляют себе, что это такое и считают чем-то средним между морским коньком и морским огурцом. Но это не так. Морской гребешок – это двустворчатый моллюск в раковине. Диаметр раковины около 15—20 см. Обитает почти во всех морях, видов пятнадцать водится в Черном море, в северных и дальневосточных морях. Но добывают и разводят лишь некоторые виды. По вкусу он похож на кальмаров, устриц, мидий, трубача. Но по ценовым параметрам – он намного дороже.

Явно зубрил. Готовился к переговорам на Сахалине. Энциклопедию проштудировал, плюс, видимо, действительно этим серьезно занимается у себя там в Австралии. Деньги – главное. А эрекция – да фиг бы с ней, как говаривает мой рязанский свояк..

– Ну понятно... Деликатес. Дорогой. Дефицитный... Не каждый ресторан может себе позволить...

– Я бы сказал чуть иначе. Он в основном на Дальнем Востоке водится, в Тихом океане: вокруг Японии, Курил, у Камчатки. Американцы – хитрые: в своих водах закрыли лов. А в Австралии он не очень распространен. К тому же, его уже давно не добывают: все «выгребли» со дна. Только водолазы и аквалангисты еще время от времени вылавливают отдельные особи. Но это не промышленный уровень, да и не того качества: либо очень старые – старше 5—7 лет, а они не такие вкусные и полезные, – либо слишком молодые, не созревшие. А в слишком молодых гребешках основная часть – мускул – еще слаборазвит, и он не годится для кулинарии.

– Так в нем какая-то часть всего используется? А что же с остальным делать? На выброс?

– Нет, конечно, остальное тоже перерабатывается. Для других целей.

– Так вы считаете, что у нас пока еще не «выгребли» со дна, и можно рассчитывать на промышленную добычу? Мне, почему-то кажется, что вы слишком хорошо думаете о России, – ухмыляюсь и внутренне, и для него, изображая ироническую улыбку.

– Я знаю точно, что у вас уже нечего добывать, так же как и в Австралии. Но у вас разводят морских гребешков, и эта отрасль развита достаточно хорошо.

– А у вас что, не разводят? При такой-то популярности?

– Разводят. Но спрос велик и производители не поспевают за ним. Все, что будет выращено в этом году на продажу, уже продано 2—3 года назад. Поставки давно оплачены, и пробиться на этот рынок сейчас практически невозможно. Тем более, что ценовые пороги уже достигнуты, «перебить» более высоким предложением цены я не могу: буду в убытках. Поэтому и ищу поставщиков в других регионах, где цена позволяет закупать.

– Слушайте, ну с экономикой мне все понятно. А вот как его готовят, гребешок-то этот? Может быть, я тоже попробую, хоть и не терплю морепродукты. Если он мужчинам полезен, почему бы не попробовать! Я же не монах, да и свободный мужчина с некоторых пор.

– Ооо, тут масса разных рецептов! Это я могу вам подробно рассказать.

– Хорошо, но чуть позже. За столом. Иначе я и сам умру с голоду, и вас уморю. Особенно под рецепты о вкусной еде. Сейчас, только узнаю у дочки, что там у нас с ужином. Секундочку.

Выхожу к Дашке на кухню узнать, – там почти все готово. Нужно еще минут 10 потянуть время. Возвращаюсь.

– Ну что ж, придется нам еще подождать, но совсем немного.

– А я могу закурить?

– О, отлично! Покурим, если дама не возражает.

– А я тоже курю, нет проблем.

Приношу с балкона две пепельницы, – у меня их везде, в каждой комнате, по несколько штук, – мы закуриваем. Можно бы и про свое де-жа-вию им сказать.

– Вы знаете, несколько лет назад ко мне заезжал также вот, как и вы, один поляк с дамой. Только дама, которая его сопровождала, была русской – моя давняя знакомая. И их тоже интересовали морские гребешки на Сахалине. История каким-то странным образом повторяется.

Но почему – я понять пока не могу. Да и не знаю, чем завершилась та история с гребешками: они оба улетели, и на этом связь оборвалась. Детально нам так и не удалось поговорить с ними.

– Я могу рассказать, как дела складывались, – Ежи улыбается сквозь дым сигареты. – Приезжали они по моему поручению...

– Очень интересно было бы послушать... – совершенно искренне признаюсь я, внутренне удивляясь такому развитию событий: он знает о том, что происходило лет 10 назад здесь, в Москве, да еще и с моим участием...

2. День первый. Пятница

*«Не пей из копытца – козленочком станешь»
Сказка про сестрицу и братца*

Вкратце рассказ австралийского поляка сводится к следующему.

Приезжал в тот раз его коллега по бизнесу, тоже поляк – Збигнев – с такой же задачей: наладить поставки морских гребешков в Австралию. Маршрут из Мельбурна в Амстердам, затем в Варшаву, где к нему присоединилась Ирина – секретарь, сопровождающая и гид одновременно, – а дальше и в Москву – прошел гладко. Билеты куплены и в Южно-Сахалинск, но на разные самолеты с интервалом в 4 часа: сначала улетает он, чуть позже – она. А в Южно-Сахалинске встречаются. Есть несколько часов до отлета. Пытаясь «убить время» и чем-то занять Збигнева, Ирина привезла его ко мне. Мы поужинали, потрепались. Я вызвал такси, и они уехали в Домодедово.

Моя осведомленность об их поездке этим и ограничивается.

А дальше события развивались непредсказуемо. Он улетает. Ирина в аэропорту ждет своего рейса. Наступает время регистрации – объявляют о задержке рейса по погодным условиям Сахалина. Она сидит в аэропорту до утра, ждет вылета. А Збигнев в это время, вынужден смириться с посадкой в Хабаровске, вместо Южно-Сахалинска, потому что на Сахалине в это время бушует циклон.

Поскольку никто не мог сказать точного времени вылета и продолжения полета, Збигнев застревает в ресторане, где знакомится с поляками-строителями, которые тоже «бухают» в ожидании летной погоды на Южно-Сахалинск. Начинают «гудеть» в кабаке вместе. Потом перебираются в гостиницу. Потом опять в аэропорт.

Ирина фактически только через сутки дождалась отправки самолета, но до Южно-Сахалинска тоже не долетела и приземлилась в том же Хабаровске. Попытки найти Збигнева, звонки по телефону партнерам на Сахалине, никаких результатов не дали: партнеры, которые должны были его встречать, по причине нелетной погоды даже не выезжали в аэропорт, а терпеливо ждали вестей по телефону. Черт возьми, как же мы вообще могли жить без мобильных? Короче, в незнакомом городе отыскать «транзитника» оказалось делом абсолютно нереальным.

Когда же циклон успокоился и начали отправлять самолеты на Сахалин, Збигнев и Ирина метались по аэропорту примерно в одно время, но разными маршрутами, и не встретились. Збигнев улетел, не предупредив никого о своем вылете, его никто не встретил, конечно же. Он поехал к полякам-строителям в общежитие, чтобы там привести себя в порядок и наладить, наконец, связь с партнерами.

Однако в общаге он чем-то траванулся, – видимо, «паленой» водкой. Просидел полдня в туалете, и как только немного полегчало, – ринулся обратно в аэропорт, каким-то чудом «выбил» себе билет на ближайший рейс до Москвы. В Домодедово взял такси – и прямым ходом в Шереметьево! А оттуда через три часа уже летел амстердамским рейсом до Варшавы.

Ирина вернулась с Сахалина двумя днями позже, когда, наконец, ей удалось выяснить, что Збигнев уже в Варшаве, и тоже, не заезжая никуда, сразу вылетела в Варшаву.

Больше попыток наладить бизнес с Россией они не предпринимали, пока ситуация в бизнесе на австралийском континенте не стала меняться катастрофическим образом. Анализ положения дел и имеющихся возможностей для преодоления кризиса показал, что только Россия может спасти поляка-австралийца и его пивные производственные мощности от полного краха. Теперь уже сам Ежи решил попытать счастья на российском Дальнем Востоке.

Наивный! Классику русской литературы и поэзии надо прежде изучить! Тютчева, например, – «Умом Россию не понять...». В библиотеку, парень! И зубрить, зубрить, зубрить! Наизусть!

Ну-ну... Попытка не пытка... На свои кровные приехал, на них же и уезжать будет. Скорее всего, не солоно хлебавши. Только вот как ему это объяснить? И надо ли объяснять? Идея-то, конечно, красивая, только всегда надо помнить, что «даже самые красивые ножки растут из обычной задницы»!

Пап, у меня все готово, идемте к столу... – Дашка, наконец-то, закончила свои кулинарные «упражнения». Я прихватываю с собой бутылку «Арарата» из барчика и мы отправляемся на кухню. Там удобней, уютней, – по-свойски привычней... Для нас, для русских, во всяком случае... Хотя поляки тоже славяне, правда, головой на запад повернуты всегда были, даже во времена небезызвестной Польской объединенной рабочей партии.

3. День первый. Пятница

*«Не бывает аж так плохо, чтобы не было ещё хуже»
Интернетовский афоризм*

Пропускаю гостей впереди себя, предлагаю выбирать себе место по вкусу: у окна на уголке, с торца стола на уголке... Я все равно буду со стороны плиты – хозяйничать так удобней.

Бегло оцениваю стол: скатерка новая, чистая, приборы есть, бокалы и для вина, и для коньяка есть, сервелат, семга, бутерброды с красной икрой и прочая – все нормально, цветы в вазе – на холодильнике, духовка выключена уже – свинина дошла до нужной кондиции. Это сюрприз – мой собственный рецепт приготовления. Еще отец когда-то давно научил!

Барбара выбирает место с торца, усаживается, оглядывается по сторонам... Вдруг взгляд ее застывает, глаза широко раскрыты, дыхание на вдохе останавливается, она пытается что-то сказать, – губы судорожно дрожат и замирают, руки падают на колени... Тело мякнет, голова склоняется на плечо... Она сидит неподвижно, с открытыми глазами и ртом, а мы оторопело смотрим на все это несколько секунд, ничего не успевая понять... С одной стороны – агония, а с другой – шок и паралич.

Я сознаю, что ей плохо, но что надо делать – не знаю. Хватаю запястье, пытаюсь нащупать пульс, хотя не знаю, зачем, ведь даже правильно подсчитать его не смогу... Пульс найти не удастся. Судорожно ощупываю руку от большого пальца чуть не до локтя – бесполезно. Никаких признаков сердцебиения... Пробую подтолкнуть голову и восстановить вертикальное положение – бесполезно...

– Чёрт! «Скорую» надо! Ничего не понимаю!!! – хватаю телефон, набираю 02. В висках кровь стучит, пытаюсь в уме сформулировать вразумительную фразу про женщину-иностранку, которой плохо и пульс не нашли. Отвечает дежурный сержант такой-то... Какой сержант? При чем тут сержант? Фу-ты, 02 – это ж милиция! Коротко объясняю, что человек умер, и даю «отбой». Адрес не дал! Ладно, позже.

Ежи ошарашен ситуацией не меньше меня, непонимающим взглядом сопровождает каждое мое движение.

– Поищите пульс, может быть, я просто не умею...

Его попытки заканчиваются тем же, но он продолжает искать... Набираю 03.

– Алло... здарсьте. У нас несчастье: женщине плохо. Пульс не можем прощупать, возможно сердце.... Да пару минут всего... Нет... Да я никогда не делал искусственного... не умею... Ладно. Адрес? Даш, продиктуй адрес, – передаю трубку дочери.

Быстро объясняю Ежи, что надо уложить Барбару. Поднимаем ее под руки и тащим по коридору в комнату. Укладываем на полу на спину. Пытаемся делать вдвоем искусственное дыхание, как умеем: я давлю рывками на грудную клетку, Ежи кривится, но преодолевая неприятные ощущения от брезгливости пытается активизировать ее легкие через платок методом «рот-в-рот»... Все напрасно.

Минут 10 спустя, взмыленные и раскрасневшиеся, мы понимаем, что все... Поздно... Пора бросать это дело. Ничего нам не исправить.... Сидим на полу рядом с бездыханной Барбарой, пытаюсь отдышаться.

– Ну, и что теперь делать? – этот вопрос Ежи адресует мне.

– Если б я знал, что! Дождемся «Скорой», милиции... Они скажут, что делать... Но уж на Сахалин вы точно не полетите...

– Да, глупо строить планы на всю жизнь, если ты не хозяин даже своего следующего мгновения! Вроде бы Сенека что-то подобное утверждал...

– У нее что, сердце больное?

– Не знаю. С ней лично мы всего 4 дня сотрудничали... Но с ее агентством контакты пару лет имеем.

– Может быть, ее и трогать с кухни нельзя было? Скажут, зачем утащили?

Дааа, блин, неприятность... Вот умер человек, молодая еще девушка... Какое-то странное чувство внутри сидит: совсем нет жалости... Есть досада, что в моей квартире лежит труп, что будет разборка с милицией, консульскими работниками... А при чем тут я? Ко мне пришли незнакомые мне люди. Я просто свидетель смерти чужого человека у меня в квартире. Всего лишь... Так сложились обстоятельства...

А мне стыдно. Стыдно за эту внутреннюю досаду и за отсутствие жалости к умершему человеку...

4. День первый. Пятница

*«Это смутно мне напоминает
индо-пакистанский инцидент»*

В.С.Высоцкий

Через двадцать минут прибывает милиция. Через полчаса – Саша от репетитора. Она в полном шоке. Через сорок минут – «Скорая». Фиксируют факт смерти. Вызывают «труповозку», милиционеры составляют бумаги, записывают все номера телефонов, берут наши подписи, задают кучу вопросов, вплоть до того, ЧТО мы делали и ЧТО мы курили. Приходится показывать даже окурки в пепельницах... История нашего знакомства вызывает наибольшее количество вопросов, на которые вразумительно не может ответить ни я, ни Ежи. Видели друг друга впервые. Общий знакомый – Адам Вуйчик – известен только мне и Барбаре, да и находится где-то далеко в Польше, а может быть и не в Польше, а вообще где-то в Европе или в Штатах: бизнесмены ведь – глобтроттеры, для них границ не существует, государств не существует, языковых барьеров не существует... Есть бизнес, который деньги дает, а в какой стране деньги зарождаются – не имеет значения. Главное, чтобы текли куда надо!

Ежи однозначно дают понять, чтобы о полете на Сахалин пока забыл. Да он и сам бы не полетел без переводчика. Но и из страны несколько дней уезжать нельзя, пока ясность не появится с этой смертью. Это ж ему теперь в польское посольство надо. Или в австралийское? Да пусть сам разбирается. Надо пристроить его в отель, да собрать мысли в кучу: что, в конце концов, происходит? Что делать дальше? Какие последствия? Хорошо, что завтра суббота, а не на работу.

Время уже почти полночь. Ну и денек! Куда звонить-то? В какой отель? Ведь без предварительного бронирования дней за пять-семь ничего приличного не найдешь... Сколько мне за последние пару лет пришлось резервировать – не один раз нарывался, точно знаю... Хотя, стоп! Есть же один поблизости, как общежитие, но отдельные нормальные номера, типа квартир однокомнатных. Ищу телефон, листаю книжку – есть, вот он!

– Алло, добрый вечер. У вас есть полулюксы свободные или люксы?... На пару-тройку ночей?... Замечательно. Сейчас приедем. Спасибо! – Повезло нам! К полуночи обычно уже ничего нет, всем крыша нужна на ночь.

Люксы и полулюксы – это просто ценовая категория, которая означает, что ванна не в коридоре, а в номере. Ну и телевизор с холодильником, конечно. И никого больше не поделят. Все остальное – постель, кровать, прочая мебель – такие же как и в обычных номерах. Перебьется австралийский поляк Ежи в советском общежитии класса полулюкс несколько дней. Не понравится – сам найдет что-то попроще.

Предлагаю ему одеваться, забирать свой «макинтош» и шляпу и спускаться вниз: гараж-«ракушка» – рядом с домом, отвезу в отель, это 10 минут машиной.

– Я так полагаю, это ваш последний визит в Россию, да? – уже в лифте спрашиваю Ежи.

– Ооо, я очень надеюсь, что последний! Главное теперь – выбраться отсюда!!! А там уже до Австралии я доберусь!

– Вам надо в посольство завтра сходить. Рассказать все, если надо – написать.. Они скажут. Вы же работодатель Барбары, хоть и временный, насколько я понимаю. Вам еще много бумажных вопросов утрясать придется... Вот визитка с адресом морга, куда увезли Барбару. «Труповозка» оставила. Это вам в посольстве понадобится.

В машине едем молча. Говорить не хочется. Про гребешки я так и не узнал, как их готовить... Ну и чёрт с ними... Полвека без них прожил, дай бог еще столько же прожить бы...

Барбара литовка, из Вильнюса. – Вдруг «ожил» Ежи...

Чёрт, «вот тебе, бабушка, и Юрьев день», еще этого не хватало – целый международный скандал: Польша, Австралия, Литва... С ними пока разберешься со всеми...

– Вам придется и с ними связываться, объясняться... А родственникам ведь тоже нужно сообщать... У вас есть какие-то контакты с ее близкими?

– Нет. Только телефон ее офиса в Вильнюсе. Я ее нанимал, как агента. Официальный договор и все такое... Из отеля буду звонить.

Между тем, подъезжаем, оформляемся, он получает карточку отеля, и я ним прощаюсь. Там дома дочери в шоке сидят, надо к ним... Они и без того насмотрелись за последние два года смертей и похорон: теща (им бабушка), жена (им мама), а теперь эта девушка... Зачем им это все? А мне зачем? Я даже отца своего не застал живым, только на кладбище успел приехать. А тут чужой человек... Фактически на руках...

А они сидят за так и нетронутым столом на кухне. На меня только обернулись молча и вопросительно. А что я им скажу? Что тут скажешь, если сам ничего не знаешь и не понимаешь...

– Выпейте валерьянки и давайте спать. Поздно уже. Завтра с утра будем думать и говорить. Глупо как-то все сложилось сегодня...

Под душем голова немного проясняется. Струя воды горячая, но приятная. События дня чередой перед глазами проходят, как в кино, лента бесконечная, кадры повторяются, а последовательность – хаотичная...

Может быть, стоило этому Лёхе-алкашу дать полтинник? А то на принцип пошел, уперся... Обидел мужика...

Фигня какая-то!!! Все, спать! Спать.

5. День второй. Суббота

Кошки никогда не мяукают друг с другом.

Этот звук – специально для людей.

«Серебряный дождь». Рубрика «Кстати».

Ну почему я не запоминаю сны? Ведь проснулся с остатками какого-то приятного ощущения. Значит, снилось что-то приятное... А что – не помню... Почти никогда не помню... Запоминаются иногда только «сны в руку»: машину украли, например, или авария, – значит будут проблемы с машиной... Несколько раз было. Даже самая крупная авария, в которой мне пришлось побывать, и та накануне приснилась почти «один к одному». Я даже испугался, на работу на метро поехал, на всякий случай. А на следующий день уже успокоился. Вот тут-то мне перед одним из светофоров левый бок и помяли «Жигули» из УПДК⁵. А во сне в меня въехала «Волга» из сопровождения Президента!

Тут же ерунда какая-то получается: снилось приятное, а проснулся – и вспомнил вчерашний кошмар! Вот уж действительно, не дай бог!

Моя белая глухая кошка Ася давно не спит, но терпеливо молча ждет, когда я проснусь. Кстати, говорят, что альбиноски почти все глухие, процентов 60 – точно. Дочка назвала ее Асей – по аналогии с рекламной «тетей Асей», которая приехала простыни стирать до снежной белизны. А полное имя решили дать благородное: Айседора! Фамилию давать не стали из этических соображений. Сказывалась все-таки гуманитарная направленность в образовании и воспитании в семье.

Замечает, что я пошевелился – подает голос: резко, протяжно, меняя тональность: «Вставай, миска пустая!».

Ну и противный у тебя голос, Ась! Что же ты так орешь? Я-то – не глухой в отличие от тебя. Слышала бы ты себя! Правильно Дашка говорит: лучше б ты была немая, чем глухая!

Чувствует, что разговариваю с ней, – тут же запрыгивает мне на грудь. Чешу ее за ушами, она плотней прижимает к руке то левое, то правое ухо, мурлычит... «Моторчик» запустила, как виброзвонок у мобильного. Нравится ей! Да, если есть хотя бы одно существо на свете, которому нравится то, ЧТО ты делаешь и КАК ты делаешь, то этим существом чаще всего будет кошка!

Но мозг постепенно заполняется воспоминаниями о вчерашних событиях. Чёрт! Это же настоящий кошмар! Откуда они свалились на меня? Теперь будет море проблем, которые надо решать, решать и решать... Наверняка, не оставит в покое милиция, литовцы из посольства, Ежи... Будут повестки, показания, письма, визиты, вопросы... А у меня работа, дочери...

Надо с кем-то поговорить: когда говоришь, мысли лучше «укладываются по полочкам», перед тем, как оказаться озвученными. А с кем тут поговоришь? В Москве каждый живет своими проблемами и «грузиться» дополнительными никому не надо. Ну не дочек же «грузить».

---

⁵ Управление по обслуживанию дипломатического корпуса

Спускаю ноги с постели и тупо смотрю на ковер: вот тут, на этом самом месте, вчера я судорожно пытался спасти человека. Потом был черный клеенчатый, носилки, здоровенные мужики в синих комбинезонах, два мента...

Срываюсь с места и топаю к туалету, а по пути заглядываю в комнату дочек:

Так, девушки, встаем, собираемся и едем в Рязань! И никаких «нет»! Пока с нас подписку о невыезде не взяли...

Надо к свояку ехать! К Демьянычу! Поговорить, «перетереть» проблемы. Он парень ушлый, любая идея может оказаться полезной. Да и у самого у него по весне труп какого-то бомжа в недостроенном доме нашли: замерз бедолага. Как-то ж он разбирался с милицией и прочими – пусть поделится... Рязань – не Москва, конечно, и бомж – не иностранка в гостях... Но все-таки. Есть же какой-то алгоритм событий и действий, когда с трупом дело имеешь.

Бреюсь с удовольствием, хотя это странно. Обычно по субботам-воскресеньям делаю себе «разгрузочные дни», даю физиономии день-два отдыха. Мужики хоть и подписываются под афоризмом «лучше один раз родить, чем каждый день бриться», но иногда и в этой в целом гнусной процедуре находят свою прелесть. Особенно после выходных, когда кожа, отдохнувшая от лезвий, но уже притомившаяся от постоянно прорастающей и щекочущей щетины, распаривается под горячей струей воды, покрывается густым слоем пенистого крема для бритья, а потом аккуратно освобождается острым двойным или тройным лезвием от этого бремени! Она будто облегченно вздыхает и с благодарностью принимает какой-нибудь освежающий лосьончик – скажем, «Меннен». А весь мужской организм получает от этого ощущение умытости, свежести, благоухания и даже молодости!

Вам на сборы – час. Я пока кофе сделаю. Вернемся завтра после обеда. А я пока позвоню, предупрежу о приезде. Вдруг куда-то уехали из своей Вязовки...

Дочки не любят неожиданных выездов из Москвы: настраивались на одни выходные, а получают совсем другие. Обычно такого рода «вводные» встречают с их стороны жесткий отпор, «отнекивания», иногда слезы, обвинения в неуважении взрослых людей, в злоупотреблении своим положением, в волюнтаризме и нарушении прав человека на отдых...

Но на этот раз вчерашние события подавили волю к сопротивлению, «бытие определило сознание»: они безропотно начинают топтаться у дверей в туалет, ванную, кухню, варить себе кофе, шастать в холодильнике... «Процесс пошел», как говорил незабвенный земляк Михаил Сергеевич Горбачев. К тому же, едем в Рязань, а с кузенами они чаще всего с удовольствием общаются.

Глава вторая (бис)

Через секунду после удара стрелы в сосну резкая боль обожгла левую руку чуть выше локтя. Инна упал в траву лицом вниз, лежал, корчась от боли, но отчетливо слышал резкий шорох листвы и даже ощущал глухие удары целой тучи стрел в соседние деревья. Их было с десяток, и они все были нацелены в него. Любая из них могла «прошить» его насквозь, что означало мучительную смерть. Чувство страха и боль в предплечье не давали ему поднять голову, но это было и ни к чему: быстро приближающиеся шаги бегущих к нему людей и громкие голоса ясно давали понять, что он в ловушке. За спиной – река, впереди говорящие на непонятном языке люди с арбалетами, – воины, умеющие сражаться и привыкшие к смерти.

Его схватили лежащим лицом вниз, перевернули, что-то спрашивали. Понять, что перед ними пришедший издалека чужак, не составляло труда: обросший бородой, в истрепанной одежде, непонятный говор... Рана кровоточила, хотя Инна и пытался зажимать ее правой рукой. Короткая стрела с треугольным металлическим наконечником прошла сквозь мягкую ткань насквозь и задержалась лишь хвостовым оперением. На всякий случай, у него отобрали лук и нож. Сумку с кожей, кресалом и раскисшими в реке остатками какой-то пищи проверили, перетряхнули и вернули.

Один из воинов внимательно осмотрел рану Инны, затем ножом осторожно надрезал стрелу и отломил наконечник. Боль отдавалась даже в голове, и Инна, скрипя зубами, с трудом сдерживал стоны, безуспешно пытаясь понять слова, которые обращал к нему «врачеватель». Показав рукой куда-то вправо и заставив Инну обернуться в ту сторону, он резким рывком за оперение выдернул стрелу из раны. А когда Инна, спустя минуту, снова оказался в состоянии понимать происходящее, «врачеватель» уже заматывал рану длинным куском холста, из-под которого торчали какие-то зубчатые листья, размятые почти до кашицы, прохладные и успокаивающие. Разбираться, что это – подорожник, или тысячелистник, или что-то другое, чего Инна вовсе не знал, – было совсем не время. Он надеялся, что самостоятельно заниматься заживлением ран ему все-таки не придется.

Чуть позже Инна понял, что схватившие его – это, скорее всего, чехи-охотники. Человек двенадцать-пятнадцать, в одинаковых одеждах, судя по всему, из одного из окрестных рыцарских замков. И стреляли они из засады, ожидая крупного зверя, которого загоняли в излучину реки. А здесь-то, как назло, появился Инна. Дождь стрел обрушился на движение веток, за которыми ожидали увидеть или лося, или кабана. Теперь же он был им не нужен, он им даже мешал, и они не знали, что с ним делать. Просто отпустить чужака, да еще и раненого ими, никто, видимо, не решался. На всякий случай, его опоясали кожаным ремнем одного из охотников, к ремню бечевкой привязали руки Инны: спереди левую, раненую, а сзади правую. А для пушей верности длинный конец бечевки крепкий и молчаливый охотник привязал к своему поясу.

В тот день добычи не было. К месту ночлега тащились долго. Но на стоянке был костер, была нормальная пища. Руки Инне развязали лишь для того, чтобы дать ему поесть. О побеге не могло быть и речи: там были и лошади, и свора собак – догнать могли в считанные минуты. Нужно было положиться на судьбу и на удачу.

Однако на следующий день удача ему все же улыбнулась. Охотники с рассветом уехали, оставив одного из своих для охраны и поддержания огня. Валяясь под деревом, Инна незаметно перетер веревку на правой руке, а потом, улучив момент, схватил оставленный без присмотра арбалет. Охранник оказался беспомощным, несмотря на то, что Инне пришлось действовать одной рукой. Несколько минут спустя, он лежал связанный у костра, а Инна скакал на лошади в противоположном от охотников направлении. Теперь у него был арбалет со стрелами, новый нож, изъятый у охранника, и немного еды.

Погони в ближайшее время вряд ли можно было ожидать, поскольку возвратиться и организовать ее охотники могли только после полудня или к вечеру. А к этому времени он уже будет далеко. Проскакав несколько часов, он остановился у небольшого ручья, напоил лошадь и отпустил ее, хлестнув по крупу веткой. А сам по ручью прошел еще пару часов, прежде чем выбрался из воды. Если охотники все же пустят собак по следу, то, прежде всего, выйдут к ручью, найдут лошадь, а дальше след будет потерян. Ночная же погоня вообще была бы бессмысленна.

С того дня минуло уже две недели. Позади почти два месяца пути. Цель уже совсем близка: еще немного и в один прекрасный день Инна должен был услышать родную, приятную сердцу речь. Или польскую, по меньшей мере. А это уже практически рядом. Там, среди поляков, ему ничего не будет грозить, и он спокойно достигнет цели.

А пока он по-прежнему вынужден скрываться в лесных чащобах, выбирать наиболее густые леса, избегать деревень, где подданные чешского короля очень недружелюбны к чужакам, ночевать во влажных оврагах и низинах, которые помогают скрывать не только огонь, но и дым от костра.

Ему удалось привести себя в порядок, не только починить истрепавшуюся одежду и обувь, но даже сбрить бороду. Нож, который он отобрал у чеха-охотника, был просто великолепен, сделан настоящим мастером. Достаточно было натереть кожаный ремешок влажной глиной и несколько раз провести по нему плашмя лезвием ножа – и в руках настоящая бритва!

Беспокоила только рана, которая хоть и затягивалась постепенно, но периодически начинала гноиться и воспаляться, особенно после какой-нибудь очередной переправы через речку. Тогда Инна начинал выискивать травы, которые могли бы облегчить состояние и ускорить затягивание раны. Но тысячелистник рос не везде, а сделать себе небольшой запас этой травки он додумался лишь после того, как второй раз за одну неделю ему пришлось буквально сдирать образовавшуюся корку запекшейся крови, выдавливать гной и прикладывать травы. Кромки поврежденной кожи он время от времени присыпал пеплом от костра, чтобы не сочились, но внутри сквозная рана продолжала гноиться, периодически «выплескиваясь» наружу.

Свой посох-календарь Инна восстанавливал уже два раза. Первый он потерял, когда в горах сорвался на спуске и кубарем катился по склону. Второй – во время столкновения с чехами-охотниками. В качестве оружия пика ему уже была не нужна – арбалета и ножа было достаточно и для охоты, и для защиты. Но с шестом идти легче, особенно в дождливую погоду по глинистой скользкой земле, при поиске брода через ручьи и речки.

Временами перед мысленном взором Инны возникали картинки, как его встретят там, куда он так стремился уже столько времени. Радужные образы сменялись мрачными, и он их отгонял, заставлял себя переключиться на воспоминания, на прожитое в Акконе, на галере, во время перехода. Не стоит заглядывать вперед, будущего не знаешь, а значит, можешь поверить в придуманное. А он не хотел придуманного, не любил обольщаться, но и не хотел, чтобы его ожидания не оправдались: ведь ожидания были большими. Очень большими.

Очередной восход солнца Инна встретил под высоким берегом какой-то речушки у самой кромки воды. Крутой берег скрывал дым от костра, на котором вечером зажаривался селезень и сушились башмаки со штанами: добычу пришлось быстро вытаскивать из воды, чтобы не унесло течением, – промок до пояса. Вокруг встретил много свидетельств пребывания людей – следы лошадиных копыт и колес от телеги на берегу, скошенная трава, пара пеньков от свежесрубленных деревьев. Видимо, недалеко какая-то деревня, приходится быть осторожным. Но и совсем далеко отклоняться не хотелось. Если бы незаметно удалось понаблюдать за людьми, можно было понять, кто они: поляки, немцы или еще чехи. И в зависимости от этого действовать дальше, с немцами можно поговорить, выяснить, в какой местности он уже находится и как далеко еще идти.

Инна продвигался лесом, поляны обходил, на большие поля сразу не выходил, сначала внимательно изучал все, что происходило в зоне видимости до самого горизонта. При малейшем сомнении в том, что может оказаться замеченным, уходил лесом в сторону, делал большой крюк, стараясь не потерять свое главное направление. Это, конечно, увеличивало путь, идти приходилось больше и по расстоянию, и по времени. Но он не хотел повторения истории с охотниками, второй раз уже вряд ли так повезет.

Он поднимался по склону небольшого лесистого холма, пробираясь через упавшие и уже поросшие мхом деревья. Поваленных стволов на таких склонах всегда много: почва неустойчивая, местами каменистая, корням не за что цепляться, и при сильном ветре некоторые падают, да еще и следом за собой другие тащат. В результате, образуется настоящий бурелом, некоторые деревья лежат прямо на земле, некоторые опираются на «соседей», и мшистые умершие стволы преграждают путь на высоте человеческого роста.

Инна остановился на вершине склона на несколько мгновений, чтобы отдышаться, как вдруг услышал вдалеке звуки, похожие на людские голоса. Он замер и прислушался: да, это были не птицы. Это были голоса громко перекликающихся в лесу людей, к тому же женщин! Женские голоса, которых он не слышал уже пару месяцев! Сердце Инны от внезапно нахлынувшего волнения заколотилось в груди, и он, забыв про осторожность, пошел туда, откуда они доносились. К чему осторожничать с женщинами? Они не опасны для него. Если, конечно, вместе с ними сейчас нет мужчин. Но это легко выяснить.

Голоса приближались с каждым шагом Инны. Но приближались быстрее, чем двигался он сам. Значит, они движутся навстречу друг другу. За густыми зарослями деревьев, высокой травы и мелкого осинового подвоя он никого еще не видел, но чувствовал, что расстояние достаточно быстро сокращается. Инна остановился и осмотрелся вокруг. Уходить назад, к реке, не имело смысла и не хотелось. Если женщины собирают хворост или ягоды, то, вероятнее всего, спускаться к самой реке они вряд ли будут. Найти бы укрытие и тихонько переждать, заодно послушать, что они говорят и на каком языке.

Инна вспомнил, что чуть раньше он обходил крутой уступ, который сотворило упавшее давным-давно и успевшее зарастить мхом, хвощом и папоротником дерево. Он просматривается снизу при подъеме на склон, а со стороны леса был абсолютно незаметен. За этим уступом в зарослях травы можно укрыться. Подождав еще несколько мгновений и убедившись, что перекличка продолжает приближаться, Инна быстрым шагом направился назад, к уступу. «Нырнув» в травяные заросли, он замер и стал ждать, прислушиваясь к звукам. Высокий папоротник скрывал его, полулежащего, почти полностью, а над головой нависало обросшее мхом поваленное бревно. Поначалу это мешало воспринимать возгласы. Потом он сумел разделить их на три разных. Значит, женщин было, как минимум, три. Но могло быть и больше: ведь они могли и парами идти, а в паре перекликалась только одна.

Спина ощущала влажную прохладу земли. Инна полулежал в углублении, сомкнув над собой листья папоротника и хвоща, которых было совсем немного, чтобы укрыть его полностью, и смотрел на верхушки деревьев. Высоко-высоко над ними медленно двигались легкие белые облака причудливой формы. Он вглядывался в них, и ему виделась длинноволосая, бородатая и усатая голова какого-то старика. Но через несколько мгновений она превращалась в какое-то чудище, потом в скачущую лошадь, потом в лицо девушки...

Неожиданно один из голосов раздался рядом, всего в паре дюжин шагов от его укрытия. Инна приподнялся, раздвинул листья, посмотрел в щель из-под лежащего ствола дерева и увидел девушку. Точнее, ее почти рыжеволосую голову и плечи, яркие одежды и головной убор с разноцветными лентами.

– Nic nie ma, zaraz wracam!⁶

---

⁶ – Ничего нет, уже возвращаюсь! – польск.

Инна отчетливо слышал речь, но ничего в ней не понимал, хотя по звучанию она была ему уже знакома. Польская земля, скорее всего. А девушка двигалась в его сторону и была уже всего в нескольких шагах. Он вжался спиной в свой уступ и замер. Слышен был только шорох травы и легкое потрескивание сучьев под ее ногами.

– Chodźmy z powrotem!⁷

Голос был совсем рядом. На замшелом бревне над Инной появился маленький кожаный башмачок, легонько потопал по стволу, проверяя его на прочность, а затем возникло и совсем юное девичье личико, обрамленное рыжими волосами. Девушка заглядывала за уступ!

Увидев в траве скрывающегося незнакомца, она вскрикнула от неожиданности и испуга, попыталась отпрянуть, но башмачок скользнул по мху, и она кубарем скатилась вниз прямо на Инну, ударившись бедром и боком о бревно. Их лица оказались на одном уровне. На него смотрели испуганные серо-зеленые глаза, к которым по маленькому курносому носику тянулась целая толпа веснушек. Инна быстро приложил указательный палец к губам и сказал «тсс»!!! Они смотрели друг на друга несколько мгновений, и Инна почувствовал, что она готова закричать и начать звать на помощь. Он снова сказал «тсс!» и улыбнулся.

Видимо, его улыбка несколько успокоила девушку, она глянула наверх, откуда скатилась, оценивая свои шансы к побегу, попыталась вскочить, но это оказалось непросто. Она замерла на мгновение, прекратив попытки подняться, посмотрела внимательно в лицо Инны, а потом тихо произнесла:

– Kim jesteś? Co tu robisz?⁸

Инна и понимал, и не понимал. В такой ситуации ни о чем другом в голову не придет спросить, кроме как «ты кто такой?». Нужен диалог. Он ткнул себя пальцем в грудь и сказал: Я – Инна. А ты? – и направил палец на нее.

Inna? Ciekawie. Wyć może inny? Przecież jesteś chłopakiem, a nie dziewczyną.. Marysia mam na imię, Marysia,⁹ – и девушка указала на себя.

Дважды произнесенное слово, похожее на имя Мария. Кажется, диалог получается. Инна снова улыбнулся. Совсем юная и очаровательная. Такая притягательная и практически у него на коленях! Он перевел взгляд на башмачки, и они вдруг оба обнаружили, что края юбок завернулись, обнажив выше башмачков белые, не тронутые солнцем, шиколотки и голени. Девушка заметила взгляд Инны, быстро оправила юбки и начала подниматься.

Mam iść już,¹⁰ – Инна понял, что она не намерена задерживаться.

Он снова приложил палец к губам и посмотрел на девушку умоляющим взглядом. Теперь понимающе улыбнулась она. Посмотрела оценивающе на него, лежащего, сверху вниз, снова сказала свое «mam już iść», хихикнула, прижав ладошку к губам, ловко взобралась обратно на верх уступа и скрылась из виду. Инна привстал на колени и из-под бревна увидел лишь мелькание девичьего наряда между деревьями. Убежала. Инне было грустно, но сердце колотилось в груди, поддавшись какому-то приятно воодушевляющему чувству.

Ему больше не хотелось идти дальше. Ему хотелось остаться, догнать улыбчивую девушку с веснушками, говорить ей ласковые слова, заглядывать в глаза, слушать незнакомую певучую речь, прикоснуться к огненным волосам, и кто знает, возможно, именно она могла бы стать той женщиной, которая родила бы ему сыновей, встречала бы в уютном доме...

Инна встряхнул головой, сбрасывая мечтательные видения. Сейчас – не время. Сейчас он должен исполнить свою миссию до конца, должен дойти, должен найти, должен...

---

⁷ – Идем обратно! – польск.

⁸ – Ты кто? Что здесь делаешь? – польск.

⁹ – (Игра слов. Inna (у) – иная (ой), другая (ой). – польск.) – Иная? Интересно. А может быть, иной? Ты же парень, а не девушка. Марыся меня зовут, Марыся.

¹⁰ – Мне надо идти – польск.

Глава третья

1. День второй. Суббота

«Мы слишком редко видимся, чтобы при встрече пить чай.»

Кто-то сказал

Свояка я люблю. И терпеть не могу. Все одновременно.

Это муж сестры моей жены. Сначала была сестра жены, – Ленка или между нами, родственниками, Кузьма, – просто девчонка-школьница и подружка для жены в одном лице. Всегда была на стороне старшей сестры, помогала, чем могла, информировала о настроениях и действиях родителей, предупреждала о грозящей «опасности», когда нужно было. Еще до нашей с Ларией свадьбы, присылала телеграммы-предупреждения о неожиданном приезде папы. Я успевал иногда «слинять» со съемной квартиры, прихватив бритву и зубную щетку, буквально за час до его прихода, лишь благодаря Кузьме! Потом она поступила в МГУ, у нее появился муж, Демьяныч, и стал родственником – свояком. Такая вот парочка – Кузьма и Демьяныч. Теперь и жены уже два года нет, а со свояком я сжился... Они с Кузьмой – почвоведы. Но жизнь все подправила, и теперь они оба в бизнесе: у каждого по своей маленькой фирмешке.

Свояк – это «эссенция»! Экстракт всего! Легкомыслия и инфантилизма – на десяток подростков хватит! Жлоб такой, что даже для себя лично еду не покупает, не только для семьи! Если вам хочется выпить, песни поорать, в окурках поваляться, – закупайте спиртного с закуской – и к нему! Компания – что надо! А захочется послушать про механизм махинаций в нефтяном бизнесе – вам в Рязань! Он все знает, на нефтезаводе подвизается «волком-одиночкой»: там урвет – перепродает, здесь квоту выпросит – перепродает. И ведь дают! Потому что только за наличный расчет работает, чтоб налоги не платить!

Ну, а коли уж экстрима захочется, скажем, машину разбить, в ледоход по льдинам попрыгать – тоже в Рязань! Год назад умудрился за 4 месяца три машины разбить в металлолом! Включая BMW-525i, которую даже зарегистрировать не успел, – через два часа после покупки! «Обнял» багажником сосну на обочине! Так вот его крутануло! А «пятерка» в новогоднюю ночь и «восьмерка», которую я ему отдал, – это мелочь. Теперь ездит на «Ниве» с кенгурятником! Для рыбалки – то, что надо!

Кстати, в рыбалке он – это Карузо в Ла Скала! Virtuoz! Может поймать даже там, где по определению вообще ловиться ничего не должно! Вырос на Оке! Знает практически все речушки, пруды, озера вокруг Рязани! Ловил все: от чехони и окуньков до щук и сомов! В квартире все углы завалены закидушками, переметами, «телевизорами», сетями, спинингами, катушками, удочками, баночками для крючков, коробочками с червями...

Семья месяцами кормится одной рыбой! Щука запеченая, щука жареная, котлеты из щуки, уха из щуки... карп жареный, карп копченый, карп вяленый... Вобла дозревает на леске на балконе и в кухне, высушенные щучьи головы в серванте между фужерами и тарелками, в книжном шкафу рядом с семейными фотками в рамочках. Да и прозвали его Демьянычем – по известной крыловской басне «Демьянова уха». В холодильнике у него – пустота и эхо, если не считать банок с кишашими в них червями: красным мотылем и белым опарышем! Деньги все в бизнесе, в обороте. Апельсины или шоколад для детей – только на Новый год или день рождения.

Но если уж у него объявляется гость, с которым можно приятно провести время, – тут уж никакой бизнес и оборот не помеха. «А фиг бы с ним, с оборотом! Берем коньяку, конфет, мяса

на шашлыки, фруктов. А луку я в огороде надергаю!». И пошла «писать губерния»! Размах сразу такой, чтобы все завистью истлели!

Причем, им самим буквально во всем тоже движет зависть! Сумасшедшая зависть! Не черная, конечно, не та, которая мелкую и крупную подлость за собой тянет, а белая, похожая на азарт и соревнование. Лоб расшибет, но будет тянуться и гнаться за каждым из своего окружения, кто чего-то добивается! Обидно ведь, когда твои мечты сбываются у других.

Если уж не «переплюнуть», то хотя бы не хуже сделать, чтобы было, чем потом «щегольнуть» и чтобы не обидно было. Я собрался в Египет с семьей – он в Крым тут же, хоть и не на что было ехать. Я в Европу тур купил на семью – он в Египет. Сосед и бывший коллега по бизнесу гараж под «Газель» себе поставил – он через месяц себе на два «жигуленка» сгородил. Сосед «Вольво» взял – он где-то «Бэху» нашел (и через два часа разбил). Сосед домик в деревне купил – он тут же денег занял, взятку дал, на аукционе участок земли «урвал», начал строить кирпичный особнячок в три этажа. В долги влезать «по уши» не боится: принцип «пусть голова болит у того, кто давал» – специально для него! Отдает, конечно. Хоть и со скрипом, но отдает! Понимает, что иначе потом не дадут больше! Но все равно, «долг платежом страшен» для него.

И халяву любит во всем. Хотя, кто же ее не любит? Такое сладкое слово! Огород ему вскапывает пара спившихся театральных актеров за бутылку водки! Причем, если на треть не докопали, – треть бутылки выливает на землю на глазах алкашей, у которых начинаются судороги и истерика от такого «варварства»! А остаток отдает! Квартиру свою однокомнатную выменял на «трешку» в соседнем доме у семьи алкоголиков, доплатив, думаю, не больше, чем пару ящиков водки...

Даже в его студенческие годы я пол-года по опытным полям МГУ ползал с огромным, как сварочный аппарат, самодельным прибором на тележке, какими-то щупальцами измерял влажность почвы, составлял таблицы... Это он таким образом моими руками и исцарапанными коленками готовил данные для своей дипломной работы. А сами студенты – Кузьма с Демьянычем – сидели в это время где-то деревне с ребенком. А скорее всего, свояк на прудах карпа ловил прямо со двора директора рыбхоза за пару бутылок тещиноного – не своего – самогона. Даже свадьбу ему я полностью организовывал, а будущая теща оплатила! Они же студенты еще были, третий курс.

В общем, натура настолько сволочная, насколько и легкая, необидчивая, оптимистичная, добрая и добродушная, с массой идей в голове. И даже если большинство из них – мусор, то и в мусорку иногда ценные вещи попадают... Пусть и случайно...

Так что, заберу с собой не начатую вчера бутылку «Арарата» и поеду потреться с ним, «в мусоре поковыряться». Заодно на дом гляну: интересно же, *что* он там уже успел построить.

2. День второй. Суббота

«Я себя не обделил?»

Попондоццо. «Свадьба в Малиновке»

И все таки я чуточку сумасшедший! «Крыша» у меня не совсем на месте. Я обожаю баранку, педали, спидометр, тормоз... Могу и люблю ехать машиной хоть тысячу километров в день, хоть до магазина в 100 метрах от дома, хоть полдня в пробках, – все равно люблю... Ночевать в машине – нет, не ночую, конечно: «крыша» еще не настолько поехала, но «бзик» небольшой все же есть...

От дома до Вязовки – бывшей опытной станции Академии сельхознаук СССР – двести километров, ехать пару часов. Дорогу знаю наизусть: много лет пару раз в месяц катался по выходным. Только после гибели жены два года назад «сбавил обороты», и выбираюсь не чаще двух-трех раз в год. Вязовка – обычная в прошлом деревня, в которой настроили кир-

пичных пятиэтажек. Вязов, что дали название деревне, там осталось с десятков всего, у покрытого ряской и заваленного гниющими бревнами пруда. Есть, правда, парк, хоть и запущенный, но со своим очарованием, особенно осенью – горы кленовых листьев под ногами, желтизна и золотистость над головой...

...Свояк по телефону предупредил, что будет на своей стройке, искать его надо там. Это километрах в пяти, не доезжая Вязовки. Высматриваю поворот налево, на Лямциотово. Нам сюда. Чуть дальше – автодром, где каждый год в мае на День Победы проходят автогонки «Русское кольцо». В свое время директор совхоза в Лямциотово – ушлый мужик, надо признать, – не зная, как использовать неуголья, овраги, буераки, холмы, холмики и курганы, – оборудовал здесь полигон. Договорился с автозаводами, и с тех пор автогонки за 4—5 дней стали приносить больше дохода, чем весь совхозный урожай, приплод крупного рогатого скота, комбинат бытового обслуживания, скотобойня (в народе «живодерня») и все прочие сельхозактивы вместе взятые. УАЗы, ВАЗы, ГАЗы, КаМАЗы и прочие «достижения» советского автопрома надрыгают здесь движки, теряют колеса, переворачиваются, глохнут на подъемах, иногда загораются, доставляя зрителю истинное удовлетворение и даже удовольствие.

А вот и крайняя кирпичная коробка в три этажа с крышей из рубероида. Пока из рубероида. Красная «Нива» здесь, – значит, свояк работает со своими пацанами. Старший Петька-Чайник с тачкой на резиновом ходу что-то возит, а младший Павлик-Тухтик с рулеткой помогает папаше что-то отмерять...

– Привет строителям!

– Оооо, наконец-то! ЗдорОво! Как трасса? – здороваемся за руку, даже обнимаемся и по спине хлопаем друг друга – так у нас давно принято. Девушки мои помахали ручкой от машины и уже щебечут с пацанами.

– Ну? Что размечаешь? Линию обороны? Редут? Бастион? Крепость? Линию Маннергейма?

– Ага, блин! Забор надо ставить! Достали уже бомжи: ночуют, тусовки тут устраивают, замерзают – труп нашел по весне, знаешь уже... Спалют еще дом на фиг!

– И какой ставить будешь? Деревянный?

– Блин, зафигачу железный, двухметровый, а сверху колючую проволоку пуцу под напряжением! Ворота железные сварю и засов из швеллера! А калитку – на замок, как в гараже! На три оборота!

– А потом ключи потеряешь, через забор полезешь, штаны изорвешь на «колючке», а семья будет зеленкой лечить твою задницу!

– А фиг с ней с задницей! Зато дом цел будет! Павлик, Павлик! Ты куда кол забиваешь? Ты чё? Скока тут до дороги?

– Пап, тебе ж сказали: от дороги 10 метров отмеряешь, и это граница!

– Ну! А я что тебе твержу? От дороги. Но не от асфальта же! Ты знаешь, ГДЕ дорога кончается? Вот смотри: после асфальта идет обочина. Она к дороге относится? Относится! Потом вот эта канава – она тоже к дороге относится! Это же водосток, насыпь тут кончается – значит дорога. После канавы, видишь, кусты: они тоже к дороге!

– Пап, ты чё? Ну как они, кусты, могут к дороге относиться? Они ж вырастут – деревьями станут! Деревьев на дороге не бывает!

– Бывает! Ты по трассе едешь, – что по бокам? Деревья! Они от снежных заносов дорогу закрывают! Значит к дороге относятся. Понял? Вот, а теперь еще метра три отступи, забивай колышек и начинай отмерять...

Закуриваем. Естественно моих, потому что у свояка «тока что кончились»... Халявщик!

– Демьяныч, я что-то не пойму, зачем столько пространства дороге отдаешь?

– Андрюх, ты же знаешь, я себя не обделю! У меня за домом – чистое поле, никаких границ, сколько надо, столько прихвачу «втихаря»! А тут на трассе – свои нормативы, и после

выходных придут разметку проверять, чтоб я близко к дороге не лез. Вот колышки утвердят, а забор я потом поставлю в 10 метрах от асфальта! Не переживай! И там, и там прихвачу!

– И будешь латифундистом! Купил 15 соток, а огородил 25!

– А пусть докажут потом! Нормативы не нарушил? Нет. Значит нормально! Ну пошли, я тебе дом покажу!

Дом хорош, ничего не скажешь: два полноценных этажа, плюс мансарда. Кирпич, бетон, а мансарда – деревянная. Правда, за зиму под балконом трещина появилась... Узбекская бригада фундамент копала и бетон заливала... Да-а, «не гонялся бы ты, поп, за дешевизной»! Крыша пока временная: денег осенью не хватило на нормальную металлочерепицу, вот и закатал на зиму чем попало. Отделки тоже никакой, конечно. Еще все впереди. Пару сезонов точно проковыряется, если денег хватит. И на кой ему три этажа по сотне метров каждый? Хотя, два сына почти выросли. Невесток приведут, внуков нарожают. Каждой семье по этажу... Неплохо.

3. День второй. Суббота

– Ты козел какой?

– Горный!

– А он – Подгорный!

Из старого политического анекдота.*)¹¹

Два часа спустя сидим у него в квартире на кухне, хлебаем приготовленный Кузьмой горячий борщ со сметаной – закусываем коньяк! Борщ – так себе. Кузьма, хоть и младшая сестра в семье была, а с борщами «неудалая». Я лучше варю! И замуж вышла за Демьяныча, – а он привереда в еде, – и детей вырастила, а готовить настоящий борщ так и не научилась! Но зато во всех остальных блюдах – без претензий. Любому фору даст!

Какие ж мы все-таки неисправимые! Коньяк пьем, как водку, – стопарями! На выдохе! До дна! Он не согревает, – он обжигает все внутри! И сразу надо закусить! Но не лимончиком или шоколадкой, как цивилизованные люди поступают после маленького глотка из бокала, а огурчиком соленным, неизменным салатом «оливье»... А я предпочитал всегда душистым наваристым борщом закусывать! И свояка приучил. Ему понравилось и теперь ничего другого не признает!

Ест он безобразно, но смачно: чавкает, хлюпает, шумно схлебывает с ложки капусту с картошкой, пытается при этом что-то говорить, крикает от удовольствия, ладошкой вытирает жирный от борща подбородок... Поест и не испачкаться – не наешься ни фига!!!

Мы разбираемся со стопками: сначала с первой, потом со второй, с третьей... Настает черед разбираться с трупами. Тарелки гремят в раковину, их место на столе занимает пепельница. Миска с «оливье», копченая колбаска «Зернистая-люкс», нарезанная толстыми ломтями, маринованные опята – это все поближе.... И до них очередь дойдет со следующими стопками.

– Прикинь: пошел в гараж за лопатой, – свояк всегда начинает рассказывать обстоятельно, издали, – снег таять начал уже, грязища на стройке, надо было подчистить тут, да там... А гараж у меня ж – тока стены и полкрыши. Ворот нету. Не успел осенью, так все и бросил. Ну и лопаты там в закуске под досками спрятал. Дом-то заколотил на зиму... А в гараж снегу намело – сугробы!

– Демьяныч, ну ты короче давай. Преамбулы сокращай. Понятно, что по своей стройке можешь ходить куда хочешь и зачем хочешь...

---

¹¹ Приходит в ресторан Козел. Зовет официанта: – Мне коньяк с лимоном, пожалуйста. Коньяка нет, есть водка с огурцом. Козел оглядывается по сторонам и видит за соседним столиком на вид такого же Козла, который пьет коньяк с ломтиком лимона: – Как нет коньяка? А это что? Официант смотрит высокомерно на Козла и спрашивает: Ты Козел какой? Как какой? Горный, конечно! Ну вот. А он – ПОДГОРНЫЙ!!! (Член Политбюро во времена Брежнева)

– Ну, так это ж самая суть! Сначала кусок куртки: вижу – торчит из-под снега. Не понял: откуда? Ногой доски пнул, снег обсыпался, – я и охренел: рука по локоть из-под снега торчит! И рукав темно-синий! Я давай дальше доски пинать. Она с них и свалилась! Пьянь, типичная! Наверное, в Лямциотово шла, не дошла, завернула погреться, уснула и дуба дала. Морозы ж какие были в феврале: до 30 доходило!

– Ну. Понятно. Ты сразу вызвал милицию....

– Нее, не сразу. Я долго не мог сообразить, что делать. Ботинком пальцы потрогал – как каменные... Того и гляди отломаются. Меня дрожь пробила. Думаю, мать твою... Начнут следствие какое-нибудь, выяснять будут про участок, раскопают, что я взятку давал... Кузьме только-только удалось отбиться от следствия с моими векселями – отстали, наконец-то. А тут опять милиция. Новые допросы...

– Даа, ничего не скажу: опыт у тебя богатый!... Наливай пока...

Наливаем, выдыхаем, крикаем... Свояк чавкает теперь уже «оливье», одновременно выгребая скользкие, сочные опята, посыпанные мелко резанным репчатый луком и чесноком, себе в новую тарелку.

– Короче, я за телефон, звоню Кузьме, говорю: у нас труп в доме! Чё с ним делать-то? А она ни фиги не понимает, чё, да откуда... Меня колотит всего, то ли от холода, то ли с перепугу... Ну в общем, сажусь в машину и домой. А Кузьма тоже офигела! Говорит: это знак какой-то! Зря мы этот дом начали строить! Надо его продавать на фиг! Не к добру это все! Еще не жили, а уже труп. А что дальше-то будет? Оно нам надо такое?

– Демьяныч, я не пойму, ты ментов вызвал или сам с бомжихой разобрался?

– Конечно, вызывал, ты чё?

– Меня именно это больше всего и интересует! Про твои переживания мне Кузьма по телефону уже рассказала еще месяц назад! Вызвали милицию, да? Вот отсюда и начинай.

– Ну да. Позвонили. Они приехали. Посмотрели. Попинали ногой. Сказали: замерзла! Вроде и так не понятно... Обшарили карманы – ничего не нашли: ни вещей, ни документов, ни денег. Вызывай, – говорят, – труповозку, пусть забирают. А нам тут больше делать нечего!

– И бумаг не оформляли никаких?

– Ни-фи-га! Прикинь! Это ж им дело заводить какое-то... А оно им надо? А так, «труповозку» я вызываю, забирают в морг, сколько-то там дней никто не объявляется за трупом, – они хоронят по упрощенной программе, как неопознанный объект.

– Ага, НЛЮ, прямо-таки!

– Я орать на них начал: вы что? Сами вызывайте! Говорю им, мол, так они за трупом и приедут по моему вызову! Чихали они на меня! Короче, с час я с ними бодался, пока не уломал. Позвонили! Да еще и с моего телефона, собаки!

– Ладно, не ругайся!.. Ну, приехали, забрали. Что дальше-то было? Милиция еще интересовалась, тебя вызывали куда-то?

– Ни фиги! Ни кому нет дела! Увезли и все!

– А бумаги какие-то подписывал?

– Ну да... протокол вроде бы, о том, что труп нашел...

Я понимаю, что приехал зря. Кроме коньяка с борщом – никакой пользы от поездки за 200 км... Мою ситуацию это никак не проясняет.

Но тут до свояка дошло, наконец-то, что спрашивал я не просто так....

– Ну, а чё там у тебя произошло? Чё за баба?

Вкратце пересказываю ему события пятницы. Но за этим «вкратце» бутылка коньяка иссякает, и мы приходим к выводу, что «ноль пять» благородного напитка на двоих – маловато. Тут свояк сокрушенно вздыхает, произносит «ладно», встает и выходит из кухни, что бы через минуту появиться с новой бутылкой в руках.

– Вот. Давай откроем.

Смотрю на этикетку: «Коньяк». Армянский, пять звезд. Но оформление очень старое, еще советских времен, наверняка, годов 80-х. Стандартная форма бутылки, пробка-«матроска» – не «с винтом», а с алюминиевым язычком, за который бутылку всегда вскрывали и который часто отрывался так, что приходилось поддевать алюминий ножом или вилкой, чтоб добраться до пластиковой пробки-заглушки. Теперь-то бутылки «с винтом» делают, пробки-заглушки не встретишь. Натуральная пробка, как в винных бутылках, попадается.

– Откуда такой раритет, Демьяныч? Ему же лет 20 уже!

– Ага! Прикинь, звонит недавно маманя. Помощь ей нужна, физическая сила. Надумала «темную комнату» в квартире перестроить, выкинуть хлам, покрасить-побелить, свет подвести и дополнительную полезную жилплощадь получить. А перегородку сломать – мужики нужны. Бате не справиться в одиночку. Ну, я поехал. Когда хлам разбирали, я под полками в самом низу нашел ящик с пустыми бутылками – раньше ж их сдавали, деньги получали, вот и складывала. Завален был какими-то тряпками, пакетами, сломанная люстра сверху была. На свет вытащил и вижу: одна запечатанная! Вот эта! С коньяком! Это маманя еще по талонам закупала и табак, и алкоголь. Помнишь талоны были? И бутылку полную без пустой нельзя было купить! Она складывала, потом обменивала... А эта одна впотымах завалилась. Я ее и конфисковал. За работу, так сказать! Дефициты начала 80-х годов, прикинь! Если бы не ремонт, еще бы 20 лет простояла!

– Да-а, это надо попробовать! Не пропадать же благородному напитку.

– Открывай, Андрюх! Когда еще мы с тобой выпьем такого! – Демьяныч довольно потирает руки, глаза блестят и блаженно следят за «бульками» из бутылки.

– Ну, давай. За то, чтоб жизнь удалась! – Произношу тост.

– А что, она у тебя не удалась еще? Можно подумать... – Настоящей искренности от такого завистника я не жду, как бы он ни старался ее изобразить.

– Демьяныч, вспомни афоризм: если коньяк старше женщин, с которыми мы спим, значит, жизнь удалась!

Делаю паузу, чтобы до свояка дошла суть тоста... Видно, что мысль где-то «на подступах», усиленно ищет мозги... Дошла! Ухмыляется кислотовато: значит, дошла!

– Демьяныч, если у тебя удалась – надо будет при оказии об этом сказать Кузьме! А выпьем потом за что-нибудь другое. Ну а если еще нет, то вот за это я и предлагаю выпить!

– Ну... за сказанное... кхе!!... Ох и люблю я, Андрюх, когда ты приезжаешь! Хоть посидеть по-человечески можно, – Демьяныч, когда выпьет, – как соловей становится. Занюхивает, закусьивает и продолжает. – А то одна алкашня вокруг. Знаешь, как они меня задолбали уже! Я только за этот год двоих закодировал! Кучу денег отвалил! А куда деваться: он мне огород копает, потом чуть не в истерике начинает биться: «Умираю! Умираю! Помоги! Сердце! Голова! Сдохну щас!». Я его на машину, в больницу, то-сё. Не дай бог и правда, загнется, на фиг, в моем огороде, не оправдаешься ж потом! Там ставят какой-то диагноз, что тока кодировать надо. Ну куда деваться: кодируйте. Думал, с жены потом деньги стрясу! Фиг!!! Она мне: «А тебя просили кодировать? Нехай бы подышал! Один хрен, толку от него никакого, нигде и ни в чем...!»! И еще один такой же! Но иногородний, на доме у меня работал! В раствор с цементом упал, тоже в истерике бился. Чё с народом творится? Ну ладно, грибочков достану пока, а ты разливай! – Демьяныч снова берется за литровую банку с опятами.

Опять громкое «кряканье», чавканье, на этот раз грибами, всякие восклицания и междометия, типа «да-а!», «мммм!!»... Ценители, одним словом..

– Андрюх, ты мне скажи, а то я не пойму никак: какого черта они к тебе приперлись? Поляки-то эти? Ты чё, в креветочном бизнесе, или отелями и ресторанами владеешь? Что им надо-то было от тебя??

4. День второй. Суббота

«Что тебе надобно, старче?»

А.С.Пушкин. «Сказка о рыбаке и рыбке»

Тут до меня доходит, что *такого* конкретного вопроса я себе не задавал. И если бы со свояком не поговорил, не знаю, пришел бы вообще мне в голову такой вопрос в ясной и чистой формулировке. Так и «плавал» бы в подсознании на каком-нибудь второ-третьестепенном уровне. Или, просто, не успел об этом подумать? Все ж смешалось «в доме Облонских»! Действительно, чего они от меня-то хотели? Контакт для подстраховки в чужом городе, на всякий пожарный? Или им конкретная помощь нужна была? Или просто время провести до отлета, как Ирина с Зигмунтом в свое время?

Для меня любой контакт с поляками – радостное событие: возможность пообщаться на польском, поговорить о Польше, о том, что там происходит и т. п. Сентиментальность – коварная вещь, все-таки! Я никогда не искал в этом общении какой-то подоплеки или скрытого смысла. Просто радовался и все.

– А фиг их знает, зачем? Я и не думал даже об этом. Да и не успел.

– Во! Чекист хренов! Разведчик! И чему тебя там учили только?!

– Бывший разведчик, заметь! Уже десяток лет бывший!

– Чё ты мне вешаешь? Разведчик – он на всю жизнь разведчик! Это натура! Диагноз! Неизлечимая болезнь! А то я тебя не знаю: ты же хроник! Ты даже просто смотришь в глаза – у меня мороз по коже, как насквозь видишь! Ты ж тоскуешь по своей внешней разведке, признайся! Честно только!

– А я и не скрываю. Да, тоскую! Но по той разведке, которая 20 лет назад была, а не 10, когда я слинял. И не по теперешней! Тогда было интересно, трудно, но понятно. Идеология была! А потом она умерла. Сейчас же мне комфортно. Но не так интересно. И вообще, разведка – это самое интересное, что в моей жизни было! И это единственное, чем настоящему мужику *стоит* заниматься в этой жизни!

– А чего ж ты ушел? Легкой жизни захотелось? Напрягаться не хотел, да? А на тебя, между прочим, государство кучу денег потратило, рассчитывало на отдачу! А ты все похерил! – Свояк всегда кипятится, орать начинает, тон повышает, когда выпьет.

– Демьяныч, насколько я помню, ты тоже за свое почвоведение в МГУ не платил! Тебе тоже государство образование дало, а ты и недели не смог в коллективе отсидеть! Зонтик на стол, пиджак – на спинку стула, а сам в город по своим делам! С тетками в отделе подрался! Ты же волк-одиночка! А тоже с претензиями!

– Мне 160 рублей платили! На это жить невозможно было! Семья, ребенок! Мне жрать нечего было! Я холодильник открывал, орал в него «а-а-а-а!!!», а там эхо! Тока мотыль просыпался и шевелился!! – Демьяныч все больше распаляется, тон становится резче!

– Не жалуйся на жизнь, могло и этого не быть!

Кузьма временами на всякий случай заглядывает к нам на кухню – контролирует состояние Демьяныча: лишь бы драться не лез. Посмеется над его пьяными интонациями и опять уходит к детворе.

– У тебя хоть холодильник был! – продолжаю сопротивляться не совсем трезвому напору свояка. – А я шесть лет по пустым чужим квартирам мотался, снимал! Одни книги в чемодане! Если б не командировка в Польшу... – аргументы, на мой взгляд, весомые подключаю.

– Ну вот! А из командировки приехал: и машина, и техника, и...

– И... что? И все! Больше ничего. А на жизнь – извозом по ночам-вечерам занимался! Разведчик, млин! Это что, нормально? Когда выбираешь, что ж купить: шесть сосисок на семью

или пару жвачек дочке, потому что на то и на другое не хватает, – ты не разведчик! Ты обычный нищий обыватель, занятый бытовыми проблемами! И вот это уже – диагноз! Тут уже кардинально надо менять, потому что толку от тебя – от разведчика, – никакого!

– Ага. И ты принял решение! Все похерить! Этому разве тебя учили?

– Меня многому научили! И решения принимать – тоже научили!

– А чё ж тебя не научили в корень смотреть-то? – «Остапа-Демьяныча понесло...» – Приперлись какие-то неизвестные, чего-то хотят, в гости напросились... Ну не пожрать же им на халяву у тебя надо было? Бизнесмены все ж таки! Наскребли на кабак бы, если б надо было!

– Демьяныч! Остепенись! Если бы я знал, что эта девушка такой номер выкинет у меня в квартире, я б их и на порог не пустил, не то что спрашивать о чем-то! Я только про морские гребешки и узнал, хотя мне они по барабану! Я ни пива не пью, ни морепродуктов не ем...

– Ну ладно, наливай! – смиряется свояк. Чего ради напрягаться, когда такой раритетный коньяк выдыхается?

В течение следующих двух-трех часов мы со свояком по достоинству оценили качество коньяка советских времен, выяснили, что я полный «лопух» в отношениях с поляками, обсудили особенности закладки фундаментов для разных климатических зон, сходили в гости в соседний подъезд к коллеге Скороплетову – поздороваться, просто... Забрели в местный клуб на дискотеку, куда дочки с кузенами «слиняли», чтобы наших пьяных рож не видеть, еще когда мы за стол пристраивались. Демьяныч даже подергался под рэп. Дальше мог начаться «брэйк-дэнс», а это с возрастом и состоянием свояка несовместимо. Пришлось ретироваться. По пути к квартире попинали ногами колеса наших машин. Договорились в следующий мой приезд приварить «кенгурятник» и на мою «одиннадцатую». В квартире спели под караоке «секшувал революшн», свояк попытался танцевать, но нам с Кузьмой удалось его быстро утихомирить... Потом снова за столом проанализировали ситуацию на нефтяном рынке вообще и на рязанском нефтезаводе, в частности, свояк очередной раз сделал вывод, что Розенберг – представитель еврейской мафии, плавно перешел на Абрамовича и еврейский вопрос – это его любимый конек... Тут пришлось его силой остановить, и мы пошли смотреть какой-то новый детектив на кассете, под который свояк вскорости и уснул прямо на ковре на полу.

Растолкать, раздеть и уложить его в постель – это целая проблема, особенно глубоко после полуночи, но решить ее в конце концов удастся. Уже с подушки он заявляет, что в 5 утра едет на рыбалку, и отключается окончательно.

А поутру я обнаруживаю, что свояк действительно уехал на рыбалку. Как ему удалось встать в такую рань – только ему самому известно. К моменту моей пробудки он рыбачил уже часа четыре. Значит, можно собираться и ехать домой, – часов до 4–5 дня все равно не вернется! Только голод может вернуть его к жене и детям!

Пью сваренный Кузьмой кофе, даю команду дочкам собираться домой. Недовольное нытье, что они вчера поздно пришли с дискотеки, что мол «дай поспать», – меня мало волнуют. Мне надо домой!

Знал бы я, какой сюрприз меня там поджидает, не торопился бы. Или вообще не уезжал бы в Рязань...

Глава третья (бис)

Дождь шел уже почти неделю. Сначала был ливень, который Инна пытался переждать, отсидевшись под раскидистым дубом. Но ожидание затянулось, ливень сменился морозящей всепроникающей влагой. Пришлось продолжать путь, хотя дождь не прекращался ни днем, ни ночью. Мрачные безлунные ночи превратились в бессонный кошмар. Изматывала раскисшая почва под ногами, угнетало отсутствие перспективы приготовить еды на огне, просушиться и поспать, не захлебываясь струйками воды. Промокшая одежда, промокшая обувь, ни пучка сухой травы или мха. Временами Инне уже казалось, что сборище дождевых туч идет туда же, куда и он, и если повернуть обратно, пройти пару миль, то дождь быстро прекратится.

Еще один день мог закончиться полудремой под какой-нибудь елкой, если бы перед наступлением сумерек Инна неожиданно не наткнулся в лесу на небольшое селение из нескольких деревянных изб и сараев. Нестерпимое желание зайти в один из домов, поговорить, просушить одежду, возможно, получить угощение и поспать под крышей, пришлось подавить в себе сразу же. Никаких контактов, а тем более стычек с мужчинами ему не хотелось. Да и вообще свое появление здесь лучше всего скрыть от кого бы то ни было.

Два небольших стога скошенного сена привлекли внимание Инны больше всего. Если надергать из глубины стога охапку сухой травы, можно развести огонь, а уж поддержать костер даже влажным хворостом особого труда не составит. Но сначала пришлось осмотреться, понаблюдать за избами, попытаться выяснить для себя, кто в деревне живет.

Долгих полчаса Инна терпеливо выжидал, выглядывая из-под разлапистой ели. Но никаких признаков жизни возле изб не обнаружил. Можно было бы рискнуть прямо сейчас. Но для начала нужно найти место для ночлега где-то подальше от деревни, заготовить хвороста для костра, а потом вернуться за сухим сеном. Времени до наступления темноты оставалось совсем немного, Инна отправился на поиски и уже часом позже снова был под укрытием еловых лап. В деревне по-прежнему было безжизненно.

Спустившиеся сумерки подгоняли Инну, и он решился. По высокой траве на коленях пробрался к ближнему стогу и, по-прежнему на коленях, начал выдергивать снизу пучки влажного сена, откладывая их в сторону, освобождая проём, где трава не успела промокнуть от дождя. В лесной тишине шорох травы звучал, как грохот железа. И в это мгновение где-то за избами послышалось ржание одной лошади, за ней второй. Проснулись и подали голос собаки. Инна даже не успел понять происходящего, как злобный лай собак послышался уже у него за спиной. Он оглянулся, увидел клыки и раскрытую пасть огромной собаки, закрылся от нее левой – раненой – рукой и почувствовал резкую боль, на этот раз чуть выше запястья. «Все кончено!» – мелькнула мысль. И тут же следом послышался резкий, командный – мужской – голос:

– Назад!.. Фу!... Сидеть!

Инна еще не опустил рук и не видел мужчину, но уже осознал, что понимает прозвучавшие слова! Говорили по-немецки! А ведь он так долго этого ждал! Над ним возвышался суровый, крестьянского вида бородатый человек в кожаном камзоле с ремнем и с капюшоном на голове. В его руках была нацеленная на Инну рогатина. Минутная пауза, разглядывание друг друга, и ни единого слова. Жестом рогатины Инне было приказано подняться и идти в сторону избы. Не было выяснений, не было вопросов. Инна медленно плелся, ощущая под лопатками оба острия рогатины и прижимая к себе кровоточащую руку, на которой зияла рваная рана, и болтался неровный кусок окровавленной кожи.

Спустя полчаса он сидел на массивной деревянной скамье за таким же массивным столом, с жадностью пил из медного ковша молоко, отламывал большие куски ржаной лепешки, глотая их почти не прожевывая, и озирался по сторонам при свете горящей в углу лучины.

Мрачный хозяин перед этим молча промыл ему рану на руке, намазал каким-то жиром, приложил какие-то прохладные листья, аккуратно перетянул руку куском холста, невозмутимо водрузил на стол молоко и лепешку, а сам сел в глубине избы, скрестил руки на груди и исподлобья наблюдал за незванным гостем. Чем меньше оставалось молока в ковше, тем тревожней становилось на душе Инны, который не знал, чего можно ожидать от хозяина. Успокаивало, конечно, то, что тот говорил на понятном языке, не заколол рогатиной сразу же у стога, более того, накормил, как гостя. И что-то еще... Что-то мимоходом отпечталось в голове Инны еще при входе в избу, и тут же было вытеснено ноющей болью в рваной ране... Но схватили-то его как вора! И обращаться могут как с вором!

С последним кусочком лепешки Инна вспомнил: крест над дверью! Вот, что он заметил при входе! Это дом христианина, а не язычника! Вот с ними, язычниками, он сталкиваться не хотел, прежде всего.

Инна поставил пустой ковш на стол, размашисто перекрестился и сказал:

– Спасибо, хозяин. Благослови Господь твою доброту.

Хозяин несколько мгновений так же хмуро смотрел на гостя, медленно поднялся и пересел к столу. Локти на столе, толстые и крепкие пальцы рук сцеплены.

– Что ты хотел... на моей земле? – Он говорил медленно, как бы с трудом, растягивая и тщательно выговаривая слова, от чего складывалось впечатление, что для него говорить – редкое и непривычное дело.

– Я хотел лишь взять немного сухой травы, чтобы развести огонь. – Быстро заговорил Инна, как бы боясь, что его перебьют и не дадут сказать все, как оно есть. – Я много дней в пути, а последние несколько дней почти совсем без пищи, под постоянным дождем. У меня уже не было сил идти дальше, нужно было отдохнуть и просушиться. А в такую погоду развести огонь... Мне нужна была лишь небольшая охапка сена для очага... Я могу отработать...

Инна замолчал в нерешительности, не видя никакой реакции на мрачном лице малоразговорчивого хозяина.

– Откуда идешь? И куда? – наконец выговорил бородач.

– Издалека иду, из Тергеста... – подробностей Инна не хотел рассказывать.

– Тергеста? Это что же за земля такая? Не слышал никогда, – недоумение в вопросе никак не отразилось на интонации.

– Это далеко на юге, у моря Адриатического и Средиземного.

– На юге есть земля Богемская, да Австрийская. О таких знаю. А про какие-то моря там не слышал. Море на севере есть, но далеко.

– А про Святую Землю наверняка слышал? И про Святейший престол в Риме тоже должен был слышать.

– Да. Но это очень далеко. Туда только отряды рыцарей могут дойти... – Он расцепил пальцы и снова скрестил руки на груди. – Правда, не все могут оттуда вернуться.

– Все верно. Тергест – это полпути до Святой Земли. Я с ранней весны в дороге.

– Может быть, ты и в Святой Земле был? – в глазах хозяина вспыхнул огонек интереса.

– Был. Подростком. Совсем юным. Но недолго. Там шло сражение с неверными за Аккон, что рядом с Иерусалимом. Много христиан погибло, всего две галеры ушли на ближайшую христианскую землю, на Кипр. Мне удалось попасть на корабль и спастись. Город сожгли мусульмане.

– И давно это было?

– Двенадцать лет назад, в 1291 году от рождества Христова. – Инна отвечал после небольшой паузы, вспоминая дату тех событий.

– И что же ты делал все эти годы?

– Жил в монастыре на Кипре. Был послушником. Работал, обучался грамоте.

– А куда же путь держишь теперь?

Инна подумал, что теперь настало самое подходящее время узнать, сколько ему еще осталось прятаться по лесам и чащобам. Угрюмому лесному отшельнику, скорее всего, совершенно безразлична цель, которая движет Инной.

– Иду в Мариенбург, чтобы найти там своих родственников.

Хозяин вздохнул, помолчал и, повернув голову в сторону холщовой занавески в глубине избы, крикнул через плечо:

– Эльза! Иди сюда!

Из-за ширмы, скрывающей вход во вторую половину избы, тут же выскользнула женщина средних лет в цветастых одеждах, от которых в груди Инны все сжалось: такие же наряды он помнил с раннего детства, – их носила его мать. Светло-зеленое платье с красной узорчатой оторочкой на подоле, рукавах, воротнике выглядело совсем не повседневным. Волосы аккуратно собраны и спрятаны то ли под платком, то ли шапочкой, напоминающей капор. При свете лучины деталей было не разобрать.

– Эльза, у нас гость. Приготовь ему постель здесь. Сеновал не лучшее место для него сейчас. Поживет пару дней, пока рана не затянется. Тебя как зовут? – Хозяин снова обернулся к Инне.

– Инна. Сын Пауля. Но мне нельзя задерживаться здесь... – Инна пытался робко возражать, хотя и понимал, что упорство в его положении не совсем уместно.

– Тебе нельзя в таком виде в Мариенбург. – Он снова повернул голову к жене, – Эльза, починишь ему одежду, что можно починить. А нательную рубашку достань новую, мою. Пусть переоденет. – Эльза молча кивнула головой и скрылась за ширмой.

Хозяин снова помолчал, уставившись взглядом в столешницу, потом взглянул на Инну и продолжил:

– Не вижу в тебе зла, хоть и неправильно ты пришел в мой дом. Но за попытку украсть ты уже наказан. – Он кивнул на перевязанную руку Инны. – Меня зовут Мейнике, жену Эльза. Тебе нужно привести себя в порядок, у тебя вид бродяги. В Мариенбурге тебя схватят и закуют еще на подходе. Завтра дождь кончится, а там – через два-три дня – я поеду в Мариенбург, повезу сено. Поедешь со мной.

– А далеко ехать или это уже рядом? – Сердце Инны застучало в каком-то смутном смятении.

– День пути, если земля подсохнет.

Что же, возможно, этот бородач и прав. Оказаться в подвалах, под арестом или на принудительных работах для невольников после нескольких месяцев пути – совсем не то, к чему так рвался Инна. Лучше переждать несколько дней здесь, приобрести с помощью хозяев более благопристойный вид, в котором можно было бы спокойно зайти в собор и не отпугивать собой ни прихожан, ни священников.

Следующие четыре дня Инна наслаждался комфортом, наладившейся погодой, собственной чистотой, сытной едой и полной бездумностью. Не строил никаких планов, не думал о предстоящих делах и разговорах. Сбрил бороду, постриг волосы, вместе с Эльзой починил обувь и одежду, помогал Мейнике, как мог с раненой рукой, в его небольшом подворье, сторонясь с опаской двух собак на привязи, хотя те относились к нему абсолютно равнодушно. Под стать своему хозяину.

Но вечерами при свете лучины Мейнике несколько раз все-таки пытался расспрашивать Инну о Святой Земле и о деталях его путешествия. В итоге вольно или невольно, но пришлось рассказать о том, как он попал в Аккон в разгар последних сражений с мусульманами и панического бегства из города уцелевших горожан и рыцарей-христиан. И про поиски отца – это было главное, ради чего он, еще совсем юнцом, отправился в Святую землю, – туда, куда ушел и откуда не вернулся его отец. Найти отца он так и не смог.

На всякий случай, из осторожности, Инна не стал рассказывать об отце Конрадине – настоятеле небольшого монастыря, который приютил Инну, сделал послушником, обучил грамоте и настоящим наукам. Да и само возвращение в родные места благословил этот священник, ставший для Инны единственным близким человеком на чужбине.

В последний день, провожая в путь и прощаясь навсегда, именно так наставлял Инну епископ Конрадин: заходить только в соборы, спрашивать только у священников, отвечать только священникам. Это было залогом успешного завершения пути и гарантией его безопасности. До сих пор Инна следовал наставлению неукоснительно, за все время еще никто, кроме охотников из Богемии и случайной польской девушки, не сталкивался с ним и не пытался выяснить каких-либо деталей.

Лишь этот дом простого немецкого крестьянина стал для Инны отдушиной за долгие месяцы отшельничества. Дом, в котором он, возможно, оказался для хозяев чуть ли не единственным гостем за всю их жизнь. И они были рады гостю, несмотря на то, что началось все так необычно: с рогатиной, собаками и пролитой кровью.

Через четыре дня Мейнике действительно начал собираться в дорогу. Загрузил сеном большую телегу с надстроенными вширь краями, приготовил запас еды и корма. Поутру с восходом солнца он запряг двух низкорослых лошадей-тяжеловозов, а сам вместе с Инной забрался на самый верх копны с сеном. Но поехали они не на север, как тут же встревоженно заметил про себя Инна: сначала на восток, а потом на юг. Мейнике его успокоил и объяснил, что регулярно – каждую неделю – возит сено в замок на продажу, дорогу знает и может добраться с закрытыми глазами.

К вечеру, с наступлением темноты, они еще не добрались до места и остановились на ночлег на берегу реки – большой и полноводной. Место оказалось «обжитым» – на поляне было несколько старых кострищ, которые свидетельствовали о том, что разные путники здесь останавливались много раз. Инна уже понял, что все время шел в правильном направлении, и отклонение всего в один-два дня пути было мелочью, не заслуживающей внимания. С самого начала он предполагал, что на это придется потратить неделю или две. А оказался практически рядом.

Ночь была тихой и теплой, небо звездным, почти полная луна касалась своим тусклым светом верхушек деревьев и пыталась рассмотреть свое отражение через мелкую рябь в реке. Инна засыпал на стоге сена под редкие крики каких-то ночных птиц, тонкий писк комаров и всплески воды от мелких рыбешек...

– Вставай! Солнце-то встает уже, и нам пора!

Инна почувствовал толчок в ногу и открыл глаза. Мейнике стоял внизу, у телеги с сеном, смотрел на сонного Инну и улыбался. На его окладистой бороде светились капли речной воды. Лошади попеременно запускали свои морды в охапку сена, размеренно жевали и пофыркивали.

Инна осмотрелся по сторонам и увидел вдалеке в туманной дымке очертания верхушек башни и шпиля собора или часовни. Это Мариенбург! И всего в часе езды, не больше! Он быстро соскочил со стога, подбежал к воде, поплескал себе в лицо, вытерся подолом рубашки и вернулся к Мейнике.

– Я готов!

– Едем. По дороге потрапезничаем, хоть и грех не за столом да без молитвы. Но в замке надо быть как можно раньше. – Мейнике решительно оттолкнулся ногой от оглобли и вскочил на воз. Инна последовал за ним.

С берега реки открывалась равнинная местность и поля с уже убранными хлебами. Тут и там виднелись стога свежей золотистой соломы, высушенного сена. Кое-где встречались группы крестьян, работающих в поле с серпами, косами и граблями, несмотря на раннее утро. Мейнике в основном молчал, изредка подергивая вожжами, подстегивая медлительных лоша-

док, задумчиво жевал ржаную лепешку, вгрызаясь в нее крепкими зубами и вырывая большие куски.

– Тебе кто нужен в замке? – вопрос к Инне застал того врасплох: он не знал точно, кто ему нужен в самом замке. Но он точно знал, что ему сначала нужно зайти в собор, шпиль которого возвышался рядом с замком. Все остальное – только после разговора с епископом.

– Я не пойду в замок. У ворот сойду. Я должен зайти сначала в костел и поблагодарить Бога за то, что довел меня до цели.

– Ну что же, Бог тебе в помощь. Я буду здесь до захода солнца. Если от меня потребуется какая-то помощь, потолкайся на торговой площади. Меня многие знают, достаточно просто спросить.

Еще четверть часа спустя они остановились на рынке перед замком, распрощались, и Инна направился вдоль мощной крепостной стены. Он шел, не торопясь, и задрав голову, осматривал массивные, строго упорядоченные нагромождения красного кирпича, которые как бы сами собой формировали неприступный прямоугольник с башней внутри. Широкий и глубокий ров вдоль стен замка лишь усиливал ощущение неприступности. Казалось, все было сделано для того, чтобы преодолеть такие стены могли лишь птицы.

За углом замка, наконец, показался фасад собора, тыльная часть которого была еще закрыта строительными ограждениями и лестницами, рядом громоздились штабеля кирпича и круглых бревен. Лишь остроконечная часовня, соединенная с собором временным бревенчатым приделом, с гостеприимно распахнутыми дверями указывала на присутствие здесь людей. Туда-то Инна и направился.

В часовне, однако, никого не было. Скромное убранство, некое подобие алтаря, деревянное распятие в глубине... Только пройдя через сводчатую дверь за алтарем и прошагав в полумраке, почти на ощупь, по гулкому деревянному полу придела, Инна, наконец, оказался в просторном зале собора. Остановившись меж двух прямоугольных колонн из красного кирпича, подпирающих своды потолка высоко над головой, Инна рассматривал внушительное строение, восхищаясь мастерством строителей. Два ряда таких же колонн разделяли зал на три части. В центральной – от парадного входа до алтаря – были выставлены массивные деревянные скамьи для прихожан, свежие, еще не успевшие потемнеть от времени. Две боковые части с огромными арками окон, еще сохраняли следы строительных работ, ниши между окнами кое-где оставались пустыми, а в некоторых уже были различимы скульптурные фигуры святых.

Эхо под сводами зала, казалось, откликалось даже на дыхание и осторожные шаги Инны. А голос, неожиданно раздавшийся от алтаря, прозвучал громогласно.

– Слава Господу нашему!

– Во веки веков! – откликнулся Инна, закрутив головой в поисках говорившего. – Мир храму святому!

Заметив человека в темной сутане, стоящего справа от алтаря, он перекрестился и, поклонившись, сделал несколько робких шагов навстречу.

– Позволь спросить, святой отец...

– Я не священник, я простой служитель в храме, – прервал Инну человек в сутане. – Святой отец в отъезде. Если тебе нужен именно он, то лучше зайти через день-два. В противном же случае, я готов выслушать тебя и постараться помочь.

Инна задумался на мгновение, собрался уже отказаться от дальнейших расспросов и дожидаться возвращения святого отца. Но затем решил продолжить.

– Я пришел издалека. К отцу Иоганну. Мне сказано было, что он состоит священником в кафедральном соборе в Мариенбурге. Надеюсь, что это не ошибка и что это действительно так...

– Это близко к истине, – расплывчато ответил служка. Он спустился по ступенькам от алтаря, прошел в зал, приблизился к Инне и, присев на скамейку, пригласил его сесть

рядом. – А ты с чьим-то поручением пришел к святому отцу, тебя кто-то послал или со своими собственными заботами?

– И с поручением, и за себя хлопотать, да и за других тоже... А что означает «близко к истине»? Мне что-то не правильно сказали о святом отце? – Инну обеспокоил малопонятный ответ, и ему хотелось прояснить все до конца.

– Отец Иоганн не просто священнослужитель в этом соборе. – Служка приосанился и горделиво продолжил. – Он – епископ. Но другие священники сейчас здесь, в храме. Могу доложить о тебе. Если ты действительно с важным поручением, – тебя примут.

– Нет, я дождусь отца Иоганна. – решил, наконец, Инна.

– Что ж, дело хозяйское, – служитель слегка запнулся, собираясь с мыслями. – Вот только еще вопрос у меня. Говор твой отличается от здешнего. Из каких земель прибыл к нам?

– Если позволишь, я воздержусь от ответа. Только после разговора с отцом Иоганном и с его позволения смогу что-то рассказывать. А пока – не могу.

Инна собрался уходить, привстал со скамейки, но тут же опустился на место.

– А подскажи мне еще, божий человек: мне негде остановиться, я никого не знаю в городе. А переждать пару дней все равно придется. Может быть, знаешь, где можно постоять найти?

Служка еще раз бегло и критично осмотрел Инну, присмотрелся к перевязанной левой руке.

– А платить у тебя есть чем за постоя? Ночлег бесплатный нынче разве что в подвалах замка. Все остальные хотят платы, деньгами или работой. Чужие в городе только с торговыми делами появляются, – у них есть, чем платить. Ты, судя по всему, не из них. А рана откуда? О сражениях в последние недели ничего не слышно было.

Инна усмехнулся и, подумав пару секунд, ответил двусмысленно, не особо греша истиной:

– Рану на охоте получил. Одну от стрелы арбалета, а другую от собаки.

– Выходит, охотились на тебя?

– Скорее случайность. Приняли за лося или медведя. Хорошо еще хоть рогатиной не прокнули, слава Богу! А что до платы за постоя – правда твоя. Платить нечем, да и работник я с больной рукой – никакой. Надеялся на отца Иоганна, да напрасно, видеть.

– До приезда святого отца я могу попросить разрешения пристроить тебя в сторожку при часовне. Но за еду придется днем работать и помогать в строительстве храма по мере сил. Рана-то серьезная? Бездействует рука или есть какая польза от нее?

– Ну, если осторожно, то работать могу.

– Хорошо. Идем со мной.

Через боковую дверь за алтарем они прошли по узким темным коридорам. Служка оставил Инну на несколько минут одного перед какой-то кельей, а затем вышел, кивнул головой, подтверждая полученное разрешение.

Сторожка оказалась временной деревянной пристройкой, в которой можно было разве что укрыться от дождя. Но там была лежанка, устланная соломой, небольшой стол и скамья. Этого было достаточно. Бездомным себя Инна уже не чувствовал.

Остаток дня и весь следующий день ему предстояло побольше слушать, поменьше говорить, перезнакомиться с мастерами, помогать перетаскивать и перекладывать сосновые бревна, носить бадью с водой и песком, укладывать кирпич в стопки. Иными словами, заниматься черной работой, которую сами мастера считали недостойной своего положения. Но Инну это не смущало.

Глава четвертая

1. День третий. Воскресенье

«Мой дом – моя крепость».

Английская поговорка.

Обратная дорога в Москву – те же два с небольшим часа. Но все равно всегда дольше получается. По пути тормозим в Коломне, что бы купить мороженое, кусок колбасы и Колы.

Дома высаживаю дочек у подъезда, разворачиваюсь, чтобы машину отогнать в гараж. Остаток дня и вечер собираюсь поваляться перед телевизором, погладить рубашки, заняться «хозяйством», а значит, никуда больше ехать не планирую. Стало быть, мы с машиной – по домам! На углу маячит вездесущая фигура соседа Лёхи-алкаша в кирзовых сапогах. Как бы мне его проскочить? Опять доставать будет, денег на выпивку просить. Но через десять минут на подходе к подъезду Лёхи уже не вижу: спрятался, наверное, затаился или в овраг пошел по нужде.

Дочек застаю в коридорчике у входной двери: приоткрытой и с выломанным замком.

– Что случилось?... Вот те раз... – я даже присвистываю.

– Да вот, не заходим. Замок сломан, дверь просто прикрыта была. Может, милицию вызвать и пока не заходить?

– Ну как не заходить? Надо глянуть, что там, в квартире-то. Может быть, вынесли все! А вызвать успеем. Спрашивать все равно ведь будут, что там, в квартире.

Прохожу первым. В коридоре все нормально. Комната девушек просматривается почти целиком: внешне все в порядке. Заглядываю в свою комнату – никакого погрома, никаких следов поисков чего либо. Бросаюсь к секретеру: там же деньги! Неприкосновенный запас! На черныи день! Накопления в валюте за несколько лет! Открываю, достаю конвертик – не тронут... Все на месте. Даже наша глухая Ася-альбиноска. Небось, и не слышала, как квартиру грабили.

Ничего не понимаю. А почему замок сломан? И почему первая дверь от лифта тогда цела? Ключом ведь и я открыл, и дочки? Правда, дверь там – хилая. Специалисту, и даже такому дилетанту, как я, открыть ее – плевое дело. Надо посмотреть все-таки.

Выхожу, осматриваю замок: все в порядке. Но вот штапики, которые рифленые стекла прижимать должны, – еле-еле держатся, явно кто-то снимал. Так. Уже понятней: поддели штапик, сняли стекло, открыли замок изнутри, вошли. А на обратном пути поставили обратно стекло, прижали штапик, не забывая гвоздей, чтоб не шуметь... А соседка давно ведь собиралась железную дверь установить!

А что ж сделали с квартирным замком? Оглядываю «разрушения»: пытались отжать дверь, а в конечном итоге, выбили приемную личинку. И от косяка отколол приличный кусок доски – сантиметров 20. Хорошо приложились. Был бы замок посolidней – пришлось бы им всю дверь высаживать. Щепками бы не обошлось! Слава богу, второй замок работает, надо ключи найти от него, пока этот не отремонтирую.

И соседей надо бы спросить, слышали что-то подозрительное или нет. Хотя из соседей всего одна квартира жилая, да и там у пацанов всегда всякая «попса» тусуется или «рэп» на весь подъезд... Тут хоть взрывай – ничего не услышат. А Клавдия Герасимовна с Константином – у матери в Крыму. Ну, а если бы услышали, – милицию вызвали, мне бы на мобильник звякнули, в конце концов...

Но что же искали в квартире? Может быть, внимательней шкафы проверить? Если деньги на месте, телевизор, видак и прочая техника – на месте, может быть тряпки кому-то понадобились? Ну, не за картинками же Саши из художественной школы к нам вломились?

Возвращаюсь в квартиру. Из кухни слышу голос Дашки:

– Пап, ты цветы перед отъездом в Рязань не выбрасывал? По-моему, цветов нет. Вместе с вазой. А остальное, в принципе, не тронута ничего... Даже странно как-то...

Да... Странные грабители, однако. В голове сразу непроизвольно складывается отчетливая картинка. Ежи, который эти цветы принес, тихо пробирается от лифта к двери, отверткой отковыривает штапик, вытаскивает стекло, открывает изнутри старенький английский замок, также тихо пробирается к дверям квартиры, достается фомку, отжимает дверь от коробки – не получается, нажимает плечом, – не получается, он оставляет фомку зажатой между дверью и косяком, отходит на пару шагов и с разбегу плечом выбивает!

Глупости какие-то. На фига ему его же цветы? Ну пришел он с ними, и что?

Может быть, не хотел оставлять их как улики? Может, он вообще не признает никаких общих дел с Барбарой и уже умотал к себе в Австралию? Будут что ли его литовцы там в Австралии искать?

Да нет, при чем тут вообще Ежи? Это кто-то другой. Ерунда в голове.

– Пап, на автоответчике одиннадцать звонков за вчера и сегодня. Но ни одного сообщения не оставлено: одни короткие гудки, – это Дашка проверила домашний телефон. Ну что ж, кто-то очень хотел поговорить. А если очень хотел, то дозвонится в конце концов...

Интересно, они свет включали в квартире или с фонариком работали? Ночь же была, можно было и свет включить, все равно все вокруг спят... Ну, кроме соседа-алкаша, который даже ночью, наверное, пытается денег «стрельнуть»... Стоп. А вдруг он и правда что-то видел?

Быстро спускаюсь вниз, долго ищущу Лёху, который как назло куда-то исчез. Неожиданно для себя нахожу в овраге за самодельным столиком, где мужики по выходным в домино режутся. Сидит одиноко с тоскливой физиономией, впечатление такое, что протрезвел до неузнаваемости, курит свой неизменный «Беломор» – спасает лошадей, которые от капли никотина умирают.

– ЗдорОво, сосед! – пытаюсь с первых слов наладить контакт его же фразами и начинаю врать напрапалую. – Ты сегодня как-то необычно выглядишь. Посвежел. Выспался ночью, что ли?

– ЗдорОво... Какой там на хрен... Загнусь скоро... Вообще спать не мог...

– А что ж так? Болеешь, что ли?

– Угу... Печень, видать... Скрутило так, что... эт... домой не дошел... Под забором пролежал..., бляха-муха..., до утра...

– Да ты что? Так тебе, Лёх, лечиться надо. Иначе, и вправду, загнешься. А что ж за тобой никто не пришел? Родня ж есть у тебя?

– Да кому я на хрен нужен? Нету меня – и хорошо... А лечиться, ... эт... ты тоже скажешь... Тут на бутылку денег нету... Вчера... эт... было б чё вмазать, так и не скрутило б... Разгубастился бы, и все чин-чинарем... А када нету... Да еще эти козлы... Сами нашли, вмазали... А я пришел, – гывят, больше нету...

– Какие козлы? Это ты про кого?

– Да Иван с Серегой из 3-го... подъезда... Я... эт... всегда ж зову, када есть чё с собой... Эт... Сволочи, короче...

– Так ты ночь просидел и не спал совсем? – начинаю уже цепляться за небольшой шансик.

– Ну... Как собака... под забором...

– Слушай, Лёх, а ты не заметил чего-то странного ночью? Ну может кто-то чужой тут случаем приезжал или приходил?

– А чё тут странного будет-то ночью?... И... эт... зачем тебе? Ты чё, мент?

– Нет, не мент, Лёх. У меня, просто, тут сотня в кармане завалилась, думаю, может, тебе бы пригодилась... Подлечиться! Вспомни... С цветами ночью никого не видел?

– ...С цветами были... Эт... Два мужика... Чумные, бляха-муха... Все ж с букетами приходят, так? А эти... эт... часа в три ночи где-то... с букетом вываливают из 1-го подъезда... Пряма передо мной... я ж, бляха... под забором... корячусь тут... Потом за угол ушли, и машина там завелась...

– А как они выглядели, мужики эти?

– Обычно... эт... в костюмах, как ты прям, ...бляха-муха..., все чин-чинарем.

– Ну ладно, Лёх. Держи сотню. Сегодня ты ее заработал. Мой совет: отложи ее на кодирование...

– Да пшел ты... бляха-муха, – Лёха возмущается, но сотню быстро прячет. – Слышь... эт... они не русские были... Литовцы.

– Откуда такой вывод, Лёх? Они что, представились тебе?

– Да не-е. Эт... трепались по-литовски.

– А откуда ты знаешь, что по-литовски?

– Ну так... бляха-муха... я ж под Вильнюсом в деревне... эт... жил до армии. С пацанами в войну играли... Эт... помню еще. А читать-писать – ни фиги... забыл.

– Вот те раз! Никогда б не подумал... И о чем они говорили?

– Ругались между собой. Точно не помню... Короче, эт... «насвинячили, – грит, – а толку никакого»... А чё и где насвинячили – не знаю.

– Ну спасибо, Лёха. Ценный кадр ты, однако. Но про кодирование все же подумай. Пока.

2. День третий. Воскресенье

*«Чем больше извилин в голове —
тем труднее ими шевелить»*

Наблюдение. Не мое, правда.

Сидим на кухне втроем вокруг кухонного стола. Дверь косметически восстановлена, личинка замка прикручена шурупами, наличник на двери потом заменю, – после зимнего ремонта оставшиеся куски на балконе валяются. Я пью кофе, Саша «строгает» себе ломтики коломенской колбасы, Дашка – с кочаном капусты в руках: отламывает листья и ест. «Крольчиха-диетчица»!

Каждый думает о своем, но все равно об одном и том же.

– Странно это все с цветами... – это Дашка озвучивает свои размышления.

– А может, в цветах какой-то яд был? – это Саша. – Потому с этой Барбарой так и случилось?

– Ну да, я с ними полтора часа на кухне находилась, когда готовила. И нюхала, и в вазу ставила, – и ничего. А этот Ежи – он цветы нес в руках... Какой яд, ты чё? Тогда бы все уже загнулись!

– Да шучу я! Просто, ничего понять не могу, вот и лезет в голову мура всякая...

У меня тоже никаких идей пока. Думаю, надо связываться с Ежи, у него хоть какая-то дополнительная информация может появиться. Там же что-то должно происходить, у литовцев, у поляков в посольствах... А он основное действующее лицо. После Барбары, конечно. Она – лицо уже «не действующее».

– Вазу жалко... Красивая была... А ее выкинули, наверно, где-нибудь по дороге... Пап, она из Польши была? Подарок? Я помню, как ты ее привез... – Дашка тогда в 1-м или во 2-м классе была, конечно, должна помнить. А Саши или еще не было, или только родилась, кроха совсем была.

– Да, «презент». Я на каком-то мероприятии был в Обществе советско-польской дружбы... В Бялогарде, по-моему, не помню точно... Годовщина революции была... И вазу мне, как представителю советского консульства, вручили. Там еще памятная табличка прикреплена была, медная, с надписью на польском... Когда в Москву вернулись, я ее сначала в туалете на полочке повесил, а после ремонта где-то в шкафах должна валяться...

– А почему ты ее снял?

– Так она съемная, на двух цепочках, за край цеплялась. А с цветами в вазе – мешалась всегда. Вот и убрал...

Поесть бы приготовить чего-то... Настроя нет... Может быть девушки мои «сподобятся».

– Так, девушки, прошу пока никому не трепаться по поводу всех этих событий. Это раз. Ужин готовите вы. Это два. Ну и трубку телефонную берете тоже вы. Я готов говорить только с поляком. Для остальных – придумывайте, что хотите: я в гараже, в магазине, на заправке... Только выясняйте, кто звонит и что передать папе... Это три. Я пока с мыслями соберусь.

Сгребаю со стола сигареты с зажигалкой и тащусь на балкон. Думать мне лучше стоя или на ходу. Сидя намного хуже получается. Даже на работе, когда пишу какую-то деликатную или сложную бумагу с «хитрыми» формулировками, бегаю в курилку через каждые пять-десять минут. Пока дойду, пока покурю, пока обратно – в голове что-то уже уложилось. Прямо-таки, как Сталин! Во всех фильмах он рассуждает, прохаживаясь по кабинету с трубкой! Точно! Такая же натура! И трубка у меня есть! Только я не тиран. И не грузин. И не генералиссимус. И не глава партии и государства. И Ленина я не видел, даже в мавзолее. И усов у меня нет. Никудышный «сталин», короче.

И что ж мы имеем? – Ерунду имеем. Всего два вечера. И два гнусных, непонятных события: визит с трупом и отъезд со взломом. Может быть, они и не связаны совсем? Но тогда почему исчезли цветы? Почему только цветы и все! Да, ну и ваза, конечно, заодно. Если бы вломились за ценностями – все бы перерыли, нашли деньги, кольца обручальные в шкафу, технику бы вынесли, в конце концов. А тут ничего не тронули, даже порядка не нарушили. Значит все дело в букете. Что ж в нем такого привлекательного-то? Или коварного, чёрт возьми?

3. День третий. Воскресенье

«No news – good news»

Неужели это правда?

Спустя час я в очередной раз делаю для себя вывод, что хоть в разведке меня научили очень многому, но ничего из приобретенных знаний и навыков мне пригодиться сейчас не может. Когда нет достаточного объема информации, никаких идей не родишь, как ни тужься: в пустоте «зародыш» не появится! Как ни крути, – все, как в любви-сексе. Природа все-таки примитивна, никакого разнообразия. Сама все по штампу создала, и человеку не дала способностей что-то иное придумать. Что б ни рождалось – человек, дерево, идея, – принцип один и тот же. Надо накопить необходимый «питательный» материал, объединить внутренние и внешние благоприятные факторы, условия и обстоятельства, из огромной массы вариантов развития событий выбрать один, который и даст жизнь новому. Не важно, новому человеку или новой идее. Короче, идею выстрадать надо.

Пока же есть только пустота. Нет информации. Будет информация, – могут появиться идеи.

Где взять информацию? Кроме Ежи – никаких вариантов. Если он еще в Москве, если не «слинял» первым же самолетом, можно попробовать. А если уехал, – считай, «концы в воду».

Чёрт, чёрт, чёрт... А как я его искать буду? Я ж даже и фамилии его не знаю! В отель пристроил на ночь, но в паспорт и не заглядывал! Ну, чудак на букву «м»!

Стоп, визитка... Была визитка... визитка...

– Маааш, ты тут на зеркале визитку не трогала? Никуда не убирала?

– Нет. Не припоминаю там никакой визитки...

– Я ее вот сюда, под зажим подоткнул... Когда цветы у него забрал.

– Ну, не знаю. Я не трогала. Полин, ты не видела?

– Нет. Я там вообще ни к чему вообще не прикасалась.

– А ты точно помнишь, что здесь оставил?... Никуда не перекладывал потом? А он ее перед уходом не мог забрать? – Дашка всегда все ставит под сомнение.

– На фига?

– Ну мало ли... После всех этих событий пятничных... На всякий случай... Подумал, «да катись ты, Россия!», собрал все, что бы следов не осталось, и в Австралию!

Тааак... Еще один сюрприз... Хватаю мобильник, ищу телефон отеля. Гудок. Второй. Третий. Четвертый... Ну же!!!

– Аллёё, вас слушают, – «алёкает» женский голос с явно провинциальным говорком.

– Девушка, я в пятницу поселял к вам в гостиницу поляка, поздно ночью в полулюкс.

Меня интересует, он уже выписался или еще у вас?

– Фамилия поляка или номер полулюкса...

– Да если б я знал, девушка... Вроде бы на шестом этаже должен быть. Не знаю ни того, ни другого. Имя Ежи. У вас же там всего с десяток полулюксов. Гляньте, полистайте, пожалуйста...

Тишина в трубке. Пауза с полминуты...

– Аллёё, вы слушаете? Есть такой. Ежи Урыцкий. Проживает в номере 609.

– Отлично! Девушка, а как ему позвонить в номер, не подскажете? Очень нужно, а номера мобильного я не знаю.

– Наберите коммутатор – последние цифры 11, – и попросите соединить с номером 609.

– Спасибо. С меня шоколадка! – радуюсь я непонятно чему.

Набираю коммутатор, прошу дополнительный, соединяют, гудки, есть...

– Алло, это Ежи?

– Да. Очень хорошо, Андрей, что позвонили, – он меня сразу узнает. Видимо, мой акцент в польском сразу выдает. – Я звонил вам домой раз десять, но никто не отвечал. Нам надо поговорить. Хорошо бы сегодня. Мы можем встретиться где-то в центре города?

– А зачем в центре-то? Мы же с вами рядом, десять минут машиной всего.

– Нет-нет. Надо в центре. Какое-то кафе недалеко от метро знаете, где можно поужинать?

– Ну, для меня проблемы нет. Вы-то найдете?

– Найду. Скажите станцию метро, я приеду и там встретимся.

– Так сразу в кафе давайте. Я адрес продиктую...

– Нет. Не надо. Встретимся у метро, а дальше пройдем. Какая станция и когда?

– Ну хорошо... Новокузнецкая. Там один выход. На улице у выхода я буду вас ждать, скажем через полтора часа.

– Договорились. До встречи... – и тут же гудки: отбой...

...Хм. Не нравится мне это. *Такие* меры предосторожности – неспроста. Но с другой стороны, это значит, что какая-то информация у него есть. Что-то он знает. Иначе, зачем такая осторожность и настороженность? Надо ехать! Хорошо бы пораньше подъехать, спуститься в метро и глянуть со стороны, как он будет идти. Вдруг за ним из вагона «хвост»... Только от кого и зачем? Кто может его контролировать и почему? Литовцы? Поляки? Наши? Дипломаты, даже если они на спецслужбы работают, не будут такими вещами заниматься в чужой стране. Мафия или «пацаны» какие-нибудь? Фиг знает, чем он на самом деле занимается, этот

пан Ежи Урыцкий... Тогда и за мной может быть «хвост». Но с какой стати? Что может интересовать в моей скромной жизни всякие группировки? Но провериться надо...

Стоп! Какое метро? А если он «тачку» поймает от отеля? Скорее всего! А станция метро – это просто ориентир. В любом случае, надо «брать» его от дверей гостиницы. А там уже неважно: «тачкой» до ближайшего метро или прямо до Новокузнецкой! В любом случае, «вести» до конца.

Вот, дожил на старости лет. Вспомнить придется, чему учили когда-то и что ни разу в жизни не пригодилось! Красиво излагать мысли учили – пригодилось, и по сегодняшний день пригождается. Под «наружкой» работать учили – никогда не пригодилось. А теперь надо, видеть, вспомнить...

4. День третий. Воскресенье

*«Там, где заканчивается полоса неудач,
начинается территория кладбища»*

Оптимистичный афоризм пессимиста.

Неправда, что жизнь – это одна неприятность ЗА другой. Жизнь – это одна неприятность НАД другой. Процесс такого накопления и «складирования» неприятностей может сотворить настоящий хаос в жизни. Да еще если они взаимосвязаны, – получается спутанный клубок, распутать который порой невозможно. Правда, тут есть возможность найти ключевую проблему-неприятность, разрубить этот «гордиев узел», и все остальные сами собой отпадут... Надо только найти...

Вонючий лифт – не ключевая проблема, да и не проблема сейчас вообще. Игнорирую. Чуть ли не бегом мчусь в гараж, завожу машину и вылетаю на проезжую часть. Оглядываться по сторонам пока рано: перед выходом осмотрел из окна все вокруг, ничего подозрительного не обнаружил. Попетляю по улочкам, прежде чем к отелю выскочу, – проверю, есть ли кто за мной сзади...

На Новокузнецкой есть неплохое кафе «Гляссе». И кофе там хороший делают, и десерты всякие. Но я туда на волован несколько раз заезжал! Замечательный! Я вообще грибы обожаю. Ну, и мясные блюда из свинины – пальчики оближешь! Один раз попал на промо-акцию: после принятия заказа предлагали пройти к шоколадному фонтану! Горячий шоколад с кусочками свежих фруктов – это нечто! Шпажкой цепляешь виноградину, к примеру, и подставляешь под струю горячего шоколада! И на тарелку! Потом кусочек груши! Клубничку! Кусочки банана! ... Почаще бы такие промо-акции!!!

На Борисовский проезд можно попасть по-разному: с Каширки, с Орехового бульвара, со стороны Братеева... Надо подъехать так, чтобы занять удобную позицию и незаметно контролировать ситуацию. Петляю по улицам, останавливаюсь у киоска, покупаю сигареты, на светофорах вправо, потом влево... Никого, кто бы привлек мое внимание, в зеркало не замечаю. Справа – отель. Метров через 50 съезжаю на паркинг перед универсамом «Остров» и паркуюсь «елочкой». Слева черный «Лансер», справа – старенький серый «Фольксваген-Пассат». Вид на отель не закрывает. И выезжать удобно: справа выезд с паркинга, сдам назад – и к выезду!

Тщательно отслеживаю поведение машин на улице – ни тормознувших, ни запаркованных следом за мной. Вот только «Шкода» черная и тонированная... Но номера московские... Аа-а, женщина с ребенком лет 4-х, в магазин приехала. Для слежки такая не годится...

Ждем-с. Терпение и еще раз терпение. До встречи еще полтора часа. Ежи должен появиться где-то через полчаса: ехать до центра минут 40, если без пробок. Но запас возьмет все равно, чтобы такси поймать и на случай заторов и т. п. – ведь все с дач возвращаются... Воскресенье...

А народ вокруг совсем не подозрительный, сколько ни смотрю. Снуют в магазин, из магазина, грузят продукты, тащатся мимо по тротуару, машины по улице – «сквозняком» проскакивают... Вот только вон тот серебристый «Опель»... Неудачно стоит – номеров не видать... Внутри двое мужиков, один по мобиле говорит, второй руками размахивает – энергично, однако, «базарит»! Надо на них повнимательней посмотреть. Через пару минут после меня притормозили сразу за светофором... Кто знает...

Включаю «Авторадио» – там о пробках каждые полчаса сообщают. Вдруг на Каширке-Варшавке затор, не хотелось бы объезжать. Там пока традиционная «Дискотека 80-х» и Африк Симон со своим единственным и вечным хитом... Упс, мужик из «Опеля» выходит... В багажнике ковыряется, пакеты какие-то перебирает... Так... Две девушки пришли... Ну ясно: удачи, ребятки! Веселой ночи! Усаживают в машину «бабочек» и отваливают... Отлично!... А пробок на нашей трассе «Авторадио» не наблюдает. Тоже отлично!

«Пассат» справа дважды пикает сигнализацией – значит, хозяин на подходе. Лишь бы только вместо него «Газель» не встала – закроет обзор! Вот те на: это не хозяин, а хозяйка: маленькая, шупленькая, конопатая, блондинка, в белом комбинезоне... Да-а, не зря я не люблю блондинок: бровей и ресниц вообще не видать, а тушь и тени, видимо, никогда и близко не были! Прямо альбиноска, как моя Ася! У Аси, правда, нос выделяется – розовый! И как только она эту кучу пакетов дотащила?!

Так, главное, Ежи не прозевать! Контроль над ситуацией! Нету пока..

А «альбиноска», судя по всему, пару дней всего за рулем: с багажником с трудом справилась, водительскую дверь ключом ковыряла, ковыряла... Уселась, наконец-то. У-у, ты еще и в очках! Вот уж нелепое создание, прости господи... Мотор звенит всеми клапанами, глушитель рычит от старости... Скрежет коробки передач, аж мороз по спине! Это у нее задний ход так включается! Ужас! Потихоньку сдает назад, выезжает из «ёлочки» метра на два. Снова скрежет! Это уже первая передача! Смотрю в зеркало, – что там делается у меня за спиной? Да у нее на баранку сил не хватает, чтобы повернуть! Бедолага!

Вдруг «Пассат» делает скачок вперед, – прямо в бампер стоящей справа «восьмерки»! От удара включается и орет сигнализация «восьмерки». Кошмар какой-то! Руль брошен, руки в ужасе и отчаянии прижаты к щекам... Выезд с паркинга перекрыт, а сзади уже пара машин, желающих уехать. «Альбиноска» лихорадочно пытается найти «заднюю» передачу, – скрежет коробки передач, еще раз отъезжает метра на полтора назад, снова скрежет! И новый прыжок «Пассата»! В тот же бампер!

Ну ни фиги себе дуплет!!! Баранкой надо все-таки поработать, прежде чем педали нажимать! И трогать с места учиться! Учиться, учиться и учиться, как завещал великий дедушка Ленин...

А что там с отелем-то? Все так же, как и раньше: дамочки выходят, группа пацанов... Ежи все еще нет.

И тут я понимаю, что я в ловушке! Сзади уже очередь на выезд из машин, заблокированных «Пассатом», слева от меня – «Лансер», справа-сзади – «Пассат» с «восьмеркой», на въезде тоже затор... Мне ж отсюда теперь пару часов не выбраться! Пока ГАИ-шники не оформят и не разрулят ситуацию! Вот чёрт! Попал! Если появится поляк и поймает «тачку», я смогу только сопроводить его взглядом. Ну что за невезучесть, одна нелепость за другой! Толпой они ходят, как городские автобусы, что ли?

Выхожу из машины, чтобы оценить обстановку. Затор основательный со всех сторон! Задние нетерпеливо гудят, сигналият, а те, кто поближе, сгрудившись вокруг побитых машин, устраивают дискуссионный клуб «Суд или самосуд?». «Альбиноска» мечется между бамперами, отчаянно заламывая руки и, видимо, матерясь, как умеет, про себя, потому что голоса никто не слышит...

А в это время я поверх автомобильных крыш вижу американскую шляпу и серый «макинтош» в дверях гостиницы...

Глава четвертая (бис)

Ранним августовским утром 1303 года Готфрид фон Гогенлоэ, Великий магистр Тевтонского ордена, стоял перед маленьким окошком дормитория – своей опочивальни – в Мариенбургском замке в одной длинной холщовой рубахе и в кожаных сапогах на босу ногу, пытаясь рассмотреть панораму, открывающуюся из окна с высоты башни. Но через слюдяную пленку окна все расплывалось, и даже пробивающийся пучок утреннего солнечного света рассеивался сразу же у подоконника. Никакой перспективы не видать.

Ногам было зябко даже в сапогах. Каменный пол, застеленный у кровати небольшим тканым ковриком, никогда не прогревался ни от встроенного в него тепловода из подвала, ни от солнца, которое просто не могло сюда проникнуть. Камни, казалось, хранят в себе вековой природный холод и никогда не будут ничем согреты.

Великий магистр неспешно прошелся по опочивальне, кружа вдоль недавно побеленных стен, обогнул сундук, на котором лежали его подштанники, кожаные сюртук, штаны и перчатки, вновь подошел к светящемуся окошку. Хотелось одеться, опоясаться кожаным ремнем с мечом и выйти на свежий воздух, подставить доспехи яркому утреннему солнцу, почувствовать силу в теле, вскочить на своего коня... И не хотелось...

Он снова пошел по кругу, заложив руки за спину, вернулся к кровати. Посидел, уставившись взглядом в пространство, потом осмотрел свои тощие колени, пощупал их пальцами. Что-то часто дает о себе знать боль в суставах. И руки дрожат по утрам. Уж не старость ли? Ведь еще и сорока лет нет!

Он растопырил пальцы, держа руки на весу перед собой. Нет, сегодня не дрожат. Но Великий магистр чувствовал усталость. И это была усталость не от долгого, многодневного пути из Венеции в Пруссию. К большим переходам ему не привыкать: всего меньше года назад он уже бывал здесь вместе с другими братьями, после чего был поход в Ливонию, к братьям из Ливонского ордена. 50 рыцарей ему пришлось оставить там в помощь переживающему не лучшие свои времена ордену.

Но и Тевтонский орден имени святой Девы Марии Иерусалимской тоже переживал трудный период. А он – Готфрид фон Гогенлоэ, потомок знатного рода землевладельцев и рыцарей, внук бывшего Великого магистра, – хоть и был теперь сам Великим магистром, но не знал, как преодолеть испытания, сохранить остатки завоеванного и достигнутого. Его терзало постоянное душевное смятение, и он не видел выхода, не видел перспективы. Уже семь лет он был первым рыцарем Ордена. Семь долгих лет без настоящих сражений, без походов, в теплой, душной и сырой Венеции. Никакого движения вперед, одни потери и утраты. Орден слабеет с каждым днем, теряет свое значение и вес. Теряет земли, города, крепости, храмы. И он – глава Ордена – должен что-то сделать.

Великий магистр снова посмотрел на свои растопыренные пальцы. Эти руки, уничтожившие сотни неверных в Святой Земле, бездействовали уже семь лет и тоже теряли свою былую силу, меч в них тяжелел с каждым годом. Видимо, время острого меча и сильной руки прошло. Для него. Или и для Ордена тоже? Настало время острой мысли и сильной власти. Власть у магистра была и достаточно сильная. А вот острой мысли, идеи, которая бы повела Орден за собой, не было. И именно это угнетало больше всего. Ведь за ним стояла огромная рыцарская империя. За двести с небольшим лет – с тех давних-давних пор, когда Орден дома Тевтонского только возник – рыцарские хоругви подчинили себе многие народы, земли и города. Тысячи храмов и церквей возведены, сотни монастырей во многих странах от Палестины до Италии, Франции и Германии, создано более трехсот комтурств, – пусть и небольших, но надежных оплотов христианской веры. Была освобождена от неверных Святая Земля, правда, потом вновь потеряна. Сначала Иерусалим – уже почти шестьдесят лет тому назад, –

а совсем недавно, всего дюжину лет назад, и Аккон – последняя цитадель Ордена в Палестине. А может быть и не «всего дюжину», а уже дюжину!

Ничего не осталось в Святой Земле, кроме могил павших рыцарей и паломников, с ними пришедших. Даже резиденцию Великого магистра, которая больше ста лет располагалась вблизи Гроба Господня, перенесли в Венецию, в «тепленькое» и безопасное место. Стыд и срам всему Ордену! Разве ради этого слагали голову братья-рыцари?

Великий магистр, глубоко вздохнув, встал с кровати, подошел вплотную к противоположной стене, поковырял заскорузлым ногтем указательного пальца побелку, вновь по кругу вернулся на кровать. Как загнанный зверь, волк в клетке. Он пристроился на подушке, почти сидя, вытянув ноги в сапогах на покрывале. Спать на таком ложе не совсем удобно. Его и ложем-то не назовешь: высокие жесткие подушки не позволяли лечь полностью. Но рыцари непривередливы и живут в тех условиях, которые предписаны им Уставом Ордена. В Венеции у него другая кровать – большая и мягкая с удобными подушками. Но и она не спасала магистра от бессонницы. А ведь ему суждено быть Великим магистром пожизненно, до конца дней. Капитул избирает Великого магистра не на какой-то срок, а до самой его смерти, будь-то в бою или в постели от старости и болезни.

Готфриду фон Гогенлоэ даже не верилось, что придется нести тяжкое бремя ответственных решений до самой своей смерти! Куда нести это бремя? В какую сторону? С какой целью? После стольких потерь и поражений, после стертого язычниками с лица земли Аккона? Сидя в тихой торговой Венеции? Конечно, оттуда гораздо ближе, чем от Пруссии, до главного покровителя Ордена – папы Бонифация VIII, но Святейший папский престол дал Ордену уже все, что можно было дать, все привилегии и права. Ждать больше нечего. К тому же занят папа другими делами, более насущными для него сейчас. Одни распри с королем Франции Филиппом IV чего стоят. Попытка папы подчинить Францию и объявить Филиппа еретиком была осмеяна тысячами французских мирян и клириков. А Его Святейшеству в свою очередь на соборе в Риме пришлось оправдываться по 15 обвинительным статьям, выдвинутым королем-еретиком. О каком авторитете папы римского можно говорить?

Лишь одно утешало Великого магистра: то, что Тевтонский Орден еще существовал, был еще сильным, одерживал победы над язычниками – пруссами, померанцами, литвинами, – объединил под властью христианской церкви и рыцарскими хоругвями обширные земли от Вислы до Мемеля и от Соленого моря до моря Средиземного. Другие же рыцарские ордена, которых было множество еще до Тевтонского Ордена, были либо упразднены папскими буллами, либо поглощены другими. Где теперь иониты, что стало с орденами Авиза, Альконтора, Св. Михаила, Сантьяго де Компостелла, Лилии, Монжуа? Орден меченосцев и Братьев из Добжиня давно присоединились к Тевтонам. Даже у собратьев из Ордена тамплиеров – первого рыцарского ордена, созданного в Святой Земле, в последние годы дела обстояли не лучшим образом.

Утренняя тишина в dormitorio становилась гнетущей. Почти бессонная ночь, долгие часы давящего ночного мрака и покоя сейчас оборачивались для Великого магистра желанием услышать живые человеческие голоса, ржание лошадей, скрип повозок, щебетание птиц... Он спустил ноги с кровати, намереваясь кликнуть слугу, умыться и начать одеваться. Но у дверей остановился в нерешительности: что-то отвлекло его от порыва открыть дверь.

Магистр осмотрелся, и его взгляд остановился на висящем на стене поясе с мечом. Узор из серебряных пластин на ножнах привычно холодил ладонь. Он легко выхватил меч, повертел его, ловя острыми лезвиями блики солнечного света от окна. Сколько раз за последние семь лет кончик этого меча ложился на плечо кандидата, благословляемого в рыцари и дающего обет! Он помнил и свое собственное благословление в рыцари, когда ему было всего шестнадцать! Всего пять вопросов: «Не являешься ли ты членом другого ордена? Не женат ли ты? Нет ли у тебя скрытых физических дефектов? Не должник ли ты? Не серв ли ты?». Только пять

ответов «нет» позволительно услышать от кандидата, чтобы получить заветный белый плащ с черным крестом.

А еще пять ответов «да» на пять новых вопросов. «Готов ли ты сражаться в Палестине? В других местах? Заботиться о недужных? По приказу исполнять то, что умеешь? Соблюдать Устав?». Как же это все просто исполнять, если ты простой рыцарь! Даже монашеский обет для простого рыцаря, стремящегося посвятить жизнь достойной цели, не обременителен. Тысячи уст произнесли эти слова: «...обещаю блюсти невинность, отказаться от собственности, быть послушным Богу и Святой Деве Марии и тебе, брат, Магистр Тевтонского Ордена, и твоим преемникам согласно Уставу и Статутам Ордена, и буду послушен тебе и твоим преемникам до самой смерти».

А кому должен и может быть послушен Великий магистр? Только Богу! Но Бог молчит! Чьи приказы должен исполнять Великий магистр? Своего сердца? Или своего ума? Но у них война друг с другом! Не на жизнь, а на смерть! И Великий магистр должен занять чью-то сторону. Но как это сделать? Нужна помощь! Кто-то должен принять решение за Великого магистра! Может быть, капитул сделает это? Ведь в это самое время в Эльбинг, в резиденцию ордена, из разных концов Пруссии спешили члены коллегии духовных лиц при епископе и комтуры городов. Он созвал капитул, чтобы попытаться покончить с этой своей внутренней войной между умом и сердцем. Да, сегодня после утренней молитвы и трапезы он покинет замок Мариенбурга и отправится в Эльбинг. Готфрид фон Гогенлоэ будет бороться!

Он решительно вогнал меч в ножны и также решительно открыл дверь опочивальни...

И тут же захлопнул. Вернулся к своему сундуку, снял сапоги и начал одеваться. Управившись со штанами и кожаным камзолом, снова обул сапоги и дернул за бечевку звонка. Через пару мгновений раздался легкий стук в дверь, и в проеме нерешительно показалась голова слуги.

– Одеваться! – то ли слуге, то ли самому себе коротко приказал Великий магистр. – И передай в трапезную: завтрак короткий и легкий. Нам сразу же 20 миль скакать до Эльбинга!

Слуга стоял в недоуменном ожидании новых указаний.

– Ну, чего ждешь? Иди! – тем же приказным тоном распорядился магистр.

– Одеваться в доспехи до завтрака или после, Ваша милость?

Вопрос застал магистра врасплох. Он задумался, вспоминая свои собственные указания, и, осознав их нелогичность, также коротко добавил:

– После...

Слуга тихо исчез за дверью. А магистр тяжело вздохнул, сокрушаясь, что в голове царит такой беспорядок. Завтракать в доспехах... Это намного сложнее, чем молиться в доспехах. Кстати, о молитве. Великий магистр вспомнил, что каждый брат Ордена согласно Уставу обязан в заутреню прочесть «Отче наш» тринадцать раз. И только исполнение долга может освободить рыцаря или мирского брата от посещения богослужения. Долг освобождал его сегодня от молитвы в рыцарской часовне, но помолиться в одиночестве душа просила: хотелось изжить накопившееся смятение, обрести успокоение и уверенность. Магистр начал неистово читать «Отче наш», кладя низкие, совсем не свойственные Великому Магистру, поклоны при каждой фразе «Слава Господу Нашему». На последней – тринадцатой – молитве он упал на колени, кладя поклоны до каменного пола.

Покончив с молитвой, он застегнул кожаный пояс с мечом поверх камзола и решительно направился в трапезную-рефекторий...

Часом позже массивная решетка сводчатых въездных ворот замка с тягучим скрипом и лязгом цепей поднялась вверх, по мостику через детинец замка процокали лошадиные подковы. Из квадратной цитадели медленно потянулась вереница из десяти верховых рыцарей, вооруженных копьями, облаченных в стальные доспехи и белые суконные плащи с черными крестами, за которыми следовали полторы-две дюжины конных лучников-оруженосцев,

несколько слуг и телега с несколькими сундуками. Лошади рыцарей от головы до крупа были покрыты белыми попонами с крестами. Пара легких лучников рванулась рысью вперед, расчищая путь на детинце и торговой площади, распугивая толпы торгующих жителей городка, оказавшихся на пути рыцарского отряда. Выбравшись за пределы крепостной стены, и обогнув ров с водой, вся кавалькада перешла на рысь и направилась берегом реки на восток.

Великий магистр Готфрид фон Гогенлоэ отправился в Эльбинг на заседание капитула.

Примерно в это же время с западной стороны замка мимо строящегося собора проехал неброский на вид темно-красный закрытый экипаж, запряженный парой вороных коней, и остановился у входа в часовню. Возничий не успел даже обойти вокруг экипажа, проверяя железные обода колес, как из часовни вышли два одетых в повседневные сутаны священника с небольшим дорожным баулом, открыли дверцу и расположились на сиденьях из лосиной кожи. Возничий тут же занял свое место и взялся за кнут. Спустя несколько минут экипаж следовал тем же путем, куда накануне проскакал рыцарский отряд.

Глава пятая

1. День третий. Воскресенье

«Вся Россия – страна каких-то жадных и ленивых людей: они ужасно много едят, пьют, любят спать днем и во сне хранят»

А.П. Чехов

Мы выбираем столик в самом дальнем углу небольшого зала со стеклянными вставками в полу. Четыре квадратные окна-ниши в полу, застекленные и подсвеченные изнутри, впечатляют, когда сталкиваешься с ними впервые. В нишах «разбросаны» разные несуразные предметы, типа старой посуды, инструментов, одна ниша снабжена лесенкой... Наступать на стекло страшновато, но абсолютно безопасно: стекло выдержит даже автомобиль! И тем не менее, впервые наткнувшись на такую неожиданность, хочется через нее перешагнуть или перепрыгнуть. Ежи так и сделал... На всякий случай.

Здесь можно говорить, не опасаясь сторонних ушей за соседними столиками. Дополнительная мера безопасности – разговор на польском языке. Все-таки в Москве случайно встретить говорящего на польском или как минимум понимающего польский – малореально.

Как ни странно, встретиться нам с Ежи удалось вовремя, не взирая на ловушку, в которую я попал на паркинге. Пришлось мне срочно закрыть машину и, не выпуская Ежи из виду, ловить частника. Тормознул молодой парень на потрепанной 523-й «Бэхе», лихой и азартный. Когда я ему сказал, что в красной тонированной «девятке» едет жена, и надо глянуть, куда она едет, – в нем вспылал азарт гонщика-профессионала, выполняющего секретное задание! Держался на безопасном расстоянии двумя рядами правей, пару раз нарушил на светофорах, чтобы не потерять «девятку» и был в полной растерянности, когда на Новокузнецкой увидел здорового мужика в «макинтоше» и шляпе, с трудом выползшего из салона. Я извинился, сказал, что видимо, перепутал: красных «девяток» столько, что все возможно! Расплатился с ним, как договорились, и вышел. Покрутился невдалеке от Ежи, торчащего у выхода из метро, никого подозрительного вокруг не обнаружил.

И вот мы сидим, знакомимся с меню в «Гляссе». Мне приходится переводить и растолковывать растерянному австралийцу значение каждого названия. В конечном итоге, останавливаемся на запеченной свиной лопатке с гарниром из свежих овощей, воловане (не мог я удержаться!), кофе и соке. Это все в двойном экземпляре. Ежи, с учетом своих габаритов, заказывает еще заливное из семужки с хреном, рулетки из украинской шинки с творожно-чесночной начинкой и бокал красного вина. Для начала. Десерт – закажем дополнительно.

– Очень странные вещи происходят, пане Анджею, – не дожидаясь еды, приступает к делу Ежи. Мое имя он произносит на польский манер. Хотя это странно: я же не называю его на русский манер Юрием. Да мне все равно, пусть хоть Биллом кличет.

– Да я уже заметил странности. Помимо того, что у меня в квартире человек умирает, в нее еще и вламываются, стоит мне отлучиться всего на один день.

– Да??? Все-таки это произошло? – Ежи искренне изумлен. – Не думал, что это произойдет так быстро.

– Что значит быстро? У взломщиков целая ночь была в распоряжении!

– Я имею ввиду, что возникнет благоприятная ситуация для этого...

– Так, давайте поподробнее. ЧТО вы знаете, от КОГО вы знаете и ЧТО еще надо ждать в ближайшее время? – Выпаливаю вопросы, которые не задать нельзя.

Я знаю немного. У меня только догадки. – Ежи пожимает плечами

– Хм, у меня тоже есть догадки, но они, мне кажется, намного дальше от реальности, чем ваши. Так что я готов слушать.

– Тогда я начну с момента заселения в отель... С момента, как мы расстались. Я поднялся на 6-й этаж, получил у дежурной по этажу ключ, начал располагаться на ночлег. Время то позднее уже было. И тут стучат в дверь! Сначала тихо, потом громче, настойчивей. Нетерпеливый кто-то. А я – в туалете! С унитаза, так сказать, сняли! Я сначала думал, что это дежурная что-то хотела сказать. А в дверях – два бритоголовых мужика с меня ростом, причем, один – с пистолетом в руках. Затолкали меня вглубь комнаты, хоть я и пытался возмущаться и сопротивляться, усадили в кресло и начали задавать вопросы...

– По-русски??

– Нет, конечно, по-польски. Но с очень сильным акцентом. Подозреваю, они из Вильна, из Литвы...

– А как они попали в гостиницу?

– Мне тоже хотелось бы это знать. Но если по манерам судить, – это люди, у которых такой вопрос, – не проблема. Да и охрана на входе в отель символическая.

– Ну, тогда вопрос, откуда они узнали о вашем местонахождении, отпадает сам собой: они вас «вели» еще вместе с Барбарой и были свидетелями того, что ее увезли на машине с красным крестом. Но что же их интересовало?

Официант выставляет на столик напитки и кофе. Мы на минутку затыкаемся. Точнее, Ежи замолкает. Видимо, не хочет, чтобы даже кто-то слышал, что он не по-русски разговаривает.

– Так вот. Интересовало их все, что происходило в квартире в тот вечер, особенно, как вела себя Барбара, что она делала, выходила ли она из комнаты куда-то, оставалась ли одна, без нас, о чем спрашивала, что говорила. Расспрашивали детально об обстановке в квартире, о расположении мебели, разных предметов. Короче, у меня сложилось впечатление от этого набора вопросов, – если их сложить вместе и проанализировать, – что она была у вас НЕ случайно, с каким-то заданием, должна была что-то сделать, но не смогла...

...И теперь им нужно было ЭТО сделать самим... Для этого их интересовало, что и где в квартире находится, чтобы легче было ориентироваться ночью...

– Но это не квартирные воры, мне кажется... – резюмирует Ежи.

– Почему такие выводы?

– Они заставили меня рисовать план расположения квартиры и вещей... Но их не интересовали ценные вещи или наличие сейфа, к примеру. Основной акцент не на видео и прочую технику, а на то, что НА шкафах. Ну и точная хронология действий Барбары. По минутам! Как повернулась, куда посмотрела, где сидела, кто куда, как и за кем проходил... Вот у меня такое впечатление, что был разработан поминутный сценарий поведения Барбары, и им надо было проверить, отклонялась она от сценария или нет...

– А в итоге, из квартиры исчез ваш букет роз... И все. Правда, вместе с вазой... – теперь уже резюмирую я.

– С вазой??... Вазы обычно на полу стоят, если большие, на подставках или на шкафах... Это какая-то ниточка... Не она ли их интересовала больше всего? А что это за ваза? Что-то ценное?

– Для меня – да. Это память о работе в Польше. Но это обычный так называемый хрусталь... Симпатичного фиолетового цвета, приятной и удобной – устойчивой – формы. С цветками, сколько ни напихай в нее, никогда не опрокидывалась, потому что нижняя часть объемная, овальная, почти шаровидная, вмещает много воды... Центр тяжести за счет этого придает ей устойчивость.

– Это не существенно. Важна история этой вазы, мне кажется... Как она к вам попала?

Я пересказываю в нескольких словах все, что помню и что может оказаться значимым во всей этой дурацкой истории... Историческую ценность этого куса стекла мой рассказ не повышает ни в моем понимании, ни в умозаключениях Ежи.

Больше ничего интересного для себя выудить из австралийца не получается, кроме того, что ему было приказано сидеть в Москве примерно до конца недели, дней пять, и ждать указания от этих литовцев. Они позвонят и скажут, когда ему можно умотать из Москвы. Дали понять совершенно однозначно, что знают каждый его шаг. Конечно, вероятность того, что в «Гляссе» мы сидим под их зорким надзором, велика, но делать уже нечего. К тому же исключать возможность блефа тоже нельзя: свои дела решили и улетели из Москвы. В четверг-пятницу позвонят Ежи из Вильнюса на мобильник, скажут: свободен! А он тут сиди, трясись пять дней!

В течение получаса расправляемся с заказанными вкусностями и договариваемся расхотиться по одному... На всякий случай. С небольшим интервалом. И при этом пробуем провериться на предмет «наружки». Проверку я беру на себя. Оставляю Ежи сумму за свой ужин, чтобы не напрягать иностранца хоть в этом, выхожу из кафе и тащусь, не торопясь, в сторону метро. Улица – с односторонним движением. Чтобы перейти на противоположную сторону, нужно остановиться, оглянуться на транспорт, пропустить машины и переходить. Хороший способ естественно оглянуться на тех, кто следует сзади. Потом можно покрутиться по переулкам, найти такой же естественный способ провериться: вдруг повторно какая-то физиономия или фигура мелькнет! Это будет уже зацепка.

Но на все это есть лишь 20 минут: время, которое Ежи себе зарезервировал на еще один бокал вина в гордом одиночестве. Потом он выйдет из кафе, и нужно незаметно проконтролировать поведение прохожих вокруг: вдруг кто-то будет выделяться своим тщательно скрываемым вниманием к «макинтошу» со шляпой... Во! Страсти шпионские!...

2. День третий. Воскресенье

*«Ум служит нам порою лишь для того,
чтобы смело делать глупости».*

Ф. Ларошфуко

Екатерина II считала, что каждый русский в глубине души не любит иностранцев. А мне кажется, она была неправа. Я русских не люблю... Не всех, конечно, но многих. Когда потолкаешься в людных местах, насмотришься на подвыпившие или еще не протрезвевшие физиономии, на юнцов, пьющих пиво «из горла» («имидж —ничто!!») в метро, на улице, – да везде, плюющих под ноги, из открытой двери машины в пробке... Уже этого достаточно, чтобы ненавидеть. Тем более, если у тебя была когда-то в жизни возможность увидеть таких же городских обывателей, но с несравненно другим уровнем культуры. Почему-то такие обыватели обитают за границей, а не в Москве. Видимо, нашей стране нужен другой народ!

Вот и здесь, на Новокузнецкой, мне достаточно 15 минут, чтобы появилось нестерпимое желание спрятаться, как минимум, в машине, отгородиться от всего, всех и вся поднятыми стеклами, включить магнитолу с диском «Баллад», послушать Демиса Руссо, Дэвида Боуи, «Би Джииз» или «Марка Антония», наконец. Обожаю латиноамериканские песни! Или, как минимум, на испанском!

Но до машины еще далеко, а Ежи сейчас уже выйдет. Возвращаюсь к «Гляссе» практически с другой стороны. Три-четыре естественных оглядки назад, остановки у газетного и табачного киосков ничего подозрительного не выявили. Теперь надо заглянуть в булочную, из окна которой отлично просматривается выход из кафе. Заказываю шесть эклеров в коробочке. Пока куплю пирожных дочкам, пока рассчитаюсь мелочью – Ежи выскочит. Так есть, появляется.

Открыто оглядывается по сторонам, но выглядит это как попытка сориентироваться, в какую сторону идти. Нормально. Двинулся к метро. Спустя минуту с коробкой эклеров выхожу и выискиваю глазами американскую шляпу, присматриваюсь к тем, кто идет сзади... Даже странно: кто-то должен быть, по логике вещей, но никого не замечаю. Или у меня навыков уже давно нет, или все чисто.

Ежи скрывается в павильоне метро. И в этот момент с противоположной стороны улицы бегом, лавируя между машинами, ко входу в метро срывается молодой человек. Я ускоряю шаг, почти бегу, влетаю в павильон следом... Чёрт... Он уже стоит у касс в обнимку с девушкой, они целуются и никуда дальше не торопятся. Ни к эскалатору, ни к выходу. Ну и отлично. Будем считать, что все чисто. Ежи где-то на эскалаторе или, возможно, уже внизу, в поезде.

А не пора ли домой? Завтра на работу!!! Еще ведь свою «ласточку» найти надо где-то там, на паркинге. Надеюсь, она никому не «понадобилась» за время моего отсутствия. Не внедорожник, поди... Да и не новая.

Нет, на метро не поеду. Не хочется в духоте толкаться. Возьму частника или такси, если повезет. Воскресенье, транспорта на улицах не так уж много, да и не час-пик уже. Тем более, что от метро до паркинга все равно машину брать придется. Отсюда – двести-триста рублей, а от метро – сотня, как ни крути.. Не велика разница. Только пройтись придется до Третьяковской, на параллельную улицу: движение и тут, и там одностороннее, только в разных направлениях.

Направляюсь переулком мимо Третьяковской галереи. У метро народу еще много, хотя час поздний, в кафешках под зонтиками молодежь посасывает пиво, откуда-то из пивного павильона доносится пресловутое уже «...и целуй меня везде...», вой сирены – то ли милицейской, то ли «Скорой» – уже где-то за спиной. Вечерняя жизнь кипит вовсю! Перехожу на светофоре улицу, прохожу метров 50 вперед и останавливаюсь перед проезжей частью с поднятой рукой. Минуты две все машины проносятся мимо. Закуриваю, пока горит красный и большой палец показывать некому. Наконец, поток срывается с места и передо мной тормозит черный, тонированный, но достаточно симпатичный «мерс-320». Через опущенное стекло интересуюсь, повезет ли в район Борисовского проезда, получаю согласие бритоголового водителя и сажусь на переднее сиденье. Трогаемся. И тут же затылком чувствую твердый металлический предмет.

– Не оборачиваться! Сидеть тихо, слушать и отвечать, только когда спрашиваю...

3. День третий. Воскресенье

«Хорошая беседа бодрит, как чашка крепкого кофе, и заснуть после нее также трудно»

Э.М.Линдберг, писательница (США)

Мне страшно. Пугает неизвестность и неясность их намерений. С дулом пистолета у затылка мысли о смерти более жестоки, чем сама смерть, поэтому я их гоню всеми силами.

Хрипловатый голос, акцент – сумасшедший, как у немцев в старых советских фильмах про войну. Только не немецкий, а прибалтийский. Все-таки «вели» нас с Ежи все время. Да. Видать, и правда, ни хрена меня не научили ничему, кроме писания красивых бумажек. Или они настоящие профессионалы...

– Мы друзья Барбары, которая умерла у тебя дома.

– Она тоже с пистолетом у меня дома была? Я как-то этого не заметил...

Тычок металла в голову и щелчок взводимого курка заставляют меня замолчать.

– Я говорил сидеть тихо, слушать, отвечать на вопросы. И все. – Тон приказной, не терпящий возражений.

– Я слушаю. Но на предохранитель сначала поставь, – замечание, как ни странно, воспринято и новый легкий щелчок возле уха приносит некоторое облегчение: не так уж безнадежно все.

Подспудно ощущаю, что глубоко внутри испытываю некую радость и мысленно удовлетворенно потираю руки от того, что они объявились сами, что их не надо искать, не надо выяснять причины и корни всех событий... Знать бы еще, чем это все закончится. Главное, едем из центра в моем направлении, а если в мой район, – все ближе к дому.

– Нас интересует стеклянная ваза фиолетового цвета. Вот эта. – Сзади в протянутой руке прямо перед моим носом возникает небольшое черно-белое фото. Я открываю несессер, достаю очки, беру фото и пытаюсь рассмотреть на расстоянии вытянутой руки – дальноразрешитель я, уже года три, старею! По форме – как моя. Рисунок по стеклу – тоже похож. Цвет понять невозможно на черно-белом фото. Но беглого взгляда достаточно, чтобы узнать: такая же. Только фото сделано давно, ваза стоит где-то в витрине, типа музейной. Возможно, снималась как образец продукции.

– И что? Была у меня такая. Вчера ночью ее украли. Думаю, именно вы. – Фото протягиваю через плечо за спину, не оборачиваясь, как и было сказано.

– Да. Ее *взяли* мы. Но это не важно. Как и когда она к тебе попала?

– Блин, да что ж в ней такого-то? Обычный презент, которому почти 20 лет уже! Подарили мне ее, когда я в Польше в консульстве работал. Торжественное мероприятие было по случаю какой-то годовщины, я присутствовал официально.

– Это в 1987-м было?

– Возможно. Что ж я помню все мероприятия? Их столько было за 4 года. Какое в каком году теперь не упомнишь. Наверное, в 87-м, «круглая» дата была, 70 лет. Такие события отмечали классно!

– Где проходило мероприятие?

– Насколько помню, в Бялогарде, в обществе польско-советской дружбы.

– Кто тебе вручал этот презент?

– Нет, вы понимаете, о чем спрашиваете? – на попытку повернуть голову назад получаю резкий тычок в ухо. – Понял, понял... Я и консульских работников, с кем в кабинете вместе сидел несколько лет, по фамилии не вспомню. А тут... Ну вы даете! Мужик какой-то – это точно помню! А кто конкретно – даже не спрашивайте!

– Почему ты не сдал подарок в посольство? Ведь это официальный подарок был, не тебе лично, а представительству страны. Порядок обязывал...

– Да кто ж его соблюдал в отношении таких презентов?! Вы что, смеетесь? Консульство было бы завалено таким мусором по самую крышу, если бы все сдавали! Никому это не надо было! Это ж дешевка, ценности никакой, кроме того, что событию или годовщине посвящена. Да и годовщин теперь этих уже нет! Отпали за ненадобностью!

– И тем не менее, ты должен был это сделать. На вазе металлическая табличка или пластинка была с надписью, что это презент советскому консульству, а не тебе. Она должна была остаться где-то в консульстве, на видном месте, в какой-то витрине с такими же официальными сувенирами и подарками!

– Вот дурные! Ребят, вы что? Я же ясно объяснил: никто ничего никогда не сдавал! Если б мне машину вручили – с надписью – я б не отвертелся, сдал! Хотя бы стиральную! А тут ваза! Не издевайтесь!

– Я не издеваюсь. Я хочу знать мотивы, причины и следствие. Что было с вазой потом? Ты ее оставил себе и привез в Москву, когда пришло время возвратиться?

– Да. Привез. И она была у меня до вчерашнего дня. Точнее, ночи, пока вы ее не сперли.

– А что стало с металлической пластиной? Куда она исчезла?

– А я помню, что ли? Выбросил, наверное, что бы не болталась и не мешала. Я же вазу активно использовал по назначению: ставил в нее цветы. Она очень удобна. Была.

– Постарайся вспомнить! Это важно. Когда ты ее выбросил? Сразу, еще в Польше, или когда в Москву приехал?

– Да вы нормальные, господа?! Кто ж такое вспомнит? Сейчас уже 21-й век давно, а вазу с этой табличкой мне еще в прошлом веке подарили! Даже не год-два прошло, а лет 17—18!... – Делаю попытку повернуться к сидящему на заднем сиденье и получаю новый тычок в ухо. – ОК. Но растолкуйте мне, на фиг она вообще нужна кому-то? Ну кусок железяки, ну медная, ну с надписью... И что ж из того?

– Это плохо. Для тебя плохо. Нам нужна пластина и текст на ней.

Понимаю, что дело начинает «пахнуть табаком», если настолько серьезна для них эта проблема. Делаю мысленно лихорадочную попытку найти отговорку, более-менее весомый аргумент, чтобы они отстали от меня хотя бы на время. Дали возможность хоть что-то предпринять. Табличка-то валяется у меня в коридоре в коробках со всяким старым хламом. Выбросить ее в мусоропровод у меня из сентиментальности рука не поднималась. Сейчас надо бы от них отделаться, втихаря найти ее и хоть почитать, что же там выгравировано.

– Послушайте. Если вам важен текст, то его можно хотя бы примерно восстановить. Он же был стандартный, абсолютно типичный для такого рода презентов. От кого, кому, когда и по случаю чего вручалось – вы знаете лучше меня. В любом городском музейчике, даже у какого-нибудь мэра в кабинете целая витрина обязательно стоит с сувенирами. Взять текст, подставить свою информацию и дело с концом!

– Нет. Нам нужна эта конкретная табличка. И точный текст.

– Тогда я вам ничем не помогу, потому что у меня ее нет...

Тем временем, впереди слева от дороги засветилась надпись «Рамстор». Нам надо влево по стрелке. Почти доехали. Что они будут делать дальше? Левый «поворотник» тихо щелкает на панели. Это лучше, чем щелчок предохранителя. Тишина и раздумья за спиной.

– Ну что ж, пустой разговор получился, – делает вывод голос за спиной. – Безрезультатный.

– Ну почему же безрезультатный? Теперь вы знаете точно, что таблички у меня нет. Это – результат. – Пытаюсь внести нотку позитива.

– Для меня результат – табличка в руках... И у меня еще нет уверенности, что ты сказал правду. Есть ощущение, даже предчувствие, что нам еще раз придется встретиться в скором времени по этому же поводу. У тебя остается шанс еще немного подумать, повспоминать... Очень серьезно подумать. И очень тщательно поискать.

Свет вокруг неожиданно полностью гаснет, глаза закрывает черная пелена, сменившаяся радужной крутящейся воронкой. На мгновение ощущаю резкую боль в шее, и все исчезает.

4. День третий. Воскресенье

*«Мы редко до конца понимаем,
чего мы в действительности хотим»*

Ф. Ларошфуко

Я не люблю, когда ко мне во сне неожиданно прикасаются. А тут кто-то берет мою руку, поднимает, опускает, держит за запястье... Открываю глаза и вижу перед носом обтянутые джинсами колени. Пытаюсь покрутить головой и осмотреться – шее больно. Но терпимо. На левой руке – нессесер. Рядом на асфальте – коробка с эклерами. Я лежу на боку на асфальте. Возле меня озабоченно хлопочет какая-то молодая пара. Приподнимаюсь, сажусь,

опираясь спиной на дверь машины, ощупываю шею и голову, смотрю на ладонь: крови нет. Меня о чем-то спрашивают, но я ничего не понимаю, хотя голоса слышу. В ушах стоит гул.

Всплывают в мозгу обрывки последних моментов перед темнотой.

– Я давно тут? – обращаюсь к рыжеволосой девице, колени которой в джинсах только что крутились перед моей физиономией.

– Пару минут всего, наверное. Какая-то машина резко отъехала, колесами завизжала. Я на нее оглянулась. А потом вас заметила. Тут. Я растерялась сначала. Пока мужа позвала, пока пульс искала, – вы и очнулись. Как вы? Что случилось? «Скорую» надо вызвать, наверное?

– Нет-нет. Все нормально. Все цело. Я сейчас...

Подтаскиваю к себе коробку с эклерами, оглядываюсь на машину: вроде бы моя! Спасибо, хоть на место доставили. Могли бы на какой-нибудь пустырь завезти и шлепнуть за ненадобностью. А так, даже до дома доберусь. Шарю по карманам: ключи какие-то на месте. В принципе, все нормально. Могло быть намного хуже.

– А вы номер машины не заметили случайно? – спрашиваю и сам удивляюсь, из какой глубины черепной коробки такой вопрос мог всплыть в такой ситуации.

– Да что вы! Я так вздрогнула от этого визга резины! Только увидела, как она уносится. Да и темно тут.

– Спасибо вам. Я теперь поеду.

Встаю, достаю ключи. Голова кружится, но боль проходит постепенно. Посижу в салоне пару минут и потихоньку поеду. Вообще-то, козлы, конечно. Какого дьявола было меня бить? Все равно и номер машины у них липовый, наверняка, и физиономий их я не мог видеть. Да и вообще, не они мне нужны, а я им. Искать их не собираюсь. Могли б и полегче, поцивилизованней.

А я-то, тоже козел: проверка, контрнаблюдение, то-сё... Шпион фигов! Научили бумажки сочинять, поднаторел – сочиняй! Какого чёрта придумывать себе занятие, если кроме теории ни хрена в этом не соображаешь! Все, больше никаких проверочных мероприятий! Все равно бесполезняк это. Кому надо – прибьет или покалечит, хоть проверяйся, хоть нет.

Через четверть часа паркуюсь уже в гараже, запираю замок, тащусь к своему подъезду. Пытаюсь поднять голову, посмотреть на 13-й этаж: есть ли свет в окнах, спят мои девицы или еще нет, – шеей вертеть больно. У подъезда – Лёха на лавочке сидит нога-на-ногу, папиросой дымит.

– Привет, Лёха, – бросаю ему на ходу, задерживаться тут совсем не хочется. – Должен тебе сказать, что информация про литовцев полностью подтвердилась. Твоя больная печень мне помогла. Но ты ее все равно лечи.

Лёха молча кивает, не выпуская изо рта папиросы, а я скрываюсь в подъезде.

Дочки не спят, разбрелись по комнатам, валяются перед телевизорами, но смотрят один и тот же канал: МузТВ. Меня это бесит почему-то, хочется устроить разгон, наорать, гаркнуть «Всем спать!» и, наконец-то, самому рухнуть в постель. Выбираю только самое последнее и успокаиваюсь. Залезаю в душ на две минуты, пробую отогреть шею горячей струей – бесполезно, не помогает, может быть еще и хуже становится. Заматываюсь полотенцем, мокрыми босыми ногами шлепаю к себе в комнату и плюхаюсь на диван.

В голове назойливо, как летние мухи, вертятся события дня, прокручивается бесконечная пленка, кадры судорожно скачут с одного на другой. И вдруг «стоп-кадр»! Табличка! Она же где-то в коридоре валяется! В коробке с железками! Вскокаиваю! Выскокаиваю за дверь, начинаю греметь о кафельный пол раскрученными смесителями, креплениями от лыж, длинными болтами от старого дивана, какими-то кронштейнами, сифоном от унитаза, крыльчаткой вентилятора, обрезками медных трубок... Наконец-то! Есть! Почти с самого дна коробки извлекаю потемневшую и местами позеленевшую от окиси медную пластинку с двумя карабинчиками на коротких цепочках.

У себя в комнате включаю полную иллюминацию – пяти-рожковую люстру, бра, и настольную лампу, напяливаю очки. Что же здесь такого, в этой табличке?

**Dla Konsulatu ZSRR w Szczecinie
W 70-tą rocznicę Rewolucji Październikowej
od PZPS «ALKА»
Zakładu Garbarskiego w Białogardzie
Białogard Listopad 1987 r.**

И что? Что особенного в этом тексте?

«Консульству СССР в Щецине в 70-ю годовщину Октябрьской революции от ГПКП „Алка“, Кожевенный завод в Бялогарде. Бялогард. Ноябрь 1987 г.».

Что такое «ГПКП»? Скорее всего, «государственное предприятие кожевенной промышленности». Другой расшифровки не придумаешь. Стандартно. Стоило по башке бить ради этой муры? И ведь говорил им, что все по трафарету, как на любой другой вазе!

Нет. Тут что-то другое должно быть. Иначе они бы так не сустились, не шли бы на настоящий взлом квартиры, не носились бы по Москве с пистолетом... Ну была бы она золотая, а не медная, и то смысла не было бы мафию из себя изображать. Такой кусок золота в скупке все равно копейки бы стоил. Сколько тут: граммов 50—70? Ну, пусть, скажем, по 500 рублей за грамм. За лом даже меньше. Ну, тысячу баксов получишь – максимум... нет. Что-то другое должно быть.

А может быть все дело в тексте? Может быть, там что-то зашифровано? Но сейчас я с этим все равно не разберусь. Надо спать.

Запихиваю табличку под подушку, включаю будильник в своей «Нокии» на 6—20 утра, выключаю «иллюминацию», прижимаю ухом подушку и пытаюсь отвлечься, чтобы уснуть... Надо думать о приятном. Надо думать о приятном. Надо думать...

Глава пятая (бис)

Площадь перед Эльбингским собором Пресвятой Девы Марии была – к удивлению горожан – пустыня от парадного входа до самого берега реки. Однако, на подступах к собору, практически кольцом вокруг него расположились небольшие группы пеших и конных лучников и кнехтов, среди которых изредка мелькали рыцарские белые плащи с черными крестами. Между группами неспешно и важно прохаживались одетые в блестящие длинные кольчуги воины, вооруженные копьями, луками или самострелами-арбалетами. Все случайные и не случайные прохожие, пытавшиеся пройти на соборную площадь через оцепление, отгонялись остриями копий. Никто не решался вступать в пререкания с несущими службу отрядами, понимая, что выставлены эти посты вокруг площади неспроста.

Группки зевак собирались в сторонке вокруг юродивых, неожиданно лишившихся своего доходного места у входа в собор, и дотошно расспрашивали о происходящем или просто внимательно вслушивались в разговоры. Весть о прибытии в город нескольких высоких духовных лиц, уже кружила среди горожан, а догадки о причинах появления перед собором целой дюжины рыцарских отрядов строились самые невероятные. Говорили о новой войне с пруссами, о нападении литвинов, которые вроде бы уже в двух днях похода от Эльбинга, говорили о приезде Великого магистра, которого якобы видели среди рыцарей, говорили даже о том, что император германский уже на пути в Эльбинг, и епископы готовятся к его встрече...

Во всяком случае, все понимали, что в соборе происходит или будет происходить что-то важное, и что в этом важном участвуют знатные особы из разных городов, которых и охраняют вооруженные лучники и всадники.

А в самом соборе в это время епископ Помезании отец Гертвиг встречал прибывающих гостей. Но не с парадного входа, а в баптистерии – просторной пристройке к храму для обряда крещения, соединенной коридором с остальными приделами и внутренними помещениями. После сложной, но формальной процедуры обмена приветствиями и сухими любезностями, он взмахивал над каждым высоким гостем рукой, вознося крест и благословляя. При этом висящая на руке серебряная цепочка с маленьким серебряным ковчезцем иногда легко касалась лба или лица гостя. Только после этого он приглашал вновь прибывшего в зал для аудиенций.

Прием в баптистерии вызывал молчаливое недоумение, и всеми мысленно толковался по-своему. В этом виделся и намек на то, что, мол, все мы крещеные, и напоминание об общем христианском долге, и о том, что все мы младенцы перед Богом...

Служки в коридорах храма склоняли головы перед проходящими мимо них знатными особами и молча указывали, куда нужно проследовать, чтобы снять доспехи: боевое или походное снаряжение в храме, в замке или в трапезной не уместно. «Снял доспехи – прибыл с миром», – таков рыцарский закон. Сумеречность коридоров куда-то отодвинулась, заполнившись белизной суган и рыцарских плащей, а тишина разбилась о металлический лязг рыцарской брони и мечей.

* * * * *

Готфрид фон Гогенлоэ расправил парадный камзол, занял свое место по правую руку от епископа, осмотрелся по сторонам, внимательно вглядываясь в лица присутствующих. Половину из них он уже встречал за время своего пребывания в Прусской земле и во время посещения тех или иных комтурств. Ландмейстеры Тевтонской, Прусской и Ливонской земель – Зигфрид фон Фейхтванген, Конрад Зак и Готфрид фон Рогге – были известны ему давно, он сам их назначал. А к последнему вообще пришлось ехать год назад, чтобы помирить его с рижским архиепископом, подписать «мировую» на условиях, согласованных с папой римским.

Хорошо знал он и трех прусских епископов из четырех: епископа Помезанского отца Гертвига – «хозяина» нынешнего капитула, епископа Самбийского отца Вольрада, который спокойно занимался своими делами в молодом совсем Кенигсберге, – человека непоседливого, живого, улыбчивого и добродушного. Епископа Иоганна из Мариенбурга, в замке которого он провел уже несколько дней, Великий магистр встречал на молитвах и на трапезах в замке. С епископом Вармийским встречаться еще не доводилось. Несколько комтуров из разных городов так или иначе были ему известны по совместным делам, в том числе и Конрад фон Лихтенхайн – комтур Эльбинга.

Но были и совершенно незнакомые лица. И в этом соборе Великий магистр был впервые. Отец Гертвиг, из Доминиканского ордена, назначенный папой римским епископом Помезанским, видимо, не случайно выбрал для проведения капитула этот скромный зал для аудиенций в Эльбингском соборе, хотя кафедральным был собор в Мариенбурге, а резиденция епископа находилась вообще далеко на юге, в Ризебурге. Все делалось для того, чтобы очередной раз подчеркнуть: Гогенлоэ здесь – гость, хотя и Великий магистр. К тому же здесь же, в Эльбинге, находилась резиденция ландмейстера Тевтонского Ордена в Пруссии Конрада Зака, который и принимал теперь по-хозяйски высоких гостей.

А доминиканский храм, построенный из красного кирпича почти на берегу реки, оказался фактически единственным строением в городе, уцелевшим во время пожара, который разразился в полностью деревянном городе пятнадцать лет назад. Но место оказалось благодатным, и Христос спас святыню, город возродился вокруг собора, отстроился на пожарище, разросся и по-прежнему оставался местом пребывания ландмейстера Ордена в земле Прусской.

Все это снова и снова убеждало Великого магистра в обоснованности его сомнений и душевного смятения, а тень неприязни и холодка к нему он видел во всем. Конечно, Великий магистр не одинок на своем высоком посту, и ему есть с кем посоветоваться там, в Венеции. При нем всегда находится Совет из пяти приближенных, кому он бесконечно доверяет. Но ни великий маршал – «правая рука» на бое боя, ни великий комтур – квартирмейстер, «правая рука» в мирное время, ни, тем более, госпитальер, ризничий или казначей не могли помочь ему справиться с собственными внутренними терзаниями. Даже, несмотря на то, что эти терзания связаны с судьбой Ордена.

Отец Гертвиг начал молиться вместе с полуденным звоном церковных колоколов. Все молча склонили головы. Тихий голос епископа и его невнятные для остальных слова, обращенные к Богу, звучали недолго.

– Братья! – начал епископ, завершив молитву. – Я созвал вас по настоятельной просьбе нашего брата Великого магистра Готфрида фон Гогенлоэ, пребывающего в наших землях по делам Ордена уже несколько недель. Держать совет с братьями по Ордену – это один из устоев силы и крепости рыцарского Братства. А держать совет в капитуле – с коллегией высших духовных лиц епископства, – значит выносить на их суд самые важные и наиболее проблемные, не терпящие отлагательств.

Он сделал небольшую паузу, потрогал рукой бритый затылок, обрамленный венчиком седых волос.

– Взываю к вашему благоразумию и помощи Господа нашего, когда настанет час принятия важных решений, а тем более – деяний.

Епископ умолк и тяжело опустился на свой обшитый красной парчой стул с высокой резной спинкой, переведя взгляд на Гогенлоэ.

Настал час Великого магистра. Только вряд ли звездный час. Почти год назад в Мемеле он в порыве гнева заявил во всеуслышание о том, что не намерен нести на себе обязанности Великого магистра пожизненно, как это издавна определено папской буллой, орденой традицией и решениями капитулов, что он снимает с себя это бремя. Но капитул тогда не собирался,

нового Великого магистра не избирали, и он продолжал оставаться Первым братом Ордена. Теперь же все зависело от капитула.

Гогенлоэ встал, сдержанным кивком поблагодарил епископа и еще раз обвел взглядом почти овальный зал, вдоль стен которого были выставлены дюжина массивных стульев для участников капитула. Все взгляды были устремлены на Великого магистра.

– Святые отцы! Братья! – Великий магистр сделал паузу, расправил плечи и продолжил. – Почти семь лет минуло с тех пор, как Венецианский Собор удостоил меня высокой чести, избрав главой Немецкого рыцарского Ордена. С благословения Господа нашего, Святейшего папского престола и Его величества императора Германии я с гордостью поместил родовой герб Гогенлоэ на щит Великого магистра. Честным именем рода, достоинством своих предков и головой своей, на поле боя или в мирном споре я готов до последнего вздоха отстаивать святое дело Христово, которое Братство наше приняло на себя во имя Божие.

За семь минувших лет Бог оградил меня от судьбоносных сражений с мечом в руках. Я не принес братству немеркнущей славы блистательными победами на поле брани. Но Бог не мог оградить меня от размышлений и раздумий о судьбе Ордена, о пути пройденном и пути предстоящем. Возможно, именно в такое время мне суждено было стать Великим магистром, именно так мне было предначертано: остановиться, осмотреться, подумать и постараться понять, куда идти дальше. А возможно, я заплутал в своих раздумьях. Потому и выношу на ваш, братья мои, суд сказанные год назад слова и нынешние сомнения.

Гогенлоэ заложил руки за спину и, не прекращая говорить, начал прохаживаться взад-перед перед своим креслом. Ему всегда легче думалось на ходу.

– А оглянуться, братья мои, есть на что! Наши предки и предшественники ценой своих жизней, ценой отрешения от всего мирского, ценой усилий тысяч и тысяч братьев уже больше двух столетий несли и продолжают нести слово Христово по миру. Из нескольких госпитальных палаток для оказания помощи больным и раненым братство выросло в могущественный Орден, который превзошел по своему единству, силе, богатству – духовному и материальному – всех своих собратьев, а некоторых просто присоединил к себе.

Два столетия лучшие сыны немецкого народа покидали свои семьи, родные места, отрекались от связи с миром, принимали на себя монашеские обеты чистоты и невинности, бедности и послушания, лишали себя имущества, права и возможности продолжать свой род. Во имя чего? – Во имя великой идеи! В имя благородной миссии! Во имя веры Христовой!

Но вместе с тем, два столетия мы не выпускали из рук рыцарского меча! Каждый понимал и понимает, что мир устроен именно так, а не иначе. И мы упорно снова и снова направляли наш меч на неверных, стремясь освободить Святую Землю. Поколение за поколением! Забывая о добродетели, порой забывая даже заповеди Христа! Не считаясь с жертвами, подчиняя свои устремления лишь одному желанию: освободить гроб Господень.

Но настал горький день, когда нам, гордым немецким рыцарям, очередной раз доказали, что Гроб Господень охранить от неверных мы не в состоянии! Трагический день, когда нас тем же мечом изгнали из Святой земли! День, когда нас отвернули от святой идеи и повернули в другую сторону. И мы легко нашли себе нового врага, рядом, по соседству, и обрушили на него свой карающий меч! Зачастую отыгрываясь на нем за неудачи в Святой земле, вымещая обиды за поражения и унижение. Мы забыли о слове Божьем! Его заменил меч! А тот ли это путь? Вот вопрос, который меня терзает уже не первый день!

– Позволь, брат, Великий магистр, прервать твою речь и вставить слово! – все присутствующие перевели взгляды на нового оратора.

Голос за спиной заставил и Гогенлоэ обернуться, чтобы посмотреть на говорящего. Это был Конрад Зак, ландмейстер Пруссии. Это он принимал «гостей» из Венеции, он организовал созыв капитула на своей земле. Это была именно его земля, в которой он ощущал себя хозяином, даже по отношению к Великому магистру. И даже если бы к нему приехал сам папа рим-

ский, он все равно чувствовал бы себя хозяином. Впрочем, Гогенлоэ его понимал, потому что сам был ландмейстером немецких земель до того, как стал Великим магистром.

– Не могу не заметить, брат Готфрид, – в защиту славной, хоть и трудной истории нашего Братства, – что мы, немцы, присоединились к крестовым походам во имя Божие, присоединились к той священной битве, которую уже вел мир христианский против врагов Христа. А враг всегда перед нами был в двойном образе: это был враг во плоти и с оружием в руках, с одной стороны. Он всегда нес с собой смерть христиан, опустошение городов и деревень, потому что это враг со скверной в душе! И это его другая сторона. Как и чем можно одолеть такого врага? Ответ очевиден: против плоти и оружия – только меч! А против духовной скверны – только чистота помыслов, добродетель и чистота веры! Иного пути ни у нас, ни у наших братьев из других орденов не было, и нет.

Нет ничего более обидного, братья мои, чем посвятить жизнь свою священной битве, но так и не понять, против кого бился! А между тем, святой престол и владыка папа римский во имя Господа нашего вменил нам – Немецкому рыцарскому Ордену и другим братьям-рыцарям – отомстить за поругание распятого Христа, отвоевать землю, обетованную христианам, но занятую язычниками. Битву эту можно выиграть лишь с мечом в руках, потому что враг – тоже с мечом. Оружие несем мы, но ведет нас Господь наш! Война эта не наша, а Божья! И в руках у нас меч священный, обоюдоострый!

Только ты, брат Магистр, и твои ратники – воины, облаченные в латы, а меч в твоих руках – плотский. Мы же – клирики, святейшим престолом назначенные нести слово Божье, и меч в наших руках – духовный. Уничтожение врагов плотских и добродетели от Бога – вот два острия священного меча, который нам вменено нести! Быть во всеоружии против врагов, разоряющих земли христианские, и быть во всеоружии добродетели против козней дьявола! Только так мы можем выполнить волю Господа нашего. И победить!

– Истинно говоришь, брат Конрад! – указательный палец Великого магистра вернул взгляды духовных сановников на Конрада Зака. – Но стоит задаться вопросом: сколько еще столетий священную миссию может нести в себе только меч?

– Столько, сколько будут существовать язычники! – попытался решительно парировать Зак. Но вся его благодушная и мягкая натура противоречила его словам. Он был больше похож на простого проповедника, способного лишь донести слово Божье, призвать к примирению и согласию, но отнюдь не к решительным действиям, сражениям и битвам. За это его любили и Бог, и простые люди в Пруссии.

– И чего мы достигнем? Уничтожим язычников мечом, огнем и стрелой? Но на их место новые поколения встанут! Посмотрите, сколько сражений христиане выиграли, а сколько проиграли. Сколько столиц потеряли, поменяли. Стремясь в Святую Землю, воинство христианское дошло лишь до Аккона. Потом был Монтфорт, потом опять Аккон, до его последнего дня, потом Венеция... А Иерусалим? Долго ли за два столетия христиане оберегали святыни Господне от надругательств неверных? Полстолетия? Столетие? Не больше! Что стало с теми государствами, что возникли на земле Палестинской и вокруг нее? Где Иерусалимское королевство? Что стало с графством Триполи, с княжеством Антиохия, с Эдессом? На пепелище пришли и с пепелища ушли!

Глава шестая

1. День четвертый. Понедельник

*«... и мы уж стали привыкать
Благодаря стараньям вашим
День с чашки кофе начинать»
Мне от коллег. Из открытки.*

Я помешан на часах. У меня в квартире их штук пятнадцать. Поддерживают жизненный ритм. Тикают во всех комнатах, на кухне, в коридоре – куда ни кинь взгляд. Электронные, механические, старинные настенные с боем, на батарейках, от сети... Только ванна и туалет не удостоились такой чести: в этих помещениях спешить нельзя!

Но я ненавижу будильники! Будь то Ереванский часовой завод, агрегаты которого звенят, как трамвай перед перекрестком, будь то завод «Слава», – самые звонкоголосые; будь то «пикалка» в мобильнике – все равно ненавижу! Будильники портят мне пять седьмых моей жизни, – пять дней в неделю, – а иногда и больше! По утрам я морально готов стать каким-нибудь президентом страны только ради того, чтобы указом перенести начало рабочего дня на полдень!

6—20 утра – это самое позднее, когда я могу просыпаться, чтобы вовремя успеть на работу, предварительно умывшись, побрившись и проглотив чашку кофе. Поэтому я вынужден мириться с необходимостью будильника, но предпочитаю деликатные, как в «Нокии»: второго «пи-пи» мне достаточно, что б понять, что новый день с новыми неприятностями уже начался! А ведь, казалось бы, только что уютно пристроил ухо на подушке, даже перевернуться за ночь не успел!

Под руку попадает табличка, все события вчерашнего дня разом традиционно уже всплывают в памяти и будят меня окончательно. Нет, сегодня на работе дел – море. Все откладываю до вечера. А вечером соберусь с мыслями и что-нибудь придумаю. Хотя, что тут можно придумать?

Часом позже я уже в машине, а за десять минут до начала рабочего дня на входе в офис отмечаю карточкой, что я прилежный, дисциплинированный и исполнительный сотрудник, который приходит на работу вовремя, хотя вчера ему и надавали по шее.

Понедельники люди не любят; говорят, тяжелый день. Как представят себе, что одна седьмая часть жизни – это тяжелые дни, так сразу и начинают ненавидеть. Я мне нравятся понедельник. Конечно, меньше, чем пятницы, но больше, чем вторники. День начинается с заседания правления. А это значит, что целый час можно чувствовать себя спокойно. Вот когда шеф вернется с заседания – может начаться аврал. Но в другие дни – авралы перманентные. Ну и кто же будет в понедельник требовать немедленного решения вопросов? В первый рабочий день недели все собираются с мыслями, пишут рутинные служебные записки и письма, регистрируют их в канцелярии, отправляют, получают, читают, обдумывают ответ и тп. А вот во вторники, среды и четверги начинается ажиотаж и сумасшедший дом, когда все хотят решить все проблемы, чтобы в пятницу спокойно все подписанные, утвержденные, согласованные, отвергнутые бумажки подшить, закрыть в шкафу и с законным чувством исполненного долга уехать на дачу. Или просто домой.

Чайник, кофе, сахар. Пароль на включение компа, пароль на вход в сеть, пароль на вход в почту, пароль на Интернет, пароль на бухгалтерскую программу, пароль на базу договоров... Чёрт, сколько ж тут этих паролей, очуметь! Но это все равно лучше, чем с отпечатком пальца!

Вот настоящий дурдом был! Указательный палец прикладываешь к сканеру – ошибка, еще раз прикладываешь – ошибка... И так минут десять! Оказывается, на даче работал, палец поцарапал, и сканер теперь не узнает его «физиономию», видите ли!

Проверяю почту, удаляю спам, захожу в Интернет новости посмотреть. Правление еще идет, надо просто выждать, а уже потом строить планы на день. Если что-то важное на правлении решат – все предварительные планы полетят коту под хвост.

А в голове все время крутится одно и то же: «Dla Konsulatu ZSRR w Szczecinie...». Не дает покоя ни на минуту. Может быть, и в тексте есть пароль к чему-либо? Может быть, попробовать разложить все слова по полочкам, посчитать, пересортировать как-нибудь. В Excel, к примеру. Так, ради забавы только. И вообще, подумать, как бы Я что-то зашифровывал в такой одиозный текст.

... Час спустя понимаю, что занимаюсь полной ерундой! Секретарша какая-нибудь текст составила, шеф утвердил, выдал денежку, в металлоремонте текст выгравировали, на вазу пластинку прицепили и мне всучили. Вот и вся история! И нечего здесь искать!

Окунаюсь с головой в текущие дела... И только когда солнце начинает слепить при взгляде на монитор, голодное посасывание внутри желудка возвращает меня к мысли, что я существую: если я хочу есть, значит я существую. И еще, значит, время за полдень давно.

После буфета остаток дня тянется в мучительной борьбе со сном, желанием покурить, поиграть в «Тайпей» или «Тетрис», почитать анекдоты в Интернете или сходить на женский форум, чтобы потрепаться там о сексе. Если бы не надо было писать письма в Туркмению, Молдавию, Грузию и на Кипр, я бы этим именно и занимался. Подпись шефа под письмами и исходящий номер в уголке становятся радужным завершением «плодотворного» трудового дня, и я начинаю собираться домой, внутренне радуясь такой «безоблачности» понедельника. Дотянуть бы до полуночи, и можно считать день удавшимся.

2. День четвертый. Понедельник

«Мы можем столько, сколько мы знаем»

Античный афоризм

«Я знаю только то, что я ничего не знаю»

Сократ

Час дороги до дома. Заезд в «Перекресток»: несколько баночек «Васьки» для Аськи, горячий батон хлеба, вареная колбаска, горчица, буженинка, кило яблок, Кока-Кола, оливки с анчоусом, пачка кофе, ананас кружочками в банке, конфеты «Аленка»... Что еще человеку надо было бы для счастья?

Из гаража тащусь, загруженный пакетами с едой: в одной руке портфель и небольшой пакет, в другой – большой пакет и еще один, небольшой. И куда вся эта жратва уходит? В доме две стройные девушки всего лишь, а по количеству продуктов можно предположить, что взвод солдат!

Напротив подъезда в тени под развесистой липой выжидающе топчется приятной наружности девушка лет 25-ти в темной, совсем не летней по цвету, блузке, светлые, видимо, не крашенные, а натуральные, волосы схвачены черным платочком или косынкой. Привлекательная, милая, но грустная. Внутри у меня все подбирается от какого-то непонятого и беспричинного на первый взгляд напряжения. У подъезда портфель зажимаю между коленями и набираю код домофона. Везде коды и пароли, как на работе! Двери лифта открыты, и через минуту я выдыхаю уже на своем 13-м этаже. Пакеты сваливаю рядом с дверью, шарю по карманам в поисках ключа, справляюсь, наконец-то, снова собираю пакеты, тащу их к двери квартиры, снова сваливаю пакеты... А внутри за дверью начинает трезвонить домофон: кто-то снизу набрал номер квартиры. Быстро поворачиваю ключ и хватаю со стены трубку.

– Да!

– Алло, это господин Андрей?

– Да, я Андрей.

– Я сестра Барбары... Очень хотела бы поговорить... Вы мне позволите войти?

– ...Да-да, входите, 13-й этаж, – опешив от неожиданности, с трудом понимаю, кто пришел, и нажимаю кнопку. Сюрприз, однако...

Ну вот, стоило вернуться домой, – тут же все возвращается: незваные гости, разговоры, вопросы, ответы... Затаскиваю пакеты на кухню, – разбирать придется потом, возвращаюсь в коридор и жду. Из открывшейся двери лифта выходит белокурая девушка в черном – траурном – платочке. Теперь вижу, что она похожа на мою первую преподавательницу английского языка в институте. Видимо, интуитивно почувствовала, увидев меня внизу, что дождалась того, кто ей нужен.

Приглашаю в комнату, предлагаю располагаться на диване и подождать полминутки. Тем временем, мою руки, захожу на кухню, чтобы налить воды и включить чайник, снимаю пиджак и возвращаюсь к госте.

– Извините, я только что приехал с работы. Чай? Кофе?

– Нет, спасибо. Может быть, воды, если можно. Минералки у вас нет? – говорит с небольшим акцентом, значительно меньшим, чем был у Барбары.

– Да, секунду.

Минералку, «Кока-Колу» и холодный чай «Нести» я покупаю раз в неделю «оптом», – по несколько бутылок, – чтобы не таскать на себе каждый день. Быстро шмыгаю на кухню, наливаю стакан и возвращаюсь.

Она выпивает почти все, отставляет стакан на журнальный столик, вздыхает...

– Я – сестра Барбары. Меня зовут Кинга. Кинга Брандыс... Мне трудно сразу собраться с мыслями. И я не представляю, с чего начать... – она готова расплакаться, но сдерживает себя, губы дрожат, на ресницах влажные капли. Мне вдруг представляется их соленый вкус, и я даже облизнул губы от реальности неуместного ощущения. Чёрт!

– Я вас понимаю... В такой ситуации, когда теряешь близких...

– Да-да. Именно теряешь. Любая потеря – даже какой-то вещи – вызывает чувство отчаяния, досады и бессилия перед обстоятельствами. А потеря близких – особенно.

– Повторюсь, я вас понимаю, потому что не так давно пережил подобную ситуацию и стал вдовцом. Чем я могу вам помочь сейчас?

– Расскажите, пожалуйста, что произошло с Барбарой? – она достает и маленькой сумочки платочек и мнет его в руках. На случай слёз.

Странный вопрос. Я бы тоже хотел это знать не меньше, чем она

– ...Но вы знаете это не хуже меня: она умерла. – Каков вопрос, таков ответ. Прямо-таки, по Путину.

– Вы предпочитаете шутить или издеваться? Я хотела серьезного разговора.

– Я отвечаю серьезно. Других фактов – не знаю.

– Меня интересуют причины, обстоятельства, – все, что предшествовало... этому. Наша семья в трауре, и нам пока многое непонятно. Конечно, у нее был врожденный порок сердца, ей следовало избегать стрессов и физических нагрузок, следовало беречь себя. Поэтому мне и важно знать, что стояло за ее смертью, какие обстоятельства.

Пока и мне многое непонятно. Не ясно, кто она, чем занимается, как меня нашла, знает ли о вазе, о том, что вазы у меня нет, знает ли этих «чисто пацанов-литовцев» и Ежи... Вообще, насколько она в курсе событий?

– Скажите, Кинга, где вы нашли мой домашний адрес? – Лучше все же начать издалека или «изглубока».

– В милиции, когда занималась оформлением документов на Барбару вместе с сотрудником посольства. Там было все написано: адрес, телефон, фамилия...

– А почему предварительно не позвонили? Я мог бы вообще сегодня не приехать или приехать поздно ночью. Такое случается.

– Я опасалась, что вы откажетесь встретиться. Найдете какой-нибудь повод отвертеться. Для вас ведь ситуация тоже не из приятных. Да и не очень-то доверяю телефонам, тем более не люблю серьезные вещи обсуждать, не видя глаза человека. Для меня это важно: видеть реакцию, мимику, жесты, выражение глаз. Телефон лишает всего этого... Так что же здесь произошло?

– Кинга, я не знаю, как отвечать на ваш вопрос. Могу лишь описать хронологию, а выводы вы делайте сами. Так вот. Она пришла вместе с Ежи – полагаю, вы знаете, кто он, – за несколько часов до вылета на Сахалин. Предварительно она мне днем позвонила и передала привет от Адама Вуйчика. Знаете вы его или нет, – несущественно. Я его тоже с трудом вспомнил. Мы посидели с полчаса здесь, в этой комнате, на этом диване, пока дочь готовила ужин, поговорили о морских гребешках, а потом пошли на кухню к столу – дочь позвала. И именно там, как только она села за стол, это и произошло.

– Но совсем просто так – без причины – сердце не могло остановиться! Должно быть что-то, что ее поразило, встревожило, привело к такому срыву! Какие-то действия, какие-то предметы...

Так-так. Намек понятен. Она что-то ищет. Либо знает точно *что*, но пока не хочет говорить, либо догадывается и пытается выяснить. Пора и ее «прощупывать» в ответ.

– Давайте не будем смешивать понятия: причина и повод – разные вещи. Причина – слабое сердце. Это мы выяснили. А поводом может послужить даже ее собственная мысль, если за ней следует адреналин.

– А я могу осмотреться в вашей кухне?

Мы проходим по коридорчику мимо ванной и туалета. Показываю, кто где усаживался за столом, рассказываю, *что* стояло на столе, *что* еще «доходило» до готовности в духовке. Как бы ненароком упоминаю букет цветов в вазе на холодильнике.

– В вазе? Фиолетовой? Польской?

Вот так! Она в курсе. Интересно, насколько. Я подтверждаю и устанавливается довольно тягостная пауза. Она усаживается на уголок и о чем-то думает, шмыгая носом, забыв про платок в руках.

– Значит, она ее нашла все-таки... Покажите мне вазу.

– Рад бы, да не могу. Ее нет. Ее украли.

3. День четвертый. Понедельник

«Нужно очень много слов, чтобы не сказать правды»

А. Каменьская – писательница (Польша)

– Как?? Кто?? Когда?? – набор вопросов прямо-таки почти из ворошиловского шоу «Что? Где? Когда?». Только вот, кто из нас ведущий: она или я? Получается, что литовских «бандюков» она не знает.

– Кинга. У меня есть предложение. Давайте я быстренько приготовлю для нас легкий ужин – я же с работы приехал, голодный – и мы поговорим детально. Это займет всего десять минут. Вопросов к вам у меня много, боюсь, умру с голоду... Извините, ляпнул трафаретом. – запинаясь на полуслове, вспомнив, что «в доме повешенного о веревке не говорят».

– Вы готовьте себе, а я только от чашки чая не откажусь.

Действительно, за десять минут умудряюсь накрыть приличный стол с закусками, овощами и фруктами, вскипятить чайник, сделать чай и кофе. Попутно рассовать по шкафам из пакетов закупленное сегодня, выяснить, что Кинга – журналистка в каком-то вильнюсском гламурном журнальчике типа московского «Наш досуг», что она в Москве с субботы, то есть больше двух дней, что она живет в съемной квартире одна, что она не замужем и не собирается, потому что мужчины ей не интересны в принципе... Меня этим не удивишь. Но она и не пытается этого делать. Для нее – это нормально. Для меня – не то, чтобы привычно, но и необычным не кажется уже давно. Шока не вызывает.

Стараюсь перекусывать не торопясь, подчеркнуто соблюдаю правила приличия, не говорю с набитым ртом, прожевываю тщательно – 33 жевательных движения в минуту, по науке. Говорим много, о разном, но ни слова о главном. Она дожидается, пока я успокоюсь со своим ужином, а я тяну время, пытаюсь сосредоточиться на том, что надо ей говорить, а что – не надо. Наконец, она не выдерживает.

– Так что же случилось с вазой?

– Ее украли в ночь с субботы на воскресенье, пока я был в Рязани. Взломали замок на двери и унесли... Скажите, Кинга, ваша фраза «она ее нашла все-таки» означает, что Барбара была здесь, у меня, с конкретной целью и совсем не той, о которой она говорила. Сахалин и все такое.

– Скорее всего, именно так. Сахалин был поводом попасть в Москву не просто бесплатно, но еще и за гонорар от бизнесмена, которого она сопровождала.

– Хорошо. С этим понятно. А вы знаете, что за история кроется за вазой? Почему она вызывает такой странный ажиотаж? Ее ищут, находят, из-за нее умирают, ее крадут, причем не один человек, а разные люди... Из-за простой стекляшки столько событий не будет разворачиваться...

– Видите ли, Андрей. Я многого не знаю, потому что с Барбарой мы встречались не часто, да и в свои дела она меня посвящала лишь дозированно. Я знаю, что ваза каким-то образом связана с Мальборком – небольшим городком на севере Польши, недалеко от Гданьска.

– Да, я знаю, бывал там когда-то на экскурсии в замке.

– Вот как раз с замком и связана история этой вазы. Но каким образом точно – не знаю. Барбара готовилась к защите диссертации по истории. Что-то там связанное с крестоносцами и крестовыми походами. Она писала ее больше четырех лет. Неделями, а иногда и месяцами жила в Польше, собирала материалы... Дособиралась... – в руках снова замельтешил платок.

– Но эта ваза была изготовлена совсем в другом месте, в Бялогарде, она современная, не старинная... Какое отношение она может иметь к крестовым походам и Мальборку? Я ничего не понимаю!

– Не знаю. Но с ней что-то связано. Барбара долго искала ее следы, выяснила, куда она была передана из Бялогарда, ездила в Щецин, но консульство России там уже закрыли. Ездила в посольство в Варшаву, в Москву, в МИД, нашла фамилии сотрудников консульства в те годы. Один из них оказался гражданином Литвы и живет в Вильнюсе.

– Шлижюс, по-моему? Консул. – Припоминаю лоснящуюся, но интеллигентную физиономию.

– Видимо, да. Там один такой – литовец – был. Барбара встретила с ним, беседовала, расспрашивала про всех, у кого могла оказаться ваза. Потом начала искать всех бывших дипломатов подряд по списку. Кто-то уже умер за это время... И вот. Нашла...

Я восхищаюсь ее упорством. И понимаю, что дело, видимо, стоило таких усилий.

Это правда. Я искренне восхищаюсь, потому что знаю, что такое получить нужную информацию в таких организациях как МИД. Тем более что несколько человек в консульстве принадлежали отнюдь не к структуре МИД-а, а к внешней разведке. Надо полагать, что Барбаре кто-то должен был оказывать помощь. Подсказывать, консультировать, направлять, сво-

дить с нужными людьми. И этот кто-то – достаточно осведомленный субъект и с хорошими связями. Кто же это мог бы быть? Литовцы или поляки? А что, если прямо «в лоб» и спросить?

– А вы не знаете, кто мог помогать Барбаре в этих поисках? Ведь общение рядового обывателя с государственными монстроподобными организациями – дело нелегкое и не всегда под силу хрупкой девушке. – Прости, Господи, такую грубую лесть: Барбара была отнюдь не хрупкой.

– У нее есть... был... ну-у... есть, конечно, научный руководитель, профессор истории, с которым она больше всего общалась и консультировалась. Он известный ученый со связями, само собой. Видимо, он помогал ей выходить на такие структуры. Возможно, и еще кто-то был, не знаю.

– А фамилию профессора знаете?

– Нет, но могу выяснить... Когда дома буду. – глаза снова краснеют, платок извлекается на свет божий.

– Так. Хорошо. Но есть еще вопрос. Диссертация Барбары... Она в каком виде существует? Напечатана? В компьютере? На каком языке? Как мне кажется, там могут быть какие-то зацепки. Конечно, вряд ли бы она детально что-то раскрывала в тексте, предназначенном для публичного обсуждения. На мой взгляд, диссертация и история с вазой – это две разные сюжетные линии. История историей, а ваза – это что-то частное, даже личное. Но тем не менее, почитать было бы полезным. Вдруг...

– Работа в ее ноутбуке, дома. В другом месте вряд ли может быть. А текст, естественно, на литовском...

– А если я попрошу вас выслать мне этот файл или файлы по электронной почте? Я бы попытался разобраться. Как думаете, получится?

– Ну если Барбара не установила паролей для входа в ноутбук, – почему бы и нет. Не думаю, что вам это понадобится для своей диссертации. Вы производите впечатление порядочного человека.

– Это не впечатление, это – натура. Просто порядочный. – пытаюсь отшутиться. Потом прошу разрешения закурить и после минутной паузы начинаю подводить итоги.

– Итак. Что мы с вами имеем?

– Имеем еще один невыясненный вопрос... Кто украл вазу? Где ее искать?

4. День четвертый. Понедельник

«Из двух соавторов каждый уверен, что на его долю выпал весь труд и только половина гонорара»

А. Кристи

Да, девочка, а ты не так проста! Все вопросы держишь в голове, несмотря ни на что. В сторону тебя не уведешь и многословием с пути не собьешь. Но я ведь все равно не скажу всей правды, потому что сам ее не знаю. И разгадывать загадки нам с тобой, возможно, придется вместе. Да и на вазе ты больше сосредоточена, чем на смерти своей сестры. Придется ограничиться полуправдами и пока умолчать о ее соотечественниках-воришках.

– Не знаю. Но понимаю ситуацию так: если мы узнаем, что скрывается за историей с ней, возможно, сможем узнать, кому она оказалась так необходима. А для этого нам нужна масса дополнительной информации. Вы хотите докопаться до корней?

– Естественно, хочу. Барбара отдала этому несколько лет жизни... Да и саму жизнь... Я должна знать правду!

– В таком случае нам ничего не остается, как сотрудничать. Предлагаю все-таки подвести итог и сделать выводы. Сухие факты и трезвые выводы. Начинаю суммировать.

Картинка получается маловразумительная, но интригующая. Итак. Начнем в хронологическом порядке. В ноябре 1987 года на торжественном мероприятии в Обществе польско-советской дружбы в польском городе Бялогарде мне, как представителю Генконсульства СССР, вручается стеклянная ваза, производства местных стеклодувов. Вазу я оставляю у себя на память и, при возвращении в Москву четыре года спустя, привожу ее с собой, где она и находится все эти годы.

Лет пять назад Барбара начала работать над диссертацией по теме крестоносцев и крестовых походов. Для сбора необходимых материалов неоднократно выезжала в Польшу, посещала Мальборк и замок крестоносцев в этом городе. Судя по всему, среди найденных материалов ей попались какие-то интересные данные, которые каким-то образом связаны с врученной мне вазой. Барбара начинает поиск самой вазы или информации о ней сначала в Бялогарде, где, видимо, выясняет, что она передана в советское консульство в Щецине, потом ищет в Щецине, в российском посольстве в Варшаве, затем в Москве и Вильнюсе. Составляет список бывших сотрудников консульства, выясняет их адреса и начинает систематически посещать людей по конкретным адресам.

Поиск приводит ее ко мне в квартиру, куда она приезжает под благовидным предлогом с поляком-бизнесменом в качестве сопровождающего. Здесь, спустя час после прихода, Барбара неожиданно обнаруживает вожаденный предмет длительных поисков. Однако, большое сердце оказывается не в состоянии выдержать трепетные переживания, всплеск радости от долгожданной находки и связанную с этим стрессовую ситуацию. Она умирает. А следующей ночью вазу кто-то похищает из квартиры, и где она находится теперь не известно.

– Мы ничего с вами не упустили? – Риторически заканчиваю подведение итогов.

– Вроде бы все, что известно, – не упущено. Есть еще нюанс, правда. Мы не знаем, что было в начале: Мальборк, а потом информация о вазе или сначала информация о вазе, а потом Мальборк.

– Да. Это может оказаться принципиальным моментом. Думаю, диссертация нам хоть чем-то подскажет.

Конечно, ряд фактов, известных только мне, остаются в стороне. Но я делаю это целенаправленно: с одной стороны, в последующем, если нам придется действовать вместе, нужно иметь хоть какой-то задел для того, чтобы удостовериться, насколько Кинга будет искренней и добросовестной со мной. С другой стороны, табличка – единственное, что реально находится в моих руках, и именно она представляет собой какую-то ценность. Зачем же об этом трезвонить? А если она водит меня за нос и работает на «бандюков» -литовцев?

– Отлично. Теперь давайте посмотрим на то, что нам не известно. Какие вопросы нам нужно для себя прояснить? – достаю лист бумаги и авторучку.

Я не пессимист, наоборот: я махровый оптимист. И когда говорят, что «все плохо», отвечаю, что это все фигня и будет еще хуже. И тем не менее, перечень неясных вопросов получается достаточно внушительным и даже я начинаю ощущать бесперспективность всей этой затеи. Получается, что выяснить надо следующее.

* В чем ценность вазы? (для себя в уме сделал пометку: таблички с надписью)

* Кто инициировал передачу вазы в консульство? Был ли он осведомлен о её истории?

И следовательно:

* Почему столь ценный для кого-то предмет был передан в консульство СССР? По неведению или целенаправленно?

* Почему столько лет о вазе никто не вспоминал, пока Барбара не занялась диссертацией?

* Какие данные удалось найти Барбаре? Связано ли это с историей? Связано ли это с крестоносцами и замком в Мальборке? Что было первым: ваза или Мальборк?

* Фамилия и все возможные сведения о научном руководителе Барбары по диссертации.

* Фамилии и координаты людей, посвященных в проблему или задержанных в поисках вазы.

* На каких принципах Барбара взаимодействовала с ними? Помогала? Исполняла их указания? Руководила и организовывала?

* Записи, пометки и другие документальные материалы Барбары по данному вопросу в записных книжках, в ноутбуке и прочих ее личных вещах.

* Диссертация. Анализ ее содержания на предмет любых зацепок, связанных с вазой. Возможно, перевод текста на русский язык.

Уже этих десяти пунктов оказывается достаточно, чтобы осознать свое полное бессилие. А ведь еще не учтена масса стоящих лично передо мной вопросов: кто же на самом деле Ежи, – реально бизнесмен или тоже причастный к поискам? Кто такие эти литовцы, работают на кого-то или сами организаторы? В чем тайна таблички? Ну и масса прочих мелких вопросов, которые могут проясниться по ходу действия.

– Итак. У меня складывается впечатление, что самым простым способом решения проблемы будет «забить» на все, забыть про вазу и жить спокойно дальше! Как вы считаете, Кинга? – пробую прощупать ее настрой.

– Ни в коем случае! Это будет несправедливо по отношению к сестре.

– Но вы понимаете, что основную часть этих пунктов можете прояснить только вы. Это же каторжная работа! Тут наизнанку нужно вывернуть массу вещей и фактов!

– Я все понимаю и готова пункт за пунктом над этим работать. Мы всю хронологию почти за 20 лет отследили, есть белые пятна...

– Осталось изучить хронологию истории Мальборка и крестоносцев с какого там, с 11-го или 13 века? И до 1987 года! – Издевка в моей реплике звучит совсем неприкрыто и ответной реакции не вызывает. Кинга шутить не настроена.

– Все, что касается Барбары, ее диссертации и поисков, – я могу попытаться выяснить. Покопаюсь в ее материалах, тетрадках, в ноутбуке, в записной книжке. А что делать с остальным – не знаю.

Договариваемся о поддержании связи, обмениваемся адресами электронной почты, номерами телефонов, в том числе и запасными вариантами на всякий случай: она дает номер мобильного своей мамы, я – своей старшей дочки. На тот же «всякий пожарный» случай записываю ее домашний адрес. В Вильнюс она планирует вернуться уже через день, максимум два и к выходным готова прозвониться с первыми результатами.

Мы беседуем больше двух часов. Кинга готова уже уезжать, спрашивает, где включить свет в туалете – «на дорожку». Минутой позже она с интересом осматривает поврежденную входную дверь, уточняет, связано ли это с похищением вазы, – надо ж хоть какое-то подтверждение получить, что ее действительно украли. Провожая гостью до лифта и возвращаясь к себе, – переодеться, убирать со стола, мыть посуду, дождаться прихода дочек, да и вообще заниматься своими делами.

В это момент в кухонной тишине яростно звонит телефон. Домашний. Вздрагиваю от неожиданности.

Глава шестая (бис)

Гогенлоэ говорил размеренно и продуманно, пафосной интонацией подчеркивая самое основное с его точки зрения. Взгляд его скользил поверх голов святых отцов, магистров и комтуров, а в паузах время от времени задерживался на трещинах в каменном полу.

– Мы – Немецкое рыцарское Братство – начали с несчастья, с госпиталя, с необходимости помочь несчастным, истерзанным битвами, истекающим кровью раненым и больным. Наше участие в крестовом движении народов началось с гибели немецкого императора Фридриха. А в какое время? – Когда Иерусалим захватил султан Салах-ад Дин. За столетие битв и сражений братства ни один немецкий рыцарь не вступил на землю Иерусалимскую! Это ли не история несчастий, поражений и унижений?!

Великий магистр сделал пару шагов вперед, потом вернулся на свое место и, тяжело вздохнув, продолжил.

– А чем мы закончили борьбу за Святую Землю? – Полной утратой всех завоеваний, стертых с лица земли Акконом и настоящим бегством христиан из Святой Земли! Как ни прискорбно мне это произносить, но это так! Таков итог!

– Но это не единственный и не самый главный итог! – новый голос снова заставил Великого магистра искать глазами говорившего. На этот раз в разговор вступил Зигфрид фон Фейхтванген – магистр Тевтонии, а еще совсем недавно – комтур Вены. – Нарушу, с позволения святых отцов, выжидательное молчание присутствующих здесь братьев и по примеру брата Конрада Зака вступлюсь за Орден.

Он тоже встал. Теперь Гогенлоэ и Фейхтванген стояли друг против друга в противоположных концах зала, глядя друг на друга.

– Великий магистр. Я уважаю и понимаю твои сомнения. Тем более, когда история нашего Братства сама дает в руки неумолимые и неоспоримые примеры несчастий и неудач. Но это лишь темная сторона. И мы не можем видеть только этот мрак, только эту «ночь», потому что ночь всегда сменяется светом Божьим и солнцем. И тогда можно посмотреть вдаль и увидеть, что нас ждет впереди. Такой порядок предreshен Богом, и изменить его не в наших силах.

Фейхтванген, собираясь с мыслями, сделал паузу, которой тут же воспользовался Великий магистр.

– Но свет Божий может обнажить и край пропасти под ногами! А на дне пропасти уже не важно, шагнул ты туда во тьме или при свете дня!

– А разве ты, брат, шагнул бы в пропасть по доброй воле? Или предпочел бы оглядеться, посмотреть по сторонам и найти иной путь? Возможно, даже повернуть назад?!.. Не стоит торопиться. Пропасть не может быть со всех сторон. И правильный путь, указываемый Богом, можно увидеть, лишь дождавшись света! – Фейхтванген, удовлетворенный своим ответом, расправил плечи, выпятив могучую грудь, заткнул большие пальцы рук под кожаный пояс и замер, глядя в глаза Великому магистру.

– Я не вижу пути, указываемого Богом, – печально и почти обреченно произнес Гогенлоэ. – Позади – тоже пропасть. Пути обратно, в Святую землю, больше нет. За последние семь лет ни один рыцарь не обнажил свой меч в благородном порыве отправиться к Гробу Господню! Тем более, что после похода монголо-татар на сарацин не осталось в Святой Земле ни одного рыцарского комтурства, не говоря уже о баллеях. Ни в Антиохии, ни в Малой Армии – вплоть до границ с Египтом – нет ни одного христианского храма или крепости, построенного в свое время Братством.

Гогенлоэ по-прежнему расхаживал вперед-назад, делая по два-три шага и разворачиваясь, все так же не глядя ни на кого конкретно, кроме собеседника, на которого лишь изредка

бросал взгляды исподлобья. А Фейхтванген тем временем, уверенно расставив ноги и скрестив руки на груди, периодически вставлял реплики в монолог Великого магистра.

– Но позволь возразить, Великий брат, и напомнить капитулу, что сегодня у Ордена только в немецких землях 13 баллеев, в Италии – три: Сицилия, Апулия и Ломбардия. Есть баллей во Франции, есть огромная Романия, есть Малая Армения, Кипр. Наконец, Пруссия и Ливония, которые здесь, на нашем капитуле, представлены вместе с немецкими землями, где я имею высокую честь быть ландмейстером. В составе этих баллеев больше 300 комтурств, которые несут веру Христову и стоят на ее защите. Это завоевания Ордена! Ведь тебе, Великий магистр, это известно даже лучше, чем мне. Потому, прости за дерзость.

На последних словах Фейхтванген легко и еле заметно ухмыльнулся, воспользовавшись тем, что Великий магистр направился в этот момент к своему креслу и, склонив голову в сторону епископа, грузно опустился на сиденье. Обычай и правила капитула не требовали от участников вставать при произнесении речей. Это было делом добровольным.

– Да, ты прав, брат Зигфрид. Мне это известно лучше. – Со вздохом произнес Гогенлоэ. – Мне известно, к примеру, что многие из этих земель – не завоевания Ордена, а дары Ордену, как, например, Трансильвания и часть комтурств в Греции. Известно также, что сюда, в Пруссию и в Ливонию, так же как и в Грецию или в венгерскую Бурцу, Орден был призван местными правителями. А это не завоевание. Это то, что досталось Ордену даром. А сколько еще таких даров получено от богатых мирян, от фамилиаров по наследству и по завещанию? И еще мне известно, также как и вам всем, что своим авторитетом и имущественным богатством Братство обязано, прежде всего, папским привилегиям и индульгенциям, тем 113 буллам, которые папа Гонорий III издал специально для нашего Ордена. Да еще благосклонности немецкого императора. Только благодаря им, Братство имеет право владеть всеми этими землями. Но ни папа, ни император немецкий не давали Ордену привилегий терять эти земли.

Гогенлоэ резко встал и снова взволнованно зашагал по залу.

– А чем теперь живет мир христианский? – Мир христианский расколот. Спор за королевский престол в Риме¹² решается мечом – ценой убийства короля Адольфа, что вызывает справедливую немилость папы римского. За венгерский престол спорят не венгры, а король Богемии и герцог Австрии. Король римский ведет войну с герцогом Баварии и архиепископами Майнцским и Кельнским. А неужели это не христианские земли? Это еще и тевтонские, немецкие, земли, на которых заложены многочисленные комтурства и храмы нашего братства! Не далее, чем три дня назад ко мне прибыл гонец с вестями о том, что сам Его святейшество папа римский Бонифаций VIII вынужден вступать в распри с королем французским Филиппом и оправдываться перед Вселенским Собором по абсурдным обвинениям. . . И по каким обвинениям, вы только вдумайтесь: ересь, симония, безнравственность, идолопоклонство, чародейство, потеря Святой Земли, убийство Целестина V. . . Что может быть конфузнее?

Епископы молчали. Магистры земель переводили взгляды с одного епископа на другого, ожидая реакции именно от них на такие неоднозначные суждения о святейшем престоле. Комтуры в основном смотрели в пол, понимая, что их мнение сейчас никому не важно. А Великий магистр тем временем продолжал.

– Да, мы обернули свои взгляды на пруссов, поляков, литвинов. Больше некуда! Да, Прусская и Ливонская провинции укрепились, приросли новыми землями. Но и здесь среди обращенных в христианство язычников происходят все новые и новые вероотступничества¹³. Вспомните этого сына проклятия Святополка – поморского князя, с которым еще брату моего деда Великому магистру Генриху фон Гогенлоэ пришлось сражаться не один год. Сколько жизней христианских он успел погубить и сколько земель успел разорить со своим презренным

---

¹² В 1298 герцог Австрии Альберт убил в сражении римского короля Адольфа и сам стал королем.

¹³ Восстания пруссов против крестоносцев в 1242—1260, 1260—1274, 1277, 1286, 1292, 1295 гг.

языческим воинством! Здесь, на земле Прусской, нетронутыми остались только замок Балга да благословенный Эльбинг. А в Помезании и земле Кульмской? Только Торунь, Кульм да Редин уцелели. Так разве можно считать обращенными в веру Христову врагов, которые неизменно возвращаются к своим злодеяниям при первой оказии? Разве можно это называть отступничеством от веры, когда веры в их варварских сердцах и не было вовсе!? Потому и утверждаю, что привнесенная вера, хоть и единственно истинная, может привиться у язычников только в их детях, внуках и правнуках. Привиться через слово Божье и пример терпеливых деяний христианских, но не через меч!

– И через меч тоже! – возглас епископа отца Гертвига заставил вздрогнуть увлекшегося своими собственными речами Великого Магистра. Святой отец говорил, не вставая, опершись локтями на подлокотники своего трона и теребя в руках ковчежец на цепочке.

– Дозволь спросить, брат Великий магистр, известны ли тебе примеры успешных мирных христианских миссий в землях Прусских? Можешь ли ты назвать хоть одного проповедника, кто понес бы слово Христово язычникам, привлек бы их в лоно Божье, и тем снискал бы себе признание всех? Знаешь ли ты хоть один храм в земле Прусской, не разоренный нечестивыми?

– Нет, святой отец, не знаю. Но это служит лишь подтверждением тому, что мирных миссий было слишком мало, если они вообще были. Мы сразу занесли меч над язычниками и сказали им: «Или смерть, или лоно Христа!». Изначально пришли карать!

– Тогда уместно здесь будет все-таки вспомнить имена тех клириков, кто жизни свои посвятил святой миссии, и отдал эти жизни за дело Божье, пав от рук язычников. Адальберт – епископ Пражский – еще два столетия назад первым пришел к пруссам с крестом. А закончил он миссию уже через несколько лет, приняв мученическую смерть на копьях нечестивых. Бруно из Кверфурта пришел следом. Но через десять лет и его ждала та же участь. Ульриха из Боцена три десятка лет спустя язычники посадили на кол. Даже цистерианскому монастырю в Лекно, его аббату Готфриду, основавшему наше епископство, и первому епископу Христиану не удалось избежать войны. Не будем забывать, что именно по их зову и просьбе о помощи наш Орден пришел в землю Прусскую! Они мирно несли слово Божье, но им потребовался меч для защиты жизней христианских!

Епископ умолк, расправил плечи и откинулся на спинку кресла. На зал опустилась напряженная тишина, все ждали либо продолжения, либо ответных слов Гогенлоэ, который во время выступления епископа вернулся на свое место.

– Святой отец. Братья. Пока я не услышал ни одного слова, которое могло бы подтвердить, что присутствующие здесь видят путь, которым Ордену следует идти дальше. А это главное, что мне необходимо услышать. И не просто услышать, а понять, принять, вдохновиться и вдохновить Братство! Пока же я не вижу ничего, кроме теряющего свою силу и уважение Ордена, которому уготована судьба терпеть все новые и новые поражения, терять все больше земель и воинов. Братство пополняется не воинами, а торговцами и землевладельцами. К нам идут не ради святой цели христовой, а ради богатства и привилегий. К нам идут не сражаться, а обогащаться.

Мы объединяем земли здесь, в Пруссии, строим крепости, закладываем города, которые заселяют и начинают обживать мирные подданные немецкой империи. Потом приходят отряды нечестивых пруссов или литвинов, убивают, разоряют, грабят наши богатства. И все начинается сначала. Орден – это маленькие разрозненные островки, окруженные врагами. Даже Польское королевство, с которым мы вместе пытаемся противостоять разорению язычниками, видит в нас чужаков. Желание поляков пройти на судах по Висле до самого моря не иссякнет и не забудется. Мы отсекли их от моря, которое им жизненно необходимо. И потому воинствования с землями Польскими исключить не могу.

– С королем польским мы в ленном договоре и мире до тех пор, пока есть угроза от варваров. – Громко обозначил свое мнение Фейхтванген. – Нас призывал на помощь еще князь

Мазовецкий, потому что в одной только его земле, в земле в Мазовецкой, тысячи церквей разрушено и поругано, многие тысячи христиан убиты в деревнях и городах. Польша не в силах в одиночку справиться с варварами.

– Как призвали, так же легко могут и отказаться. Стоит им только почувствовать силу или даже просто однажды убедиться, что они достаточно сильны, чтобы самим противостоять пруссам. И нам. – Гогенлоэ на мгновение задумался и добавил. – Впрочем, ленный договор – это ли не доказательство того, что наше Братство, наш Орден утратил истинное свое назначение? Мы сами превратились в меч, которым «размахивают» другие народы, и который используют как настоящее оружие! А король Польский сейчас – первым среди всех!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.